

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

Сказки
ТАЕЖНОГО
ИГРИЩА

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

**Сказки
ТАЕЖНОГО
ИГРИЩА**

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» Москва — 1972

Художник
Т. Ф. ЕЛАГИНА

Шесталов Ю.

Ш51 Сказки таежного игрища. М., «Сов. Россия»,
1972.

176 с.

Известный мансийский поэт рассказывает в этой книге много интересных сказок, писанных на основе эпоса манси.

Читатель узнает, что в тайге — глаза зорче, слух острее и, если родится грусть — то это таежная грусть. И любовь к человеку здесь чувствуется по-особому. И об этом обо всем поведаст читателю таежный огонь.

И потому, говорит писатель, зовут его священным огнем. И перед его прозорливыми глазами люди не могут лгать, а говорят только правду.

7-3-3
196-72

С(Сиб)

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Моя загадка: по дереву красная лисица бежит.

— Это огонь. Какой манси не знает! Вот он скачет по поленьям.

— А и правда: языки огня похожи на лисиц. Скачущие лисицы. Красновато-золотистые.

Огонь — загадка. Огонь — сказка. Он трещит — не злится. Он трещит — говорит. Много сказок знает огонь. И о том, откуда земля пошла, и человек на ней зажил. Как появились зубастые звери, крылатые птицы, а в реках заплескались рыбы. Как образовался жир земли — нефть, которую нашли геологи в краю манси. Человек всегда мечтал постичь тайны Земли и Неба. Он хотел лететь и выковал восьмикрылого коня.

Все знает таежный огонь, потому что человек без него жить не может. Летит оленевод на быстроногих оленях — но скорость его не греет. А мороз все сильнее и сильнее сковывает тело, ум и душу. Лишь под лапами кедра у золотого костра вместе с чаем оживает тело, просыпается душа, и быстрее оленей летит мысль в теплую сказку жизни.

А жизнь в тайге не простая. Мало в ней людей. Зато много деревьев, зверей, духов. В тайге — жизнь. Такая же, как и у манси. Там духи добрые и злые ведут между собой вечную борьбу. Они так же, как и люди, рыбачат и охотятся, женятся и расходятся, рожают детей, любят и страдают...

Люди и духи в таежной сказке живут одной мыслью. И, наверно, потому, слушая лесные истории, иногда не замечаешь различия между ними. Нередко лесная богиня — Миснэ выходит замуж за охотника, а косматый медведь женится на девушке из глухой деревни...

Если в этой книге много богов и духов — не удивляйтесь: они играют лишь жизнь людей. В мифах и сказках отразился мир человеческих отношений. Это сказания о людях.

В этом убеждаешься, когда побываешь на «Медвежьем игрище». Там уже оживают все мифы и легенды, льется музыка, и в крылатой пляске забываются люди.

Семь дней и ночей длится это таежное представление, где сказка и жизнь сливаются, играя одну игру. Это и праздник охотника, и своеобразный народный театр. Об этом еще Лев Николаевич Толстой писал.

Вот его слова: «И недавно я прочел рассказ у дикого народа вогулов¹. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают — один самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый изображает птичку, предупреждающую оленя об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу оленьей матки с детенышем. Олени убегают со сцены и слова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен и жмет к матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотник догоняет и делится. В это

¹ Вогулы — старое название манси.

время птичка пищит, извещая оленей об опасности. Олени убегают. Опять представление, и опять охотник приближается, догоняет и пускает стрелу. Стрела попадает в детеныша. Детеныш не может бежать, жметя к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. Я и по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства»¹.

В этой книге мне и хотелось поведать об искусстве моего маленького таежного народа. Ведь и манси — часть человечества. А может быть, чудом сохранившаяся ее древняя страница. Многие помнят манси. И счет времени ведут со «священного потопа» — с великого оледенения, которое было 40—50 тысяч лет тому назад. О многих явлениях задумывались, о многом сложили мифы.

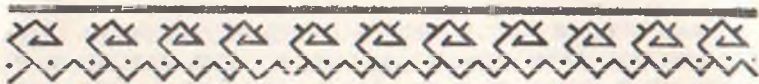
И потому в моем сказании не пытайтесь искать ученой точности. Мне хотелось передать дух моего народа, его волшебное ощущение жизни и бытия. Я лишь отталкивался от сказочного слова.

Приглашаю тебя, читатель, на таежное игрище. Знаю: новая жизнь ярче и ясней. Новая сказка крылатей и волшебней. Теперь молодежь развлекает голубой экран телевизора, а не медведь косматый. А если и убьют медведя — то просто снимут шкуру, съедят мясо, о темной старине посудачат, да и на том расходятся.

А я — сказочник. Сказочнику без старины не обойтись. Сам я был на таежном игрище. Может быть, в последний раз был. А теперь вот думаю, думаю, думаю...

¹ Лев Толстой об искусстве и литературе, т. 2. «Сов. писатель», М., 1958. стр. 386.

ПЕСНЯ, УПАВШАЯ С НЕБА

Это все случилось не на луне: там теперь тайн уже нету. Люди ходят по ней, к другим планетам летят. На древней земле лишь остались тайны. У большой реки стоит деревня. Маленькая она, глухая. Дома, как черные глухари, сидят на песчаном берегу. Посреди деревни — большой глухарь — большой дом. Летом у дверей плещется вода. Звенит она колокольчиками, куличком посвистывает, гагарой плачет, чайкой смеется. Пахнет травами зелеными, мокрыми сетями, сушеной рыбой... А еще — медвежатиной: в большом доме — большой медвежий праздник!..

Зимой дома белыми куропатками сидят на белом пологом берегу. Вода ушла — берег стал выше. Дома под снегом теперь кажутся ниже. В белом безмолвии они

будто дремлют. Лишь дымок, живым столбом тянущийся к небу, говорит о жизни. Да еще след розвальней, который тянется узором через белую реку к дремучему бору, сверкающему под холодным солнцем, говорит о том, что сказка здесь еще не замерзла. А там вправду сказка. Убили Медведя, и сказочная старина ожила.

В большом доме полно народу. Люди сидят на скамейках, расставленных вдоль стены, на деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол... В дальнем углу — «священный стол». На красной скатерти, среди дорогого сукна и шелка, «сидит» Медвежья голова. В ушах у нее — серьги с «драгоценными» камнями, на груди — бисер, на голове — разноцветные ленты... Перед «древним посланником неба» стоит рюмка. Старинная она, позолоченная. И бутылка спирту... Не выдохся еще! Молодой, крепкий!..

С одной стороны стола сидит охотник, «приведший» Лесного духа на человеческий праздник. С другой стороны — шаман Потёпка. Не поймешь Потёпку — то ли он артист, то ли он шаман! Станный человек! На олимпиады ездит, на санквалтапе¹ играет, советские песни поет, как хороший артист выступает и за медвежьим столом посидеть не прочь! Шамана из себя строит... Разве так можно?! Обычно молодые над ним смеются, потешаются. Сегодня и молодые примолкли. Знают, наверно, что песни старины лучше Потёпки никто уже не помнит. А веселое представление хочется посмотреть и молодым. Там все волшебное и таинственное! И хотя они давно уже не верят ни в Медведя, ни в Духов, слушают, как зачарованные. Знают молодые, что в последний раз, может быть, перед ними оживает древнее искусство таежного народа. Понимают они, что вместе с этими стариками уйдет жизнь, овеванная легендами и видениями. Песни не замолкнут — они будут просто новыми. В новом танце молодежь закружится. И жизнь другая на берега Оби придет. И потому парни и девчата притихли, как мудрые старики сидят, вслушиваясь в последнее сказание волшебной старины.

В дом входит человек, с головы до ног обвешанный мехами лисиц, соболей. Становится он посреди дома и под звуки многострунного журавля² начинает петь:

¹ Санквалтап — струнный музыкальный инструмент.

² Журавль — мансийский музыкальный инструмент, напоминающий русскую арфу.

На седьмом небе растут Медведя — Нуми-Торума сына,
В светлом доме лелеют Медведя — Духа лесного.
В изголовье подушки высокие ночью кладет он, —
Они ему кажутся ниже, чем палые листья.
В изголовье подушки низкие ночью кладет он, —
Они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Это поет Кастан-хум¹. Ведущий Медвежьего праздника.
Он поет — рассказывает историю Медведя.

Кто такой Медведь? Нет, не просто зверь! Для манси он — Великий дух тайги! При рождении моем родители клялись сохранять святые тайны моего лесного края. Ну, а я — сказочник, а не простой болтун. Мне сам Медведь дал право волшебного говорить о волшебном мире. Если я солгу — лапа у Медведя тяжелая! Если трону не ту струну — тайга дремучая когда-нибудь заманит меня в свою чащу и не найти мне дороги назад! Если больше дозволенного скажу — грянет гром небесный. А стрелы у грома огненные... Я сказочник. И волшебную историю Медведя, которую я услышал на празднике, я прошепчу.

* * *

Жил Медведь когда-то не в тайге. А на седьмом небе. В каменном доме жил, в постели из собольих шкур нежился. Отцом его был Нуми-Торум — бог Вселенной. Однажды Сыну-Медведю скучно стало. Ведь все когда-то уходит из-под родительской кровли. И Медведю стало невыносимо под отцовской крышей. В изголовье подушки высокие кладет он — они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие кладет он — они ему кажутся выше, чем снежные горы. Выходит на улицу. А на небесной улице так же, как на земле. Такие же дома, может чуть побольше. Такие же скогные дворы, может чуть побольше. Такие же конусообразные дровяники, может чуть побольше. У богов все так же, как у людей, только чуть потаинственней и волшебней.

Идет Сын-Медведь на скотный двор. Там ржут от боли лошади, режут и стонут коровы. Это Сын-Медведь балуется. Он их бьет лапой, хлещет хвостом. Будто этим силу и дерзость копит в себе. Только он, как бездонное лукошко, в которое собирают ягоды. Сколько ни балуется — никак не может утешиться. Ложится спать — уснуть

¹ Кастан-хум — ведущий представление. Весельчак.

не может. В изголовье подушки высокие почью кладет он — они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие ночью кладет он — они ему кажутся выше, чем снежные горы. Идет к отцу. А тот спит сном глубоким и крепким, как глубокий корень кедра. На цыпочках крадется к божественному трону. А трон этот из мамонтовой кости. Яркими звездами блестят драгоценные камни... Берет в руки серебряный посох с золотыми узорами. Смотрит на один конец священного посоха и сквозь него видит Средний мир: счастливую землю. А земля яркая, как зеленое сукно. И думает: «Вот красивая земля! Вот бы где мне жить!» С грустью тяжелой кладет священный посох на место, и слезы из глаз катятся. На свою постель плетется, но спать не может, сидеть не может. Снова ковыляет на улицу, бьет баранов, оленей, опять резвится, силу копит. Но счастья нет. Скучно ему. Лишь когда берет священный посох и сквозь него видит красивую землю, где живут веселые люди, ему становится легче: в нем мечта просыпается. Положит обратно посох — опять его точит грусть, душат слезы. Тогда идет он к отцу своему — Нуми-Торуму. Умоляет его, просит:

— Отпусти ты меня, отец, на зеленую землю. На зеленую землю из ярко-зеленого сукна. Отпусти ты меня, отец, на красную землю, на красную землю из ярко-красного шелка. Отпусти па счастливую землю, где живут веселые люди!

Слушает его внимательно отец. Потом молча надевает на себя одежду кузнеца и идет в небесную кузницу, пачинает он в небе ковать, пачинает кузнечить. Молоток его цокает, по небесной стучит наковальне. Все так же, как в кузницах, что в старину на земле были. А Торум не какой-нибудь лентяй-лежебока. Он не только судья и наставник людей, но рыбак и охотник!

Молоток в сильных руках Торума цокает, железо гнется, серебро плавится. Так проходит три дня, и еще проходит четыре. Отковал небесный кузнец красивую люльку, изукрашенную серебряными ободками, и железную цепь крепко-накрепко привязал к ней. Вот зовет Торум Сына-Медведя, говорит:

— Ложись, сынок, в люльку!

Опускает Торум железную цепь с седьмого неба. Как серебряные рубли цепь звенит, с облаков спускаясь. Дунет ветер горластый с белым голосом северным —

в край горячего лега относит люльку с Медведем. Дунет ветер горластый с желтым голосом южным — в Ледовитое море, в студеное море относит. Меж землею и небом седьмым болтается люлька, поднимается и опускается люлька от ветра.

— Эй, отец мой, отец Нуми-Торум, — меня укачало: либо вниз опусти меня, либо втащи меня в небо!

На седьмое небо втащил его Торум.

— Почему не отпустил ты меня на землю? — спрашивает он отца своего.

Молчит отец. Взглядом велит идти валяться в мягком собольем гнезде.

Медведь тихонько поплелся в светлый дом отца. Но не спится ему в берлоге его звериной, ворочается в гнездовье своем соболином. И опять он идет к отцу и жалобно просит:

— О, отец мой божественный, отпусти меня вниз, на землю!

И, подумав, говорит Сыну-Медведю Торум:

— Хорошо. Только помни: там, внизу, ты не трогай похороненного в тайге зеленой, ледяного, неведомого человека. Не разгребай его могилы. И капище, что к лесной притулилось опушке, где человек хранит идолов и приношения духам, не пытайся разорить! Звенит цепь серебряным звоном, гремит люлька железным громом, опускает Торум сына на землю.

Вот люлька успокоилась, к зеленой траве прильнула. Выходит Медведь из люльки. Сюда ступит — топь, болото, туда ступит — вода ржавая брызжет. Посреди болотистой земли опустил его отец. Почему? Может, потому, чтобы понял сын, что жизнь на земле — не сладкая морозка?! По семи уголкам лесной чащобы бродил он. Комары его заедают, голод брюхо ножами режет: мало ягод в лесу уродилось, шишек вызрело в недостатке...

Как-то раз Медведь увидел деревню. Дома в ней наполовину в земле, наполовину в небе. Они сложены из бревен толстых. Над ними веселые дымки выются. Перед каждым домом конусообразным чумом дрова стоят. А рядом — нарты легкие, тяжелые сани. Видно, любят ездить эти люди, землю смотреть, видно, любят.

А в деревне шум. С утра до ночи звенит звонкий девичий смех и не гаснут задорные голоса юношей. У опушки лесной Медведь набрел на священное капище манси, что стояло на четырех толстых столбах. Он швы-

ряет на землю идолов, вырубленных из березы, рвет на клочья цветные платки, принесенные в жертву духам. Верят манси Нуми-Торуму. Только Торум ведь на небе. Не вмешивается он в дела людей. Управляет миром через помощников своих — легкокрылых духов. Им манси поклоняются, жертвы приносят, дарят золото и мех.

Недалеко от деревни Медведь находит сруб четырёхугольный, сложенный из столетних бревен. Труп облещенный неведомого человека вышвыривает из него. И, поглумившись над мертвым, нарушив завет отца, он уходит в сырую тайгу.

Заметили это три охотника, которые возвращались с охоты на соболей. Идут они по следу Медведя и говорят:

— В дремучем лесу, где отцы наши рубили деревья, оставляли зарубки острыми ножами, попадешься и ты нам!

А Небесный отец, видно, смотрел за сыном. Медвежья проделка, видно, заметил и направил на него колючий ветер. Холодно Медведю. Колючий ветер пронзывает насквозь его. «Много ли жиру на спине? — думает он про себя. — Смогу ли проспать долгую зиму?» Но когда же он успел накопить жир, если капища священные разрушал да над мертвецами глумился?! И опять задумывается: «А как построить дом, теплую берлогу?» Идет по тайге, запинаясь, чуть налево не валится, чуть направо не валится. Силы уже больше нету, мочи уже больше нету. Долго ли, коротко идет, видит: ловушки стоят. В них попались черные глухари. А человека, который их поставил, нет поблизости. Жует он глухариное мясо, косточками лакомится, только сытым не становится. А силы гаснут.

Увидел корягу — под корягу залез. Думает: «Душа моя, летающая птичкой, пусть замрет здесь!» Лежит. Вдруг слышит: что-то рядом треснуло. Посмотрел: белый зайчик бежит. И говорит:

— Зайчик, дружок, скажи: почему я стал таким?

— Почему таким стал?! Вспомни-ка, что ты делал? Зачем ты глумился над мертвецом, зачем несчастного трогал?! И сейчас твоя доля такова: копить тебе жир для зимовья долгого лишь от ягод да смолистых кедровых орехов.

Рассердился Медведь, схватил зайца за хвост. И в когтистой лапе его лишь заячий хвост остался. Улиз-

нул косою. С тех пор у зайцев лишь маленький хвостик торчит. Долго ли, коротко лежал, слышит что-то рядом треснуло. Смотрит: рядом с ним россомаха. И спрашивает он россомаху:

— Пошамань-ка, дружок! Поговори с отцом моим, почему я таким стал?

Стала россомаха шаманить. Пошаманила. Потом и говорит:

— Ты, оказывается, глумился над человеком! Судьей быть тебя послал на землю отец. А ты вот что, оказывается, вытворял. Доля твоя сейчас ясна: питаться ягодами, шишками и быть зверем, таким же как мы!

Рассердился медведь, схватил россомаху — лишь клочок шерсти в когтях у него остался. С тех пор россомахи не так уж пушисты, как другие звери. И мех у них не мягкий и не ровный, как у соболя. Клочками висит у него мех, будто изодраный кем-то.

Наконец подул теплый ветер. Видно, небесный отец сжалился. Вслушивается в себя Медведь и чувствует: тепло внутри стало. Хорошо! Выкарабкался наверх: ноги вроде крепкие, в руках сила играет. И зашагал он по лесу. А земля уже проснулась. Ручьями веселыми журчит, ветвями деревьев шепчет, сладкими ягодами глядит, шишками кедровыми на вершины деревьев машет. И в лукошко свое бездонное ягоды собирает, орехи кладет. Одну гриву пройдет, на другую переходит.

Долго ли, коротко ли продолжалась эта счастливая сказка. Да у любой сказки все равно где-то есть конец. Наступил конец и теплomu лету. И стал Медведь вслушиваться в себя, взвешивать свое тело: в два зверя стал он шириной, в три зверя накопил он жиру. «Как бы провести зиму не мучаясь на морозе? — задумывается он. — Не построить ли дом?»

Стал Медведь искать лес, где стоят высокие деревья, с толстыми корнями. Нашел он такой лес. В дремучей чаще, под пятисотлетним кедром стал строить дом с земляными стенками, крепкой крышей из вековых корней. И несет он в домик свой три охапки мягкого сена да четыре — хворосту. И ложится он в свое гнездо звериное. Под голову кладет лапу свою. Ту самую лапу, которую расшила узорами мать и подарила на счастье. Другой лапой укрывается. Той самой лапой, на которой его мать нашла семь узоров на счастье. И погнался за сном, живым и глубоким, как сырой и живой корень.

...Вот однажды, сквозь сон дремучий, он слышит:
Где-то рядом совсем, захлебнулась лаем собака,
С небольшого лосенка величиную.
А потом ему ветер весть приносит,
Что три рослых человеческих сына,
Убивающих первыми первых казарок,
Натянули луки свои тугие.
Как три черных ворона каркают луки:
Карр!.. Карр!.. Карр!..

...Лишь потом очнется душа Медведя,
В человеческом доме проснется...

...Растянули охотники пуговицы на шубе медвежьей,
Сняли шубу мохнатую с могучего зверя,
Положили его в люльку из ивовых прутьев
С пятью ободьями из рябины,
Усадили на шестиланую парту,
И подвозят Медведя к деревянной деревне.
Выбегает навстречу народ любопытный...
Три охотника ревом ревут звериным,
«УТ-ЧЕ-ВА-НЭ-Э!..»

Веселятся охотники игрой дождевою:
Водой чистойшею, летом, друг друга плещут.
Зверя снежной игрой, зимой, они развлекают —
Швыряют друг в друга холодным снегом.
Чистыми, как утробный ручей, руками
Поднимают зверя с шестиланой парты.
Осторожно в избу его вносят,
Там усаживают его с почетом
На столе, красным сукном покрытым.
И сидит среди счастья зеленого шелка,
Голова Медведя с большими зубами.
Много широкогрудых мужики приходит в избу.
Духами веленные, пять ночей никуда не уходят люди,
Небом приказанные, семь ночей веселят они зверя —
Перед ним они пляшут крылатые пляски.
Громкой песней хвалебной его величают.
Дерево с семью жильными струнами берут в руки,
Дерево с семью струнами — журавль мансийский.
Нижнюю струну тропут — хулят священного зверя,
Бранят за то, что мешал он людям,
За то, что людей задирали неповинных.
Верхнюю струну тропут — закливают зверя заклятьем,
Ублажают его молитвой,
Величают «Могучим Духом».

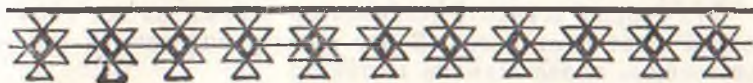
Конец ли моей сказке? О, нет! Нет у сказки конца,
как у жизни. Только была это не сказка, а волшебная
песня, спущенная с неба. И не рассказывают ее, а поют.
Под звуки многострунного журавля поют, под звуки

лебеда слова перебирают. А когда поют эту волшебную песню, люди сидят на полу, на мягких шкурах, один к другому прижавшись. А окна закрыты наглухо, и двери крепко заперты, чтоб чужие не услышали, не узнали чтоб мансийскую тайну, самую древнюю тайну, которую другим знать не дано. И звуки этой мелодии льются не каждый день, а когда «низведен» Лесной дух — древний посланник неба.

О, вам многое непонятно! И мне тоже. Почему, например, Медведь на небе был сыном бога, а на земле стал неразумным и злым зверем? На небе он валялся на мягких постелях и все же было ему до смерти скучно. Почему он на землю так рвался? Нашел ли он счастье на ней?! Может быть, праздник, который устроили в честь Медведя манси, где люди становятся как боги, а боги, как веселые люди, для него лучшая награда? Может, для этого праздника, где люди прозрели, стали вдохновенными, Медведь спустился на землю?

О, многое непонятно! Погодите, помолчите, в сны цветные загляните. Новая ночь настанет — новая песня зазвонит. Ведь семь ночей длится Медвежий праздник, семь ночей раскрывается его история, волшебная и таинственная.

Кен-кеным, кеным, — за окном рассвета дым.
Взмахом черного крыла ночь медвежья проплыла.
Птах зеленых гомон звонче. День в избу шагнул с крыльца,
Только праздник наш не кончен, и у песни нет конца,
Быстро день-олень умчится в ледовитые края,
Новой ночью зародится песня новая моя.
И когда над домом нашим расцветет цветок луны,
Мы опять споем и спляшем по завету старины.
Тот, кто голос понимает бьющих из земли ключей,
Непрерывно разгадает песни всех семи ночей:
Проплывут лесные были перед дулами зрачков, —
Ты поймешь, как манси жили семь седых-глухих веков.
Полюби медвежий праздник, — стань их жизни соучастник!
...Тень горбата и рогата, — рано песни затевать.
Мне б хотелось, до заката, хоть немножко подремать.
Скажут: вот развел «бодягу», вспоминая старину.
Можно, я вот тут прилягу, в сны цветные загляну?
Вы уж строго не судите, люди — добрые сердца, —
Коль хотите — отдохните, или выпейте вина.
Или в желто-розоватый окупитесь в теплый сон,
Как морошка сладковатый, — до чего ж душистый он.
Может, эти сны и песни в глубь веков укажут путь.
Только все же интересней — в будущее заглянуть!..
Эй, журавль, людей мани к песням вечно молодым,
Ты, струна моя, звени: кен-кеным, кен-кеным...

ЗЕМЛЯ. НЕБО. МИР-СУСНЭ-ХУМ¹

ГИМН БОГОВ

то плещется вода или шепчутся листья?
Это травы колышутся или крылья птиц
шелестят? Это снег хрустит или скри-
пят деревья? Это ветер жужжит или
вьюга пляшет? Это гром гремит или
горы рушатся? Это мчатся олени или
летят боги?

Кен-кеным, кеным, кеным.
Дзинь-дзон, стук-бряк.
Синий ветер, желтый лист...
Ог-гой...
Пой!

¹ Мир-суснэ-хум — всевидящий дух, страж Вселенной.

Это струны журавля голосистого звенят, на все свои голоса поют гимн богов. В эту музыку вплетаются горжественные слова шамана Потёпки:

Нашу мягкую молитву,
Что мехов собольих мягче.
Перед кем мы здесь расстелем?
О кружись, как ветер
В мировых семи пределах.
Совесть мира, страж Вселенной,
Друг людей Мир-суснэ-хум!
Ум твой, легкою снежинкой
Падающий на землю,
Пусть к нам в избу упадет!

Кто такой Мир-суснэ-хум? Почему первую молитву перед ним «стелют»?

О, это узнаете потом из сказок. А пока слушайте:

В избу, полную народа,
Падающей снежинкой.
Дуновеньем легким ветра,
Упади хоть на мгновение,
Прилети на миг единый... —

обращается шаман к другим богам и духам. И на зов его из таежной реки Пельыма летит Полюм-торум — бог соболиной и белничьей тайги, из вершин хрустального Урала спускается Нер-ойка, из Малой Оби — едет Айна-торум. Не забывает пригласить шаман и царя воды и рыб: ведь мало стало золотой и нежной рыбки! И Витхон — царь воды и рыб — как в старину — приплывает к дому манси, где богов не забыли, и за стол священный рядом с другими садится. И люди слышат, как усаживаются боги за стол, как дышат, после дальней дороги. У каждого бога свой гимн, своя музыка. У каждого бога своя пляска, своя сказка и история. И все длинней история у Мир-суснэ-хума. Может, потому, что ему всех дальше прилетать в край манси? А прилетает он с истока Оби. Там, на вершине священной горы, стоит его железный дворец. Во дворце, где трудно найти дверей, среди золота и серебра живет Мир-суснэ-хум. И каждый день он оттуда отправляется смотреть многоликий мир, где кипит жизнь...

Кто такой Мир-суснэ-хум? Может, поможет сказка?

Одноногий гриб и день кружится,
и ночь кружится. (Ум.)

(Мансийская загадка)

На медвежьем празднике оживают сказки.

Наверно, потому, что они родились вместе с жизнью.

Велика наша земля. Не пройдешь ее ногами — ноги устанут. Не просмотришь глазами — глаза устанут. Лишь у мысли быстрые ноги и зоркие очи. И она уводила древних в сказку, где была иная жизнь, недоступная взору.

Послушайте:

«Живут старуха со стариком. Кругом вода, вода, вода... В хрустальных струях тонет звездное небо. На зыбких волнах моря колышется и жаркое солнце, и ледяная луна, и маленький их домик. Старик со старухой начали уж было глхнуть от безумолчного плеска волн. Но вдруг до их ушей, позаросших травкой, долетели неведомые звуки. Глаза старца устремились за дверь. И видит старый — сверху летит железная гагара.

Пролетела семь кругов — опустилась на волны. Оправила крылья и нырнула в воду. Долго ли, коротко ли была под водой, вынырнула. В клюве у ней ничего нету. Второй раз исчезла под волнами — вынырнула: в клюве у ней лишь тяжелый вздох. И только в третий раз принесла она в клюве крохотный кусочек земли. Бросила ее у порога и, расправив железные крылья, снова заскользила по воде. Семь раз повторила над домиком вечный путь солнца и растаяла в лазури неба.

На третий день любопытные глаза старца выглянули за дверь и видят: у порога появился маленький кусочек земли. На седьмой день опять выглянули: земля уже немного выросла. Он захлопнул дверь и, удивленный, стал рассказывать старухе сказку о рождении чуда Вселенной — Земли. Долго, видно, рассказывал. Потому что, когда вышли старик со старухой из домика, моря уже не было.

— Куда оно делось? — спрашивали древние.

— Наверно, под землей...

* * *

— Это море, видно, и нашли в нашем крае новые люди — нефтяники, — поговаривают иногда старики и в наше время. — Хорошо, что пошли. У сказки всегда конец хороший.

ПОЧЕМУ ВОРОН СТАЛ ЧЕРНЫМ!

День идешь, ночь идешь,
а конца не найдешь...
(Земля)

У сказки разве есть конец? Нет у нее конца, как и у жизни, как у Земли! У нее есть продолжение.

...Был у старика белый ворон.

— Слушай, ворон, облети Землю. Посмотри, какой величины стала она,—говорит старик птице.

Белый ворон полетел. Три дня его не было. Наконец, возвратился. За три дня облетел Землю. Вот какая ее величина!

Пожили немного, старик опять говорит:

— Ступай, ворон, смотри Землю.

Белый ворон полетел, вернулся через пять дней.

— Все эти дни я осматривал Землю. Такой большой она стала! Вместе с солнцем кружится время. После темной ночи приходил веселый рассвет. После светлого дня наступал сумрачный вечер. Однажды старик опять говорит своей белой птице:

— Ступай, посмотри, какой величины стала теперь Земля.

Ворон полетел. Долго ли, коротко ли летал, на седьмой день вернулся.

— Великой, видно, стала наша Земля. За семь дней сле облетел ее,—с хрипотцой говорит теперь уже почему-то черный ворон.

— Отчего ты стал таким черным?—удивляется старик.

— Я долго летал, сильно проголодался.

— Нет, ты в чем-то провинился.

— Да нет, просто сильно захотелось есть, потому и почернел.

— Эх, врешь, ворон! Не проведешь меня, старика. Насквозь вижу.

— И правда, сделал плохое, черное дело. Человек умер. Я съел четыре кусочка... Потому и почернел,—признался ворон.

— Ступай, куда глаза глядят, такой друг мне не нужен. Самого человека рискнул ты съесть... Сам добывал бы лесного зверя и рыбой живой наслаждаться бы мог! Отныне ты будешь питаться мертвечиной! Человеку—олень, а тебе—лишь кишки да мертвая кровь на снегу.

С тех пор человек не доверяет ни ворону, ни какой другой птице, сам идет по Земле, сам летит над Землей и узнает ее тайны...

МИР-СУСНЭ-ХУМ

Когда дерево становится деревом,
А человек человеком?

(Когда дерево плодоносит,
а человек — видит.)

Ворон улетел. А старик со старухой остались. Скучно одним. Хотя глаза у них и старые, но тоже хотят любоваться миром. Какое существо не хочет пользоваться своим волшебным даром видеть!..

Смотрит старик: у дома выросло дерево. Смолистое, с зелеными иголками... Вырвал его он с корнями и стал стругать острым каменным пожиком. Соскользнуло лезвие с коры и — прямо в руку. Побежала алая струйка крови...

— Зачем режешь живое дерево?! — возмущается старуха. — Это грех! Большой грех! Потому и порезал руку. Протяни ее сюда.

Прильнула ртом к ране. Высосав кровь, говорит:

— С ножом надо быть осторожнее!.. А дерево посади на место. Пусть растет и приносит жирные орехи! Появятся на Земле люди — благодарить будут.

— А как мы его назовем?

— Кедром.

На другое утро проснулся старик: старухи нет. Пошел искать. Видит: около дома маленький берестяной чум стоит. В чуме — огонь горит, и слышится детский плач.

— Что это такое?! Откуда все это?! — удивляется старик. Заглянул — а там старуха. Укладывает краснощекого малыша в берестяную люльку.

— Ступай домой. Не твое дело! — молвила жена.

Через семь дней она пришла домой.

— Даже у каждого дерева есть свое имя. Каким именем назовем нашего сына?

— Никто, кроме ворона, еще не видел нашу Землю. А Землю, на которой живешь, надо знать! — размышляет старуха. — Назовем его Мир-суснэ-хумом, Всевидящим

назовем. Пусть идет и просматривает мир пасквозь.

— Ты хочешь, чтобы и наш сын стал черным?

— Он разве твой, ворон?! У него будет совесть и честный глаз. Не оболжет он человека. А черное и грязное не заслонит ему светлое, доброе, которым будет богата жизнь...

— Ладно, пусть будет Мир-суснэ-хумом,— соглашается старик.— Но пусть он не только смотрит, но и думает о виденном!..

— Пройдет божественный век, настанет долгая человеческая эра,— пророчит старуха,— и люди, как Мир-суснэ-хум, захотят видеть свою разноликую Землю, будут наслаждаться ее просторами, задумаются о прошлом, настоящем и будущем...

ДОРОГА

Хорошего коня
на длинной веревке обучают.
(Катающийся клубок виток.)
Сколько не мотай клубок,
а нитки не кончаются.

(Дорога.)

Долго ли расти живому существу? Вырос Мир-суснэ-хум. Стал большой, как дерево. А глаза все бегут куда-то вдаль.

— Наверно, ты хочешь Землю глазами померить? — говорит ему мать.— Хочешь, так езжай. Кому-то надо нашу Землю посмотреть, какая она стала.

И сел Мир-суснэ-хум на коня с нестрыми бедрами. А коня нашел на лужайке и сам его вымыл до блеска. И белое пятно, что было на лбу коня, засияло. Будто это серебряный месяц, словно это само золотое солнце...

Кланяется старуха сыну. И с вещими словами дает ему в дорогу шкурки мамонта, ястреба, щуки... А еще дала она обломок миски и сказала:

— Долго ли, коротко ли будешь ездить, на обратном пути возврати данные тебе вещи. В беду попадешь — вспомни меня. Счастье будет — не забывай полученное от других...

«Зачем эти наставления? — думает он.— Неужели всю жизнь будет так поучать?!»

И мчит Мир-суснэ-хума конь туда, куда клонится голова, куда гнется его шея. Летит конь по земле и среди бегущих облаков. Радуетея Мир-суснэ-хум простору,

ласковому ветру, летящей жизни. И думает, что всегда так весело будет.

— Хорошо в пути,— вдруг молвил по-человечьи конь.— Глаза не смотрят, а прозревают. Уши в пути не слушают, а наслаждаются. Ум в пути не думает, а, играя, убегает вдаль и постигает истину. А у сердца словно вырастают крылья могучей птицы. И оно, счастливое, парит высоко-высоко...

Только в жизни и зло бывает, а в пути случаются приключения. Если ты, человек, в дальнее странствие собрался, путешественником себя молвил, подумай: готов ли ты разгадать загадки, которые таит в себе жизнь, как вечная дорога?

ЗАГАДОЧНАЯ КИБИТКА

Где стояла резвая лошадь —
Трава не растет, степь не цветет,—
Горят манси о костре.
Всадник в пушистой шубе
На богатырском коне по ветвям
Скачет,— говорят манты о белке.
Моя загадка: почему таежные
Белки и олени превратились
В загадочных степных коней?

В одном месте Мир-суснэ-хум увидел осиную рощу. Там тридцать осин стоят. Стоят они, как идут.

— Это волшебные, злые осины. Схватят в пути человека, сплетутся ветвями и задушат его,— шепчет конь.— Будет беда — вспомни слова старой матери, сказанные тебе на прощанье.

Не успел закончить конь своих вещей слов, как совсем рядом зашумели ветви шумных осин. Конь упал. Задрожал Мир-суснэ-хум, как одинокий лист на голой ветке.

«Пропал!» — подумал он.

И за какое-то мгновение промелькнула в памяти вся его несложная жизнь, а главное, как рыбы в мороз, всплыли слова: «Попадешь в беду — вспомни меня!» И только сейчас, быть может, он стал задумываться над словами, сказанными матерью на дороге.

Одно лишь слово успел оценить он, как появилась кибитка, запряженная пятеркой лошадей. Подкатилась кибитка со звоном колокольчиков, со скрипом колес. Чудная эта кибитка с колесами! В тайге такой не бывает.

Распахнулись дверцы, расшитые серебром. И перед

шумными осинами появилась женщина, одетая в шелка и в цветные сукна. Протянула руки к вершинам осин, и сломала их по одной, и такие слова сказала: «Человек, помни: на твоём пути встанут высокие горы, бурные моря, темные леса, зубастые звери... Но если ты будешь помнить заветы своей матери, пропетые ею еще у колыбели,— то ты будешь сильным! Злые ветви осин я поломала. Осины теперь лишь будут шуметь... Остальных ты побеждай сам...»

Дверцы захлопнулись. Застучали копыта низеньких лошадей, заскрипели колеса разрисованной кибитки, звонче ветра зазвенели колокольчики, и, кажется, даже гнущиеся травы запели монотонную песню вечного касланя¹.

ОГНЕННОЕ МОРЕ

Однажды конь остановился.

— Что за земля впереди? — спрашивает Мир-суснэ-хум.

— Не знаю,— отвечает конь.

Смотрит: море. На берегу — огонь горит. Искры вверх летят.

Подъехал ближе. Видит: лежит женщина. Спит. При дыхании у нее из поздрей искры вылетают. Только хотел он женщину тронуть посохом, как та в тот же миг скрылась. Под землю провалилась. Только голова ее мелькнула. Мир-суснэ-хум следом за ней. Разбил он обломок миски, который дала мать на дорогу, и появилась у него кольчуга. В этой богатырской одежде гонит он таинственную женщину. А та все глубже в землю уходит. Наконец догнал ее. Схватились. Долго ли боролись, коротко ли боролись, наконец оба упали наземь. Женщина обессилела, и Мир-суснэ-хум устал. Силы у них равные.

— Довольно, милый! Кончим бороться,— молвила ласковым голосом женщина.— Ты меня не можешь победить, и я с тобой справиться не могу.

Отпустили друг друга, попрощались и разошлись в разные стороны.

«Неужели у женщины столько же силы, что и у мужчины?! Неужели так будет на земле и вечно?!» — думает Мир-суснэ-хум. А конь опять несется среди бегущих облаков и по земле лежащей скачет.

¹ К а с л а н и е — кочевье.

В одном месте Мир-суснэ-хум видит: по всей земле огонь полыхает. Подъехал ближе. Оказывается, это не земля, а море огненное.

Подойдет ближе зверь — задыхается, падает.

Попытается птица перелететь это море — крылья ее опаляются, в огненных волнах она тонет.

Вредное море. Страшное море!

«Вернуться назад — не выполнишь завет, — думает Мир-суснэ-хум. — Землю до конца не посмотришь, имя свое не оправдаешь. Нет, назад нельзя».

— Как проехать сквозь огненное море? — спрашивает он опять своего мудрого коня.

— Залезай ко мне в ноздри. Там торгуют тридцать лавок. Купи три аршина белого полотна. Потом залезай в другую ноздрию. Там торгуют тридцать кабаков. Выпей три чарки вина. Оберни себя тремя аршинами белого полотна. Ложись ко мне на спину и ни о чем не думай.

Сделал так, как учил его конь. Помчались дальше. Лежит на широкой лошадиной спине и ни о чем не думает. Долго ли мчались, коротко ли мчались. Наконец конь остановился и спрашивает:

— Ну как, жив?

— Жив!

Слез с коня. Полотно на нем все обгорело.

— Огненное море позади, — говорит конь. — Впереди другие моря, другие тайны.

— Что это за женщина?! Что это за огненное море?! — размышляет вслух Мир-суснэ-хум. — Неужели этот огонь нельзя полезным сделать?

— О! — говорит волшебный конь. — Настанет Новая эра, будут новые люди. Тогда и раскроются все тайны.

МИР-СУСНЭ-ХУМ МАСТЕРИТ ЗВЕРЕЙ..

Едет Мир-суснэ-хум, однажды слышит сверху:

— Внучек!

— Что?

— Куда едешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Силу не пытай, я тебе работу дам.

— Какую работу?

— Птиц, зверей делать.

— Каким образом я смогу делать зверей?

— Э!.. Сынок, все узнаешь..

Поднял с земли два круглых камушка, потер их друг о друга: появилась собачка с внимательными глазами и, виляя пушистым хвостом, побежала за ним. С белой березы сорвал три листочка, свернул их в трубочку, дунул — и появился маленький зверек — лесная мышь. Все вместе идут дальше.

Отломил от кедра щепочку, обстругал ее наподобие зверька — прыгнул пушистый соболь. Тоже за ним пошел. Увидел корягу с обсохшими ветвями, подтолкнул ее — и по лесу зашагал лось с могучими рогами. Так, идя по дороге, делает все новых и новых зверей. Куда клонится его голова — туда и идет. Куда Мир-суснэ-хум идет, туда и звери бегут.

Долго ли шли, коротко ли шли, Мир-суснэ-хум говорит своим зверям:

— Сейчас разойдемся! Ты, собака, иди, ищи человека. А ты, мышь, ступай, может, где найдешь кучу сухой травы, там себе сделаешь гнездо. А ты на берег реки беги, — говорит он лисице. — А ты, соболь, в лес скачи... А ты, олень, будешь возить людей на охоту...

Звери разбежались по тайге.

* * *

С тех пор много стало в лесах Югры соболя, белки, горностаю, выдры, россомахи, лисицы, медведя.

Даже речной бобер есть в мансийской тайге. Он так же, как тысячу лет назад, острыми зубами валит столетние сосны, строит плотины, любит озеро, которое создал своим бобровым мастерством.

Говорят: во всей великой Азии бобер исчез... Каким чудом сохранился он в мансийской тайге?!

Может быть, наказал сам Мир-суснэ-хум? Настанет новый век. О Мир-суснэ-хуме уже никто не вспомнит. А разучится ли бобер быть мастером? Не замолкнет ли охотничья песня? А может, она по-новому зазвучит?

МИР-СУСНЭ-ХУМ ПРИВОДИТ РЫБ...

Доехал Мир-суснэ-хум до моря. На середине его стол стоит. На столе лежат палочки, дощечки¹. Мир-суснэ-хум рассматривает их. А на дощечках рисунки, «волшебные»

¹ Палочки, дощечки — у манси и ханты были зачатки письменности. Рисунки — знаки жизни, счет времени.

знаки жизни, «читает» их и поглядывает под стол. А в воде новая жизнь, новая сказка. Рыбы плавают. И ему захотелось поплавать. Достал из кармана шкурку щуки и нырнул в море. Увидел маленькую щуку, та отпрянула от него в сторону. Он догнал ее. Та в испуге раскрыла пасть и замерла в ожидании смерти. Мир-суснэ-хум ласково обратился к ней:

— Чего ты испугалась, поплывем вместе.

Рыба была удивлена: впервые она видела миролюбивую щуку. Поплыли вместе, подружились. Рыбы изумленными глазами глядели на шук, подплывали и рядом дальше плыли. Удивился даже сам граненый осетр «мирной» щуке и тоже поплыл. И серебряная, сияющая нельма составила компанию. Косяки язей, сырков, муксунов потянулись вслед за щуками..

Долго ли плыли, коротко ли плыли, видят берег. На берегу — люди. Одежда их протерта, дырява. Лица измождены. Руками, съеденными холодной водой, тянут они невод.

Мир-суснэ-хум снимает шкурку щуки, выходит на берег.

— Пася олэн!¹ — обращается он к рыбакам.

— Пася, пася! — приветливо кивают рыбаки. — Пумасипа, ятил лыг!² Спасибо, наш богатырь, за рыбу, которую ты привел. Отныне наш стол богатым будет и жирным осетром, и нежной нельмой, и муксуном, и сосвинской селедкой, тающей на губах... Пумасипа тебе! Много раз спасибо!

НАРОД САМ СЕБЕ ХОЗЯИН

Едет Мир-суснэ-хум, видит: горы. Высокие горы, заснеженные. Долго ли, коротко поднимался по крутым склонам, наконец достиг вершины.

Там по белому снегу рыжими лисенятами бродят стада звезд, на волнах облаков легкой лодочкой плавают сери луны. И вдруг видит: какой-то старец запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему.

— О, Мир-суснэ-хум, внучек! Крылатой птицей принесен ты сюда, летающим ли зверем ты сюда доставлен? — заговорил старец, подъехав к нему.

А борода у него белая-белая.

¹ Живите, здравствуйте!

² Спасибо, дорогой сын!

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?! — отвечает Мир-суснэ-хум, не сводя глаз с удивительной нарты, где сияет солнце. Сидит солнце в нарте, а собака его возит.

— Погоди, внучек! Пойдем ко мне в дом. Будешь гостем.

Открыл старик двери, крикнул:

— Люди, не обижайте моего дитяти! Кормите, поите его!..

Старик уехал, а он остался тут.

Вошел Мир-суснэ-хум в дом. Ни души. Сел на нары, думая: «Он сказал — не обижайте его... Кто меня может обидеть? Здесь никого нет!» И зоркие глаза его замечают в заднем углу кусок шелка. Шелк зашевелился. Стало невыносимо жарко.

— Умереть можно от такой жары! — молвил Мир-суснэ-хум.

Шелк зашевелился опять. Стало прохладнее.

— Теперь хорошо!

Шелк зашевелился в третий раз. Из-под шелка вышла девушка, поздоровалась и пошла на улицу. Пришла с улицы грудь оленя, разрешила мясо и в котел кипящий опустила. И вот дымится душистое оленье мясо в блюде. На один край блюда кладет она женский пож, на другой — мужской, со словами: «Если думаешь обо мне — ешь!»

Как может Мир-суснэ-хум не отведать...

Ночью старик приехал домой. Поев, попив, говорит:

— Я ведь тогда сказал: люди, не обижайте моего дитяти. А теперь: где дочь, там и сын. Разве они слушают родительских слов?!

Наутро Мир-суснэ-хум говорит старцу:

— Разрешите мне, отец, повозить Солнце!

— Съезди, только не обижай народ!

Запряг собаку, посадил в нарту Солнце и поехал. Ездил, ездил, в одном месте посмотрел вниз. Видит: люди дерутся, ругаются: отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думает: «Спуститься бы вниз, всех бы побил!» Сколько людей дралось, сколько людей бранилось — все умерли. Подъехал к дому. Убрал Солнце: сразу стемнело. Вошел домой — лег спать.

«Хорошо быть хозяином Солнца! Что захочешь — то сделаешь!» — думает про себя Мир-суснэ-хум.

Утром старец спрашивает:

— Как съездил, сынок?

— Так себе съездил.

Старец запряг опять собаку, посадил в нарты Солнце и опять пустился в путь-дорогу. В одном месте вниз на землю посмотрел: все люди мертвые! Огорченный, поехал домой.

— Что ты сделал, сынок, с людьми одного края земли? Они все умерли!

— Смотрю вниз,— говорит Мир-суснэ-хум,— люди дерутся, ругаются, отнимают друг у друга угоды рыбачьи, охотничьи угоды. Думаю: спущусь вниз и всех побью.

— Если бы и я так думал, не было бы на свете людей. Ступай и сегодня же воскреси народ.

Запряг Мир-суснэ-хум собаку, посадил в нарты Солнце и поехал. Приехал к тому месту, где родились его дурные мысли, посмотрел вниз и сказал:

— Ваша воля... Как придет вам на ум, так и живите. И люди сразу ожили. А он поехал дальше...

СИЛЬНЫМ РУКАМ — СИЛЬНЫЙ УМ!

Самое слабое место
у медведя — это его лоб...

Растущий человек... Разве он ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?! Остались позади и широкие реки, и высокие горы, топкие болота и дремучая тайга...

Долго ли ехал Мир-суснэ-хум, коротко ли ехал, видит — озеро. Вода в нем прозрачная, хрустальная... Видно даже, как плавают рыба. Нельмы, как серебряные луны, важно шевелят плавниками. Осетры, как хрустальные хребты, по дну песчаному идут, задумчивые такие. Видно, говорят о чем-то важном, может быть, о своем будущем по-рыбьи рассуждают. И лишь глупая мелочь пляшет, плескается на поверхности, заливаясь счастливым смехом...

Смотрит Мир-суснэ-хум вверх. Видит — осина стоит. Ветвей на ней нет, ствол голый. Лишь на самой вершине один листок дрожит. Взял в руки лук и стрелу:

— Собью с осины лист. Попаду или нет?

Натянул тугой лук, и запела стрела. Что стоит, умею-

чи! Полетела стрела, попала в середине листа, пробила его насквозь.

— Оказывается, у меня хорошие руки! Я человек! Я самый сильный на свете!..

И, наслаждаясь на берегу прекрасного озера своей силой и могуществом, он заснул.

Однажды слышит, кто-то бранится: «Вот тоже человек... Вырастил такие сильные руки, вырастил такие сильные ноги и дает им полную волю. Зачем ты пробил кусочек моей постели?»

Смотрит Мир-суснэ-хум вверх, видит: на листочке букашка сидит. И поучает его, сильного:

— Для тебя этот листочек ничего не стоит, а для меня жизни стоит. Я на нем и сплю, и думаю, и работаю. Почему же ты, такой большой, не думая ходишь по земле?!

НЕ ПОМАЙ КОСТИ

У всех одна радость...
(Жизнь.)

Дошел Мир-суснэ-хум до места, где небо и земля вместе сходятся. Смотрит и глазам не верит: опять куда-то уходит небо, опять куда-то бежит земля. «Неужели у земли нет края, а у неба — конца?!» Между небом и землей — огромная дыра. В нее вделан железный перевес¹, сверху дощцу натянут. Зорким ястребиным взором ее даже не заметишь. У перевеса кто-то сидит.

— Убью! Убью,— говорят его глаза, жаждущие добычи.

— Поймаю! Поймаю! — трясутся его руки, видно задушившие не одного зверя, не одну дичь. Видно, ждет гусей, лебедей, уток...

Мир-суснэ-хум из кармана вынул шкурку железного ястреба. Забрался в шкурку, полетел прямо на железный перевес.

Ударившись о стальные ячеи, незнакомец опустил свою ловушку. Обрадовался, что поймал самого ястреба. Чуть не запутался Мир-суснэ-хум в стальных нитях, но успел их разорвать. Злой незнакомец бросился за ним, чтоб схватить его. Мир-суснэ-хум залез в шкурку щуки и нырнул в озеро.

¹ Сеть для ловли уток, гусей. Ее вешают на просеке между деревьям.

Плывет по озеру и удивляется мертвой тишине. Ни всплеска, ни рыбки... Куда они делись? Запахло железом. И он опять оказался в стальной сети...

Вышел на берег, взад-вперед ходит, смотрит. Видит, домик стоит, рядом избушка на курьих ножках...

Пошел туда. В доме сидят старик со старухой.

— Э-эй! Мир-суснэ-хум, внучек! Крылатой ли птицей ты сюда принесен, рогатым ли зверем ты сюда доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?!

— Садись, внучек. Будь гостем!

Вышла старуха на улицу, принесла уток, гусей. Ощипала их... Когда сварилось пахучее утиное, гусиное мясо, она сложила его в две деревянные чаши. Одну подала ему со словами:

— Хорошенько ешь, внучек! Не ломай кости.

Поели, попили. Кости из двух блюд старуха сложила в одну, вынесла их на улицу. За домом озеро с живой водой. Высыпала она кости эти в озеро. А из воды вылетели живые утки, живые гуси.

— Хорошо! — молвил Мир-суснэ-хум.— Теперь я знаю: все в мире рождается, умирает и вновь рождается... Только не надо ломать кости! Тогда вечно богатой будет наша земля!

МОЛИТВА

На «священном столе» струится дымок. Это чага тлеет. Ее благоуханием «наслаждаются» добрые духи. Ее запаха не выносят злые. Так думали в старину суевверные манси. Струится голубоватый дымок — нет рядом злых духов. Струится голубоватый дымок — о жизни говорить можно! А в старину жизнь была, наверно, нелегкой. Неспроста, видно, родилась молитва, которую со слезами в голосе выплакивает Потёпка под жалостный стон журавля:

Нашу жаркую молитву пусть твое услышит ухо,

О, целящий боли мира: золотую чашу дедов,

Чашу, из которой ели семь охотников-мужчин,—

Чайка хитрая украла. Горе, горе бедным манси!

Немоющих людей потомки, где и как теперь найдем мы

Золотую чашу счастья?

Черных семь почей ненастных, семь седых веков мы ищем

Чашу эту и не можем, как ни бьемся, отыскать.

Может, в землю провалилась? Может, спряталась на небе

В дождевых колючих тучах, что растет в небесной тундре.

На седьмом живущий в лебе, Нуми-Торум — бог богов?
Сыновья твои лесные взор к тебе свой обращают,
Плачут соленным плачем, молят сладкою молитвой:
Вора чайку излови!..

О чем эта молитва? Разве поймут ее ребяташки, сидящие на полу веселой, любопытной стайкой. В школе они учатся. Веселые песни поют. В интернате всю зиму тепло. А каша там такая вкусная!.. И чаши там никогда пустыми не бывают! А вечером — кино. Красивое кино! Красивая там жизнь! Разве мальчишки променяют его на страшный «медвежий праздник», где грустная молитва каплет солеными слезами?!

Разве поймет эту молитву молодой рыбак, который один четыре пятилетних плана за пятилетку выполнил?! На что ему молиться, если он столько поймал рыбы, что всю деревню год прокормишь — да еще останется, и жителям каменных городов достанется. А за это хорошо платят. И на шлюпку-казанку хватит, и на мотор «вихрь» — хватит! Тяжелую промысловую лодку — рыбокомбинат дает! Зачем ее покупать! Тяжелый мотор — рыбокомбинат дает. Не надо на нее денег тратить! Легкую лодку — сам покупаешь. А денег хватит! На легкой лодке быстрее ветра летишь! Сказочную скорость чувствуешь! Жизнью волшебных героев без сказки живешь! Хорошо на быстром «вихре». Зачем рыбаку молитва?!

Стонет журавль, стонет Потёпка. А молодой охотник сидит, будто ухмыляется. Тайга старая, седая. Белки и соболи дикие, и мех у них пушистый, как много веков назад. Не изменились звери. Только охотник стал теперь другим. Не пешком идет он в далекую чашу леса, где в малоснежную осень ему надо за зверем гоняться. Не волочит он, как в старину, за собою тяжелые санки с сушеной рыбой и сухарями. Рыбу и сухари он и сейчас берет на долгую осеннюю охоту. Да только он их не тащит. На осеннюю охоту, на дальнюю охоту молодого охотника крылатый вертолет забрасывает. Убьет охотник соболей, посушит беличьи шкурки, за ними крылатая лодка, как в сказке, прилетает. И пушистый мех, «мягкое золото» на полку заготовителя ложится, как скромный дар живой и вечной тайги. Не надо торговаться — цены за мех большие, постоянные! Много денег у строителя железной трубы, по которой в мир большой «голубое золото» Севера — газ идет!

А у охотника не меньше! Много денег у строителя каменного северного города!

А у охотника не меньше! Много денег у мастера, что у железной машины стоит, землю буравит, «черное золото» Севера, нефть ищет!

А у охотника не меньше! мех ценится, как золото! Умные, видно, люди. Умное, видно, время, если любой труд человека одинаково высоко ценится!..

А зачем молиться пастуху?! Совхозному пастуху! И доярке, и трактористу. Зачем молиться совхозному рабочему?! Хоть деревенька и маленькая — а электричество весело горит. Только в «Большом доме» темно. Нарочно там темно: темную старину там вспоминают, «медвежий праздник» показывают, чтобы молодые ценили новое светлое время! В деревеньке этой живет звено рыбаков рыбокомбината да небольшая бригада совхозных рабочих. Но в магазине есть все, что необходимо северянину: мука и хлеб, масло и сахар, спички и вино, резиновые сапоги и ткани цветные для красивых северных халатов с таинственными узорами... И яблоки румяные в чаше эмаливой румянятся. Где они растут — никто из старых не знает. Никогда такие «ягоды» не росли на севере. А нежный вкус яблок оценили даже старики. И любят они лакомиться ими, не меньше строганины из замороженной нельмы!..

Зачем молиться северянину, если эмалированные чаши, что стоят на прилавке щедрого магазина, никогда не пустуют?

Зачем молиться людям, если чаши за столом дымятся свежей осетриной и налимьей печеню, косточками глухаря и медвежьим глазом?!

Но почему всхлипывает Яныг-эква, сидящая в углу, как старая коряга?! С ума она спятила? Или стыдно ей за Потёнку, что странно так поет в такое светлое время? А может, она вспоминает прошлое? Не помнит Яныг-эква: сколько ей лет. То ли сто, то ли больше! Помнит она, что был на земле белый царь. А еще помнит она другого царя по имени г о л о д. Как придет этот царь в таежную деревеньку — и чаши у всех пустые. Дети плачут, собаки воют. Земля холодная не успевает принимать мертвых. Целые стойбища, целые деревни становятся горестной землей с могильной тишиной.

А может, она вспомнила, как ее десятилетней девочкой повезли в большой город Березово? Там, в высоком

«священном доме» — церкви, ее «мыли» священной водой, крестили, новое имя дали. А потом повели ее в дом попа, за пуд муки продали ее. Мать и отец продали родную дочку. Наверно, жалели. Потому что когда уходили — мать закрыла лицо шалью, отец — отвернулся.

— Доченька! Это не надолго! Скоро мы возьмем тебя! Летом рыбы поймает — выкупим тебя! Терпи, доченька, — а то все вымрем! Ты наша спасительница! — причитала мать. — Моли, доченька, Мир-суснэ-хума, нашего таежного бога! Молись! Молись!

Тогда Яныг-эква день и ночь гнула спину, день и ночь молилась. Семь лет шептала священные слова. Кто-то ее услышал, кто-то ее освободил? Кто? Она не знает! Только переменялась власть, ушли старые времена. А молитву она не забыла. Потому и слезы катятся...

Не забыть эту молитву и Яныг-ойке. Голова у него белее седого ягеля. Может, она поседела от времени, а может, от молитв, которые шептал в старое время? Чаша жизни его часто была пустой. А помнит он веселого купца. Как возвращался он из далекой охоты, как шел он на ярмарку, что в большом городе Березове каждый год бывала, так встречал его на большой дороге веселый зазывала — приказчик купца, или даже сам купец. Потому его Вата-хумом манси звали. Это значит — на берегу караулящий. Чарка крепкого вина кружила голову. Бутылку волшебного напитка он отдавал даром. Ой, каким щедрым был на дороге купец, ой, как звал к себе в гости!

И мчатся олени к дому щедрого хозяина. А порог переступишь — под ноги хозяина связку собольих шкурок бросаешь! Это подарок! Какой северянин за них деньги возьмет?! А за то хозяин тоже одаривал своего «друга» таежника «небывалым сувениром» — сияющими бусами, перочинным ножичком, зеркальцем карманным. А потом подносил пару чарок «огненной воды». И голова пошла кругом. Но меха потекли не кругом, меха попали в железный сундук щедрого хозяина-купца.

Ползимы охотник бил соболя, ходил за белкой, ловил горнастая. Ползимы спал под снегом, отогреваясь лишь у костра. А принес домой чашу из большого города. Казалась эта чаша полной. Но хватило этой чаши ненадолго. На одну луну ее лишь хватило. Сначала луна была маленькой — только что она родилась. А чаша была большой и полной. Потом луна такой же полной стала. Потом луна съедать себя стала. И еда в чаше уменьшать-

ся стала. И когда луна себя съела — чаши не стало.

— Кто ее похитил? Может, луна съела?! — спрашивали озадаченные дети, озадаченные люди.

— Нет! — ответил шаман. — Чашу полную похитила чайка. Она виновница.

Молитесь Мир-суснэ-хуму!

Ну, как тут не молиться, если чаши, полной яствами, нету, если царь-голод острыми ножами живот людей режет?!

Опустив голову, сидит Яныг-ойка. Старая молитва, ой как ему понятна! Пусть ее послушают молодые люди: оценят новую жизнь.

СОН МИР-СУСНЭ-ХУМА

— Туча черная закрыла золотой глаз солнца. Ветер — мужик на звонкой нарте — проехался по туче. А потом, надув щеки, начал дуть на нее с краю. Черная туча дрогнула и тихо двинулась в сторону, где снег рождается.

— Э-гэ-гэ! — крикнул ветер на своих оленей и помчался вслед. Когда хореем гнал оленей — тогда молнии сверкали. Когда быстро мчались нарты — тогда гром гремел. Уставали когда олени — туча плакала дождем. Мир-суснэ-хум не слышал грома, не чуял ветра и дождя. Он спал богатырским сном и видел вещей сон.

У огня сидит старец. В руках у него бубен и коло-тучка. Под ритмичный звон бубна он такие слова говорит:

— Я вижу, о чем ты думаешь, я знаю, что ты хочешь сказать. Я твою душу читаю, как книгу белую. Только мне никакой книги не надо. Я так все помню. Много лет прожил я на свете и мудрость копил, как некоторые копят монеты.

— Слушай, — продолжал старец, — в твоей душе глубокой я вижу духа. Но дух тот еще не созрел. В твоей душе белый дух воюет с черным. Белый дух — добрый дух. Черный дух — нежеланье делать доброе живущим. И теперь ты на распутии двух дорог жизни.

— Слушай, сын мой, — продолжал он, — запомни, что тебе скажу. Изгони из сердца слабость, не бойся испытаний, как храбрый воин. Валяться на шкурах в чуме, есть оленину и рыбу, запивать все теплой кровью — и глупец умеет. Лишь тот, кто выберет дальнюю дорогу и пойдет вслед за мечтой, кто дерзнет похитить тайну, скрытую от живущих, тот имя доброе заслужит.

А человек без имени — как лось без рогов, как собака без хозяина.

Собирайся в дальнюю дорогу. Побывай в Нижнем мире — в царстве теней. Там хозяйничает злой Куль. Души людей умерших в его власти. Послушай мертвых. Ты, Мир-суснэ-хум, можешь видеть мир насквозь. Но если твои глаза будут скользить лишь по вещам, равнодушно пройдут мимо горя — то какая цена твоему громкому имени? Если сердце твое примет чужую боль как свою, и, наполнив мысль пережитым, будет искать исцеления других, — богатырем можешь стать! Иди, борись с врагом людей — Менквом. Поднимись в Верхний мир — на небо. И все расскажи небесному отцу — Торуму¹.

В этом великом подвиге ты не бойся страха смерти. При встрече с Торумом держись смело. «Бог велик — ничтожны люди» — так обычно говорят. Но кто первый из живущих войдет в небо — перед ним бессильны боги. Кто бессмертие заслужит, тот подобен будет богу. Воспользуйся этим не для себя, а для народа. Пусть он укажет путь к счастью.

Хватит спать. Просыпайся. Колыбель свою вспомни. Дом отцов, родную речку. Подыши настоящим детством, но долго в нем не оставайся. В дорогу дальнюю собирайся.

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Из толстого и высокого кедра вырубил Мир-суснэ-хум легкую лодочку-калданку. Весло с узорами вырезал. Сел на калданку, как рыбак, и поплыл вниз по течению.

Плывет он по Оби. Волны плещутся, скачут белыми песцами, рычат росомахами. В одном месте он увидел великую заводь. Там вода кружится, будто кипит. Пролетит случайно над заводью птица — ее закружит, завертит, и белая пучина вмиг ее проглатывает. Подойдет к тому берегу зверь — и его втягивает прожорливая заводь...

Не миновал ее и Мир-суснэ-хум. Закружило его лодочку. Миг — и он был уже в Нижнем мире, в царстве теней. Там было не темно. Нет! Там мгла белесая лежала.

¹ Торум, Нуми-Торум — это верховное существо мансийского Олимпа. Он создал Вселенную, потом удалился на небо и после не принимает никакого участия в человеческих делах, управляя миром через своих подчиненных — духов.

Будто вечная белая ночь замерла над тихими реками и озерами, над безмолвной равниной. На равнине паслись олени. Их рога колыхались, как кустарник в сильный ветер. Паслись олени без охраны, торопливо мох искали... Возле речки на поляне вился дымок костра. Чум пустой стоял, две тощие лайки смотрели грустными глазами.

«Будьте милостливы к мертвым — так гласит одно преданье,— чтите память вдаль ушедших, помня, что в Темном царстве тени их живут и помнят вас, оставшихся на земле. Чтите память вдаль ушедших, поминайте в чумах чаще, соблюдайте все законы, и тогда народ не вымрет».

И поэтому умершим кладут в могилу посуду для еды, одежду, лук и стрелы. Все, что нужно человеку на этом свете, то и должно быть там: нитки, шило, трут и кремь, сети, нарта, острый нож. Это все несчастным пригодится...

«Будьте милостливы к мертвым, смерть и вас на перепутьях караулит терпеливо... Все рожденное не вечно, все умрет и день вчерашний не придет и не вернется... Только сильные шаманы вновь рождаются, приходят, но в других уже личинах, под другими именами», — так гласит предание другое.

В молчании напряженном Мир-суснэ-хум чувствовал движение, трепетанье чьих-то крыльев, чьи-то стоны и вздохи, кто-то пел тоскливо, кто-то плакал и шептался страшным шепотом могилы. И до его слуха доносилось: «Моя молитва собольим мехом уже не стелется. Мои глаза высохли, как осенние реки, и я уже не могу плакать слезами. Пришелец с живой Земли, выслушай мой замирающий стон:

«Два начала на Земле — это волки и олени. Зло с добром, как волк с оленем, всегда враждуют. Волка кормят волчьи ноги. И зубы у него, как железо, охраняют волчье логово. Олень же беззащитен, как простой рыбак перед купцом, как охотник перед сборщиком ясака. Осетра в полный сажень берет купец за медную копейку. А ясак... Вспомнить страшно! Десять соболей с живой души, да еще «на поминки», да еще для «поклона царю-белому и боярам-железным»! Наши лучшие уголья отобрали, сменив на бутылки огненной, злой воды. Обложили наши дымы данью. Черной птицей прилетела смерть немая, посылая нам болезни, на оленей мор звериный.

— Горе! Горе! — причитали грустным шепотом в народе.

— Горе! Горе! — лес скрипел.

— Горе! Горе! — стонали птицы.

— Горе! Горе! — рыдали звери.

— Горе! Горе! — шептали рыбы.

Пришелец с живой Земли, выслушай нашу песню, с которой мы ушли в мир иной:

Мы уйдем, покинем землю, чтобы больше не родиться.

Наши лодки, как могилы, на песках гниют тоскливо.

Наших рек мы не увидим.

Наши нарты без оленей зарастут травой зеленой.

И в деревнях опустелых будут жить одни лишь мыши.

Вы видали на полянах позабытые могилы?..

Эту песню вы услышите в первом крике младенцев и в устах седых старцев, в шелесте умирающих трав, в шуршанье листьев пожелтевших...»¹

Жутко стало Мир-суснэ-хуму от этой песни и равнины с мертвым мраком. Захотелось ему увидеть родную землю, подышать речным простором, послушать нежный плеск волн живых.

Но не скоро пришлось ему увидеть это. Долго он еще был в царстве теней. Много ему еще привелось испытать.

Однажды захотел он есть. А в реках подземелья также плещется рыба. Ее также ловят рыбаки. Неводами, сетями, кривдой ловят. Все тем же занимаются души умерших, что и на земле, да только печальнее они и грустнее. Порыбачат, намерзнутся — и к костру. А над костром висит большущий, прокопченный котел. В нем уха варится.

«Вот бы душистой ухи поесты!» — думает Мир-суснэ-хум. Тени мелькают перед ним, приглашают садиться за столик низенький, быть гостем просят.

Садится Мир-суснэ-хум, берет кусочек рыбы, жует, жует — никак не прожевать. Смотрит: трава зеленая. Берет другой кусок. С виду жирный и свежий такой — а пожует, смотрит: трава. А уха — как гнилая болотистая вода. Мертвечиной пахнет...

— Вот такой едой мы питаемся! — стонет кто-то. — Куль — царь подземелья — так вот издевается над нами. На земле не сладко было... А здесь... Разве соленым плачем передашь?!

¹ В вогульской поэме «Янгал-Маа».

Светлый Дух верховья Оби!
Из глубокой ямы, в которую провалилась нога моя,
Из темной ямы, в которой увязла душа моя,
Как выкарабкаться!
О, воздух зеленой земли так сладок!
О, свет золотого дня так весел!
Молю тебя, Мир-суснэ-хум,
Верни меня на милую землю!
У тебя семь мудростей — ты можешь
Победить Куля,
Злодея и мучителя!
Умоляю тебя, умоляю!
Умоляю, умоляю!..

Комариным пискom пишат тени. Комариным роем шумят. И молитвы стелются ниже травы, мягче собольего меха. Мольба. Стон. Плач...

С тяжелым сердцем уходил Мир-суснэ-хум с этого места. Он шел в дом Куля. А дом Куля находился в темном каменном ущелье. Вздохнет Куль — тянет Мир-суснэ-хума в ущелье, выдохнет — назад относит.

«Дома он! — думает про себя. — Не съест ли и меня? Может, вернуться назад?! Но как же быть тогда с моим именем?! Нет, надо его увидеть! Узнать его слабости!..»

Добрался Мир-суснэ-хум до жилья царя подземелья. Вошел в дом — а там светлым-светло: на стене висит луна, на потолке — солнце. На мягких шкурах лежит Куль. Дышит, как курит: из носа и рта вылетают искры. Будто горячий газ выдыхает. Душный газ, смрадный газ. «Откуда у него луна и солнце? Неужели он их стащил, пока Мир-суснэ-хум странствовал? Как будут жить люди без солнца?!» — забеспокоился Мир-суснэ-хум.

— Ты зачем пришел сюда? — спрашивает Куль, продолжая лежать.

— Хочу что-то спросить.

— Что ты хочешь спросить?

— А почему у тебя так много комаров? — как бы между прочим проговорил Мир-суснэ-хум. — В твоём царстве их много, а на земле — жужжат, кусаются, жизни от них нет... Убери ты их!..

— А как же я без крови буду жить? Ведь это мои духи! Моя жизнь!..

Помолчал немножко. Потом, ухмыляясь, тянет:

— Наконец-то я зажил: солнце и луна в моих руках. На земле вашей теперь темно. Затмение. Солнечное и лунное затмение. Я их сегодня утащил. И поработают там мои духи! Коровы режут, лошади ржут. Даже звери

стонут. А люди! О них и говорить нечего! Эх, хорошее время для Куля наступило. Вы все теперь в моей власти!..

Пока Куль бахвалился, Мир-суснэ-хум вытащил из кармана табакерку. И как только тот поднял на него красные глаза, он дунул в них терпкого табаку. Оба глаза Куля табаком запылены, оба глаза злого духа смотреть не могут!

Схватил Мир-суснэ-хум солнце и луну — и бежать из подземелья. Куль за ним погнался. Чуть-чуть его не догоняет злой дух — он оборачивается в железного ястреба, а Куль — в чайку.

Летит Мир-суснэ-хум к проходу в Средний мир — к небольшому отверстию, которое находится между корней золотой березы, что растет на горе у истока Оби.

Чуть его не схватил Куль — да был он уже в Среднем мире, из-под ветвей золотой березы выплывало золотое солнце. И Луна на краешке неба повисла. Не успел Куль схватить Мир-суснэ-хума в своем царстве, в мрачном подземелье, а на земле — он той силы уже не имел. Да и Торум уже обнажил свой сверкающий меч.

Злой Куль заплакал:

— Вы будете жить в светлом месте, а я опять — в темноте! Души людей ко мне будут попадать — и пусть тоже в темноте будут.

— Ну тогда я полсолица дам! — говорит Торум сверху.

— Какой свет от половины солица!

— А не хочешь — так живи совсем в темноте!

Земля под солнцем снова заулыбалась серебряной улыбкой рек, зеленой улыбкой леса, голубой улыбкой лазурного неба. Коровы успокоились, мирно щипали траву. Лошади изредка помахивали хвостами, отгоняя оставшихся комаров, которые не успели спрятаться в тень от ярких лучей солнца. На ветвях кедров плясали белки, птицы защелкали, рыбы заплескались...

Земля опять пела вечную песню жизни...

КУЗНЕЦ СКОВАЛ ВОСЬМИКРЫЛОГО КОНЯ

Видит человек, ходит человек,
а еще что он хочет?

(Летать!)

В небе звезды летают. Над землей птицы летают. Почему бы и человеку не летать?! Ведь интересно же знать: что за пятна на луне: то ли это горы, то ли моря,

то ли это силуэты мальчиков с берестяными ведерками, как повествует об этом сказка.

Нет у человека крыльев — можно выковать из железа коня с крыльями.

Пошел Мир-суснэ-хум к кузнецу и говорит: «Скуй мне коня, чтоб у него было семь железных крыльев».

Такого коня кузнец сковал. Сел на коня и полетел. Чуть оторвется конь от земли — на бок клонится. Невозможно лететь. Привел его обратно и говорит кузнецу: «Сделай по-другому. Восьмикрылого коня мне сделай».

Кузнец выковал восьмое крыло.

Сел Мир-суснэ-хум на восьмикрылого коня и полетел. Быстрее птицы летит, быстрее ветра летит. И вся земля перед глазами стелется. И серебряные чаши озер, и зеленые шкуры леса, и голубые ниточки рек, выющиеся кишками диких уток, увидел сверху Мир-суснэ-хум. Хорошо ходить по земле, наслаждаться ее красотой. Но издревле человек летел и стремился почувствовать Вселенную.

МЕДНЫЕ ВОРОТА¹

Неважно — какие ворота,
Лишь бы они открывались...

Долго ли, коротко ли летел Мир-суснэ-хум в сторону, где солнце спать ложится, кто ведает. Однажды он увидел высокую небесную стену. Но не стал он удивляться ни зубчатой стене, ни столбам, обитым медью, у которых сходились тяжелые ворота на крепких железных петлях. Видел он это в первый раз в жизни. Но старался не показывать виду: боги высокомерны, насмешливы. Увидят — засмеют. Железного коня в карман положил. Подошел к воротам, напрягая дух, постучал и крикнул громко: «Отворите, кто здесь слышит!»

За стеной высокой никто не отозвался. И не скрипнули ворота. Он крикнул еще раз. Но никто не отозвался. Тогда в гневе поднял тамгу², которую бросил ему Торум,

¹ Медные ворота, Медные города — в легендах говорится, что у маисы в древности были медные города.

² Тамга — клеймо, метка. В данном случае — знак свободного прохода в царство Торума.

когда спас он солнце и луну. Семь раз ударил ею о медь и потребовал властно: «Отворите мне ворота!»

— Если ты дух, то зачем тебе ворота? — отвечал кто-то высокомерно. — Если пришел смертный — то покажи тамгу. Только смертных я здесь никогда не видел. Лишь слышал издали их слезливые молитвы. Вечно они чем-то недовольны, эти трусы и ленгяи.

— Мне удалось отобрать у Куля солнце и луну, которых он похитил у нашего небесного отца. Мне сам Торум дал тамгу.

— Ты прости меня, — взмолился хранитель входов, — эти ворота перед слабым человеком никогда не отворялись. Я вижу, ты и вправду богатырь!..

Поприветствовал его Мир-суснэ-хум и помчался счастливый к шатрам Торума. Сердце его пело, чувствуя близкую победу. Тогда он опять вернется в родную тайгу, на берега журчащих рек, он принесет тамгу жизни. Только какой там будет жизнь? Может быть, там будут такие же города с высокими домами, каменными дворцами? Только зачем дворцам ворота, а воротам — высокомерные привратники? Неужели и на земле должны быть Владыки? Неужели и там Владыки отгородятся медными воротами, высокими воротами от простых смертных?! И что будет на земле зеленой?!

БОГАТЫРСКОЕ ИМЯ

Без имени — как без глаз.

И вот, наконец, долгожданное мгновение настало. Мир-суснэ-хум увидел самого Владыку мира. Он сидел на нарте со спинкой из белой мамонтовой кости. Это был его трон. Рядом улыбалось солнце. И серебряная луна сверкала, как седая голова создателя Вселенной. В синей дымке благовоний, которыми дымились костры, мелькали духи. В окружении божественных духов восседал Торум на троне и правил Миром. То один дух наклонялся к его уху и что-то шептал, то другой. То они хохотали, то хлопали в ладони, то все падали к ногам Торума, то дружно чему-то кивали. Не замеченный духами, Мир-суснэ-хум с любопытством ребенка наблюдал божественную жизнь. А эта жизнь, видно, была тоже не простой. Духи приходили и уходили. И у каждого, видно, было свое важное дело.

Вот что услышал Мир-суснэ-хум:

— Здравствуй, Торум, наш Небесный отец! — кланяясь, говорил пришедший.

— Здравствуй, здравствуй, сынок!

— Дай мне богатырское имя.

— А что, и дам. Без имени — как без глаз. Ты многое сделал и первым пришел.

Еще о чем-то говорил Торум с важным слугой. Потом пришедший трижды склонился к ногам Торума и счастливый пошел прочь.

Дорожка к Владыке, наверно, никогда не зарастает травой. Не успел уйти один — на пороге уже другой. Шапка у него кривь надета. Видно, этот дух не знает, что шапка у него на голове криво сидит.

— Дай мне богатырское имя! — требует у Торума пришедший.

— Богатырское имя я уже отдал, а другого у меня уже нет.

— Я первый на своей земле. Первый и сюда пришел. Отдай мне богатырское имя!

— Я же говорю, что отдал. Почему ты думаешь, что только ты первый?

Но дух не унимается — все просит и просит.

— Ладно, — говорит Торум, — сейчас проверим, кто из вас достойнее. Его я видел по делам, — кивает он на первого. — А тебя еще мало знаю. Раз так настаиваешь — я тебя испытаю.

Привели крылатого коня, которым владел Торум. Связали этих духов за волосы и положили на спину коня. Взмахнул Торум серебряной плетью с вещими словами: «Кто из вас завизжит, тому не будет богатырского имени».

Возил, возил их конь, пазойливый дух не выдержал, завизжал от боли. Владыка и говорит: «Я же говорил, что пет у меня богатырского имени. А разве простое хуже? А может, труднее иметь простое, честное имя?»

Глазами ребенка наблюдал Мир-суснэ-хум суетную небесную жизнь и с грустью думал о грядущем своей молодой Земли.

А на ней будет все.

И опять думал: богатыри или обыкновенные люди станут товарищами на Земле? А может, обыкновенные люди своими мозолистыми руками сотворят чудеса?

И они, не требующие богатырского имени, сложат самые задушевные песни, придумают сказки, музыку? Может, они и есть настоящие волшебники?

ДУХОВ ИЗБИРАЮТ

Человек не может жить без веры. Женщина верит в любовь. Мужчина — в удачу на охоте. Сын не предаст мать свою, как родину. Дочь мечтает о счастье.

А в старину еще верили духам. Дух по-мансийски — Пупыг. Пупыги бывают добрые и злые. Будто от них зависит здоровье, удача на промысле и даже счастье в любви. Духа глазами не увидишь. Лишь образ его — деревянную куклу, ты можешь увидеть в сундуке манси, что стоит на священном углу дома.

Но духи всегда рядом с человеком. Так манси в старину думали. Они, как чиновники, разные должности занимают, разную силу имеют. Торум не вмешивается в жизнь людей. Он управляет миром с помощью своих наместников — легкокрылых Пупыг.

Но Пупыг не всесилен. Каждую весну Пупыг уходит. Куда уходит? На небо! Пока кто-нибудь из людей не изберет его своим. Пупыг — представитель неба на земле. Пупыг — посланник людей на небе. Их избирают, как в старину старшин избирали. Их избирают люди, как депутатов в парламент.

Все можно было попросить через духов, все потребовать: если нужен дождик свежий, чтоб росла молодая трава, — просят люди дождик, если рыба плохо ловится — требуют люди рыбы, если зверь не идет в ловушку — просят помочь.

Если не справляется Пупыг со своими обязанностями — то его изгоняют раньше времени, до весны. С позором изгоняют! Идол не справившегося духа сжигают на костре, разрубают топором или топят в проруби.

ВЛАДЫКА СЛУШАЕТ МИР-СУСНЭ-ХУМА

Долго ли, коротко наблюдал Мир-суснэ-хум небесную жизнь, кто ведает. Да только очень устал от этой суеты. Решил скорее высказать свою просьбу, да и на Землю.

— А это кто? — удивились духи, когда он вышел из укрытия.

— Я — сын Земли. Прошу Небесного отца выслушать

меня.— С этими словами встал он на колени, выкладывая перед Торумом Белый йир¹, который он принес, как жертву.

— Пусть он встанет,— молвил Торум каким-то далеким-далеким голосом, обращаясь к своим духам.

«Неужели Владыка говорит с миром лишь через своих приближенных, через болтливых духов,— подумал Мир-суснэ-хум.— Ведь они могут закрыть ему глаза на правду!»

— Встань, сын Земли! — вскричали духи.

Растерялся было наш герой. Да их чванливость и грубость словно вдохнули ему силу. И воскликнул он:

— Вы такие же, как я слуги Владыки. Я вам равен. И Отец Великий может говорить со мною так же, как с вами.

Переглянулись духи. Уставили молящие глаза свои к Торуму. Ничего подобного они не слыхивали от смертных.

И Торум заговорил. Он обвинял Мир-суснэ-хума в незнании законов, обычаев земли и неба, требовал убрать Белый йир, мол, Владыке не нужно подачек. И, наконец, назвал нашего героя безумцем и невежей.

А Мир-суснэ-хуму словно это и нужно было. Заговорил с ним сам Владыка. И никакой божественности! Даже досадно ему стало. «Кому, как не богу, быть рассудительным и мудрым? — подумал Мир-суснэ-хум.— Кто, как не бог, может выслушать внимательно пришельца с несчастной Земли?!» И он шумит.

Мир-суснэ-хум встал и громко сказал, что хочется ему знать: как избавить народы от горя и несчастий. И больно ему, сыну, что отец печется о каких-то обычаях, а важную весть о своих детях не хочет выслушать. Торум виноват в том, что на земле нет счастья.

Хозяиничает на земле Куль. Он на золотых оленях скачет по небу — и гром гремит, молния сверкает, золотыми стрелами людей убивает. А комаров в тайге тьматьмущая. Кровопийцы они! Мучители людей и зверей! А что творит злой дух в царстве мертвых, как он мучает души людей!..

И ни один помощник бога, ни один дух не осмелился вступить в борьбу с Кулем!.. И только он спас луну

¹ Белый йир — всем духам язычники приносят жертвы: и олень, и лошадь. Лишь Торум не требует жертв, ему достаточно белой тряпки.

и солнце! Не испугался и дальней дороги, первый из смертных достиг божественного жилья, первый принес горькую правду о Земле, а Отец Вселенной кипятится, не хочет выслушать.

Опустил виновато свою седую голову Торум. И, может быть, первый раз глубоко задумался: «А что происходит на Земле?»

ТАПАЛ-ОЙКА

В глубоком раздумье сидел Торум. Не обращал он даже внимания на духа, который что-то шептал ему в ухо. А у того духа голова чуть стала лысеть. А на бородке три белые волосинки... Это был сам Тапал-ойка. Большой это дух. Как первый министр в нынешних правительствах. Он с Торумом всегда рядом. Большая у него власть.

Наступает осень. Лед застывает. Сколько в этот месяц можно рыбы добыть? О, не столько, сколько захочешь! Ведь река-то не бездонная!

Торум Тапал-ойке дает бумагу, где написано, сколько рыбы «отпущено на месяц ледостава». Дает Отец Вселенной бумагу и говорит Тапал-ойке: «А уж распределить между людьми — твоя воля. Сколько кому хочешь — столько и дашь!»

И весной, в месяц ледохода, Тапал-ойка получает заветную бумагу. И в синий месяц ледохода он занят важными людскими делами. Золотую рыбу дает одним, серебряную — другим, крупную — одним, мелкую — другим! Знает дух: все хотят кушать. Знает дух и то: не у всех людей вкус одинаковый. Одним пожирнее, другим понежнее. Знает дух и то, что не все рыбы достойны. Силен и могущ Тапал-ойка! Потому у него и имя такое.

Ойка — это значит мужик. Но это не простой мужик, как вы все, наверно, уже поняли. «Та пал» — другая сторона. Тапал-ойка — мужик по ту сторону. Потусторонний мужик! Вот какой Тапал-ойка. Вот какой дух!

ВЛАДЫКА ОБЕЩАЕТ

Долго думал Торум, опустив голову. Наконец он молвил: «Спасибо, сын мой, пумасипа! За подвиги твои — пумасипа! За горькую правду — пумасипа! Что

¹ Пумасипа — спасибо (по-мансийски и хантыйски).

думал — в глаза сказал — пумасипа! Мои духи так не осмелились бы! Не затуманил мои глаза красивой ложью — пумасипа! Где мои зоркие глаза, которые должны просматривать мир насквозь? Может, их от жизни земной отводят мои предприимчивые духи? Где мой острый слух, который должен слышать плач Земли?! Может быть, уши мои оглушены суетливым жужжаньем духов, окружающих меня?! Пумасипа, сын мой! Пумасипа, что задумался я!

Ты пришел из дальней Земли просить мою защиту, и путь к счастью указать ты просишь. Ответ мой готов:

«На пути ко мне ты проезжал Царство теней, где души предков, умершие когда-то, живут без врагов, пужды, бездней, отдыхают от тяжелой земной жизни. Ты видел реки чистые, с прозрачною водою; леса, полные зверями; тундру с оленями, чумы со спокойными дымками. Там ветра и мороза нет. Грома и молнии с огневыми стрелами там нет. Там не воюют, как на земле. Нет там бедных и богатых. Души светлые ушедших все равны на том спокойном свете. Ты передай народам, что Владыка Мира слышит слезы всех живущих и обещает великую награду за страдания земные... в Царстве Мертвых!..»

Мир-суснэ-хум ушам своим не поверил.

— Нет! Такой ответ нам не нужен! — молвил печально Мир-суснэ-хум. — Какая радость может быть в Царстве Мертвых! Разве это награда? Так и так они там будут мои бедные народы... Такого «счастья» им не нужно!..

Опечалился Мир-суснэ-хум. Последняя его надежда рухнула. Мог ли он в то мгновение думать? А воскликнуть громко смог:

— Я пойду, скажу народам, что на Небе Бога нет! Есть чванливые там Духи... Я скажу: не верьте им! Не приносите больше в жертву ни лошадь белую, ни курицу живую. Не молитесь солнцу и огню. Вас никто нигде не слышит!..

Я пойду, скажу народам: «Думайте о своей судьбе сами!»

— Успокойся, сын мой! — молвил опять Торум. — Ты герой и богатырь. В смелом поединке ты победил Куля, вернув на небо яркие светила.

Ты достоин первого богатырского имени. И я его даю тебе!

Но напоминаю, что и ты виновен в несчастьи людей.

Ведь я отправлял тебя на Средний мир, просил быть главою над всеми духами, что землею правят. Но ты не исполнил мои заветы. В житейских мелочах забылся, как и твой брат Медведь. И Духи без присмотра остались, творя порой неправый суд...

И ты скитался по земле и под землею, нарушая часто законы жизни. Тебя спасало от вечного исчезновения лишь высокое божественное происхождение да имя мое громкое...

Умерь свой пыл, сын мой! Успокойся!

Я тебя прощаю. Снова сыном называю. Имя громкое возвращаю! Отныне снова ты Мир-суснэ-хум — мой первый помощник, правитель Земли, глаза всех духов! Отвечай же: что надо делать на Земле?!

— Мир-суснэ-хум! Мир-суснэ-хум! — зашептались духи.

— Оказывается, жив он!

— Где же пропадал?!

— Почему его так долго не было?!

— Может, не он?!

Торум обнимается с сыном. Он-то уж знает: кто есть кто!

ТАНЕЦ ЧАЙКИ И МИР-СУСНЭ-ХУМА

Гимны отзывались. Теперь начнется представление. И правда. Распахивается дверь — и в белесых струях мороза «летит» Чайка.

Нет! Это не настоящая птица. Это мальчик, он «играет» роль чайки. В белый кувсь¹ его парядили. Крылышки белые к рукавам пришили. Летает Чайка по дому, полному народу, машет крыльями, под музыку пляшет. Поравнялась она со столом — схватила серебряную чашу, которая по обычаю на священном столе стояла. Миг — и чаша исчезла под подолом. Спрятала Чайка ее, похитила.

Распахивается опять дверь — и со струями мороза вваливается в дом Богатырь. На голове у него шлем железный, отделанный собольим мехом. На груди — кольчуга, на боку — сабля. (Эти доспехи в лесной священной избушке хранятся.)

— Кто это такой?! — спрашивают дети.

— Мир-суснэ-хум! — шепчутся старухи.

¹ Кувсь — верхняя меховая одежда мехом наружу.

— Сам Мир-суснэ-хум! — говорят в полный голос старики.

Скачет он на деревянном коне, колокольчики звенят, земля дрожит... Быстро мчится Мир-суснэ-хум. Он гонит Чайку, которая похитила у людей чашу жизни полной.

Скачет Мир-суснэ-хум, спрашивает у людей:

— Когда здесь Чайка прошла?

Люди говорят:

— Семь дней тому назад проходила мимо нас Чайка.

Мир-суснэ-хум подгоняет коня, скачет быстрее и быстрее, на одной ножке подпрыгивает, напевая:

Золотую чашу,
Которая кормит народ мой,
Серебряную чашу,
Которая кормит народ мой,
Похитила Чайка!

Конь мой,
Белый конь с пестрыми боками,
Конь мой,
Зверек мой,
Быстрее скачи, быстрее!

Скачет Мир-суснэ-хум и опять спрашивает:

— Когда прошла Чайка?

Сидящие на полу говорят:

— Вчера прошла...

И опять скачет он, пляшет и напевает:

Как иссякшая тасжная речка,
Живот моего бедного народа высох.
Сердце народа жаждет пищи...
Богатую чашу с народной пищей
Чайка украла!

Скачет и скачет Мир-суснэ-хум. Вот уже он видит Чайку. Мчится быстрее его конь.

Догоняет Чайку Великий Дух. Настигает Чайку Великий Дух, гонит и бьет ее.

Падает Чайка.

Мир-суснэ-хум из-за пазухи Чайки выхватывает-вытаскивает сверкающую чашу.

— Вот ваша чаша! — кричит он народу и бросает чашу прямо в руки людей.

— Вот ваша чаша! — кричит он и удаляется в стремительном огненном танце.

Молились тебе, Великий Мир-суснэ-хум, люди. Ждали от тебя помощи. Почему ты не вернулся на землю и не принес им чашу полной жизни? Или понял, что в несчастии людей ты виновен сам?! Или, узнав, что и ты сын бога, не захотел бороться с Торумом за счастье на Земле?! Или испугался запятнать свой высокий род?! И чтобы спасти имя отца, ты смирился, и снова сделался его первым верным помощником?!

Тогда люди придумали виновницу Чайку и этот танец. И сказку о тебе дальше сложили...

ПЕРВАЯ ОШИБКА

Как и все великие духи, Мир-суснэ-хум на земле много раз рождался. Но первую колыбельную песню он услышал в небесном доме своего отца. Там и прошло его небесное детство.

* * *

Однажды отец говорит сыну:

— Я куда-нибудь схожу. Ты, сынок, жди меня!

Ушел. Сын играет, возится, по всем углам дома лазит. Однажды за пологом он увидел бочки. Три тяжелые бочки стоят. Раскрыл одну бочку: мертвой водой запахло. Раскрыл вторую бочку: живой водой повеяло. Раскрыв третью бочку, он услышал брань. Вода в той бочке шипела, пеннлась. Все бранные слова плохих людей в этой бочке были замурованы. А в сторонке от этих бочек еще одна стояла. Ярким шелком была закрыта она. Раскрыл он ее и чуть не ослеп: такую светлую землю увидел сквозь нее!

Там и зеленые леса, и сияющие озера, и искристые речки! Смотрит он на это чудо, и слезы катятся из глаз. Плачет он от зависти. Плачет он, что эта прекрасная земля далеко от него. Долго ли, коротко ли плакал, успокоился. Закрыв бочку шелком, лег спать.

Возвратился отец домой. Разбудил сына и спрашивает:

— Почему ты плакал? Вчера я тебя предупреждал: не ходи за полог. Твои глаза потеряли теперь свет и зренье.

— Не потеряли они свет. Видишь: смотрят.

— Вот твои слезы. В мои ладони они упали...

Долго ли, коротко ли жили, однажды сын говорит:
— Отпусти, отец, меня в Средний мир, отпусти меня на светлую землю!

— Что там на земле хорошего?!

Надевает отец одежду кузнеца и начинает ковать железную люльку, серебряную цепь. Укладывает сына, потом долго-долго качает его между небом и землей.

— Вниз так вниз отпусти меня, вверх так вверх подними меня! — умоляет он отца.

Поднял отец его наверх.

— Почему ты меня не отпускаешь на землю? — спрашивает он.

— Когда придет твое время — тогда и отпущу!

— А когда придет это время? Может, оно никогда не придет!

— Сынок! Что за дурные страсти тебя мутят?! И что доброго ты увидел на земле? Если очень хочешь — иди! Только помни: пока не пройдет семь зим, пока не отцветет семь лет, не ходи по тропе, где женщина прошла, не ищи угла, где мужчины живут!

Отпустил он сына на землю. Приземлился сын — глазам своим не верит: сюда стунит — болото, туда идет — деревья обуглены, съедены пожаром. В одном месте нашел толстое бревно. На него и лег. Уснул. Проснулся — жарко. Руки протягивает — тепло, ноги протягивает — мягко. Смотрит: в доме он. Да в каком доме! Высоком, светлом, как и у небесного отца!.. Стал жить в этом доме. Долго ли, коротко ли жил, однажды скучно ему стало. «Не посмотреть ли мне землю, не поискать ли мне край, где женщины поутру оставляют следы на росистых травах, где мужчины не скучая живут?» — подумал он про себя.

Оделся, подпоясался и пошел по дремучему лесу. В одном месте видит: охотничий лабаз стоит. За одноногим лабазом — изба. Вошел в дом. Хозяин дома — седоглавый старик и говорит:

— Ты почему не послушался наставлениям отца? Я вот — куда приказал он мне — там и живу. Семь зим надо было выдержать!

Молодой человек промолчал. Велели ему зайги в полог. А в пологу том девушка была. Молодая, красивая. Вошел он в полог. Раздел свою одежду. Девушка наряжает его в соболье, кунье платье. Легли спать. Мужем ее стал он.

Долго ли, коротко ли жили, однажды старик и говорит:

— Что ты за человек?! Почему не разговариваешь? Может, ты злишься на меня, хочешь меня убить?!

Молодой человек молчит, как камень.

Старик опять за свое:

— У тебя есть своя земля, своя вода есть у тебя! Иди в край родной!..

Наутро молодые собрались в путь-дорогу. Прощались-целовались. Долго ли, коротко ли шли — а в свой дом пришли. И стали в нем жить да поживать. Муж охотится, рыбу ловит. Жена родила ребенка и стала ходить в лес за трухой, что в дуплах сухих деревьев бывает. На этой мягкой трухе, в берестяной люльке все малыши севера спят, растут, набирают силы. Однажды она пошла в лес. Поставила санки у дерева и только подняла топор, как кто-то ее схватил, свалил на санки, и в один миг она подкатилась к двери своего дома. И в этот миг кто-то ехидно прокаркал:

— Вот позорище на всю тайгу: санки женщину катают!

Пошла она снова в лес. То же самое повторилось. В третий раз пошла. Нарубила деревьев сухих, с дупел вытаскала труху, сложила в санки и в обратный путь тронулась. На середине дороги санки где-то зацепились: посмотрела назад — никого нет, ничего нет. Зашагала дальше. А санки тяжелые-тяжелые стали. Посмотрела назад: незнакомый мужчина сидит.

— Слезь с санок! — говорит она.

— Если душа твоя повернется ко мне, если ты полюбишь меня — тогда слезу. Если нет — убью. Я ведь без сердца и без печени!..

— Ум мой повернется к тебе, — молвила негромко она.

Незнакомец слез с санок и говорит:

— Если ум твой со мной — убьем мужа. Я тебе дам бутылку вина. Придет муж домой — вскипяти чай, в чай налей рюмку вина. Второй чайник вскипятишь — вторую наливай. На третий чайник — остаток вылей! Муж твой охнет, упадет. Я приду — прикончу.

Жена пошла домой. Скоро пришел муж. Она вскипятила ему чай и напояла... Сделала все так, как сказал мужчина без сердца и печени. Опьянел муж, явился незнакомец — и они его убили. Не пощадил и ребенка...

Мужчина без сердца нарядился в платье убитого.

Его меч и кольчугу забрал себе, и вместе с этой женщиной пошли в Нижнее царство, в подземелье.

Через семь лет отец спустился с неба и решил посмотреть, как живет на земле сын. Пришел в его дом и видит: сын убит и внук убит. Поднялся он снова в небо. Из бочки с живой водой взял живую воду и опять спустился на землю. Вымыл он их живой водой, и оба ожили.

— Кто нас оживил? — спрашивают они.

— Отец ваш, Нуми-торум, оживил. Кто же больше?! Разве вы без меня жить по-человеческому можете?!

Поднял он их обоих на небо. Сын опять скучает, опять хочет на землю.

— Отпусти меня, отец, на землю. Отомщу я Бессердечному. Не с одним со мной, наверно, он поиздевался...

Спустился сын на землю. Навстречу ему идет человек.

— Убей меня! — говорит он ему. — Мне это очень нужно.

Удивился человек. Но раз просит — выполнил просьбу. Зарыл его в землю. Из земли травка зеленая пробилась. Травкой зеленой шелестит он, радуется солнцу, тянется к свету. Все умирает, и все снова рождается. Ничего бесследно не уходит. Только рождается все в новом свете...

Выпустили люди лошадей на волю. Щиплют они сочную траву и силы набирают. И ту травку, в которую превратился Сын, съела одна из лошадей. Скоро она родила жеребенка с золотистой шерстью, с серебряными копытцами.

А это была лошадь Бессердечного. Вышел он на улицу и говорит жене:

— Когда ты была еще на Белом свете, когда с мужем тем жила, ты ведь не имела такой лошади, которая рождает жеребят с золотой шерстью! Вот какой у меня дом, вот какие мои животные!..

И велел он разрубить этого жеребенка на куски и сжечь на огне. Слуги его покорные вмиг исполнили. Но разве возможно убить жизнь?! Жизнь продолжается в новом виде. На месте, где пылал костер, на котором сожгли жеребенка, березка белая выросла.

— Вот на какой земле я живу, — хвалится опять Бессердечный перед женой, — даже березы растут в нашем Нижнем мире. А утром на месте, где березка была, вырос дворец удивительной красоты.

— Вот какие чудеса происходят в моем подземном

царстве! — хвалится опять Бессердечный. — На земле разве такое бывает?! — Пошли они с женой во дворец. А посреди дворца, кто бы, вы думали, ходит?

Тот самый, которого они когда-то убили! Как хозяин он расхаживается по сияющему дворцу. Вокруг него выются легкие тени мертвецов. Они что-то шепчут ему. Видно, жалуется. Кому скажет слово — тот оживает. Кому кивнет легонышко — тот из тени в богатыря превращается.

Когда стало много железных богатырей, они схватили Бессердечного. Огрубил его разбойничью голову и на костре сожгли.

И богатыри вместе с Мир-суснэ-хумом вернулись в Средний мир, на светлую Землю.

А все ведь это случилось из-за того, что Мир-суснэ-хум завет отца нарушил: рано пошел за женщиной!..

КАК МИР-СУСНЭ-ХУМ ВЫБИРАЛ ЖЕНУ

Мир-суснэ-хум с братом ехал на лодке. В одном месте увидели деревню. Пристали. Вышли на берег. Кормят их, поят. Не напрасно назвали его всевидящим, просматривающим мир насквозь: увидел даже девушку! Посмотрел ее насквозь: такой красивой нигде не видел! И думает: «Не взять ли мне ее в жены?!»

— Пойдешь за меня? — спрашивает он ее.

— Пойду.

— Садись тогда в лодку!

— Нет! — говорит она. — Я пойду за деревню и там сяду в вашу лодку. Вы езжайте!

Поехали. Когда скрылась деревня, на берегу увидели девушку.

— Гребни на берег, — говорит он. — Посадим девушку.

Подплыла лодка к берегу. Пристали. Девушка стала садиться. Смотрит Мир-суснэ-хум на нее и не узнает: одна нога у нее оленья, другая — человечья.

И думает про себя: «Я такой именитый бог, такой знаменитый богатырь и женюсь на ней?! Как будут смотреть на меня?!»

— Иди от меня в сторону! Иди на берег! Такая жена мне не нужна!

Девушка вышла на берег. Они поплыли дальше. Смотрят: в одном месте опять стоит девушка. У самой воды стоит.

— Подплывай ближе,— говорит Мир-суснэ-хум.— Посадим эту девушку.

Пристали на берег. Попросил он опять ее быть женой. Стала девушка садиться в лодку. Мир-суснэ-хум смотрит, глазами не верит: одна нога у нее человечья, а другая — лосиная. «Что за невидаль?» — думает он и опять возмущается:

— Иди в сторону! Не садись! Такая жена мне не нужна!

Девушка вышла на берег. Ушла в лес.

Поплыли немного дальше, опять видят: девушка на берегу стоит.

— Приставай на берег,— говорит он брату.— Посадим ее.

Пристали. Пригласили девушку сесть в лодку. Стала садиться она. Мир-суснэ-хум опять видит: одна нога у девушки нормальная, другая — толстая медвежья лапа. «Ну что за женщина! Я такой именитый бог, такой знаменитый богатырь, и на такой женюсь? Нет!» — думает он и говорит:

— Не садись в пашу лодку! Иди прочь! Такая жена мне не нужна!

Девушка выходит на берег и, качая головой, роняет слова:

— Ты будто именитый отыр, всевидящий дух! Ты будто семигранный дух, муж с семью мудростями! А мои проделки ты не мог понять, мои три хитрости ты даже не смог разглядеть! А еще всевидящий бог!

«Что это за дерзость?! — думает Мир-суснэ-хум.— Какая-то уродливая девчонка меня, духа всемогущего, чернит! Будто она мудрее и хитрее меня!»

Рассердился Мир-суснэ-хум, натянул лук тугой, приметил стрелу трехгранную. И был он удивлен, когда увидел, как девушка преобразилась в черного соболя и ушла в лес.

Вот какие женщины! Даже всевидящий дух не смог понять, все ее хитрости не смог разглядеть! Вот какие мужчины: на ноги лишь смотрят, а глубже не хотят взглянуть! И теряют все. Ведь перед Мир-суснэ-хумом была прекрасная богиня. В образе черного соболя она ходила потом. Иногда попадалась в руки охотника. Охотник-манси знал, что это богиня. И ее мех, ее соболий образ он ставил в священный ящик, рядом с изображениями других духов.

О, я сам был на медвежьем празднике! Сам, своими ушами слышал волшебную песню журавля. Нет, это не птица была! Слух мой был зачарован звуками многострунного инструмента. Вы, конечно, этот инструмент не видали. Мало их стало. И хранятся они у самых древних стариков. И не всякому дано на него взглянуть, услышать его последнюю речь и последнюю журавлиную песню. Он считается у стариков священным. Но я его видел и слышал. Похож журавль на птицу. На самую большую птицу, которая садится на воду. Ханты его называют лебедем, манси — журавлем. Разницы нет между ними. Лебедь и журавль — большие птицы, белые птицы, вещи птицы. Не любят они кричать понапрасну, а если запоют вечное, лебединое, журавлиное «курлы-курлы» — то значит, надо прислушаться к их голосу и понять: в мире что-то происходит. Значит, что-то важное они хотят сказать людям. И слушают люди, не перебивая священную песню лебедя-журавля.

А еще я расскажу вот что. Недавно был на Лебедином озере. Весна заглянула на север. А на озеро прилегел лишь один лебедь. В небе веселились другие птицы — самолеты. И уток стало мало! Раньше охотники заслушивались лебедиными песнями. А сегодня лебедь плакал. Я услышал и записал:

Я в объятьях неба...
 Подо мной земля и озер камышовые гнезда...
 Я выше деревьев, я выше людей,
 Лучи моих глаз могут пощупать то, что для вас
 Скрыто за чертой горизонта.
 Вы придумали, люди, что я пою.
 Лепечу, как ребенок, и от счастья курлычу...
 Я давно уже плачу: высоко надо мной
 Распласталась стальная лезвием птица.
 Громкий голос ее оглушает меня в полете,
 А крылья вызывают солнечное затмение.
 Люди стоят на земле, головы опрокинув,
 И смотрят за пределы неба,
 Куда я заглянуть не могу, и хмелеют от песни железной.
 А когда-то манси трогали пальцами струны моей души
 И называли свою деревянную птицу
 Нежноголосым лебедем...
 Что глазете вы, как в музее,
 На мое одиночество?!
 Из-за чьей-то одинокой жестокости
 Я от стаи отстал...
 Сто кругов прочерчу я над озером,

Где прадеды вили гнезда,
Окунусь в белизну белой ночи.
А утром, когда в небе нас будет двое —
Я и солнце,
И не грянет железная песня,
Я рассыплю смех, вылеплю лепет
И, как след, оставлю старинное, последнее, лебединое —
«Курлы-курлы!..»
Летите, люди, в космос, сверлите, люди, землю,
Смотрите туда, куда я заглянуть не могу.
Но берегите белые мои озера,
И почернеет небо без белых лебедей,
Под зеленой травой проступит черная пустошь!
Не топчите травы — я совою из них гнездо
И белой ночью висижу для вас белых лебедей...
А утром, впервые увидев солнце,
Они рассыпят смех, вылепят лепет
И, как след, оставят
Старинное, последнее, лебединое —
«Курлы-курлы!..»

Сегодня люди в космос летают. Ракеты, космические корабли совсем не кажутся чудом. А первый самолет, который увидал я, мне показался чудом. И наверно, не потому, что был я еще маленьким! Ведь полету птиц я не удивлялся. Наверно, чудом показался самолет не только мне, но и маме, и отцу, дедушке и бабушке. Видно, они ахнули, увидев «летающую лодку» над их деревней. Сто лет жил мой дедушка. Но он про такое не слыховал, чтобы лодки над головой летали, а не по воде плавали. Потому и ахнул. Сто лет жила моя бабушка. Но и она даже во сне не видела, чтоб над ее тихой деревней, над которой выются лишь птицы, что-то другое летало: огромное, гулкое, железное. А теперь никто в мансийской деревне не удивляется полету человека на Луну. Все стало обычным. Необычным стала сказка про волшебный инструмент Торыг, про волшебную птицу Лебедь, про священный Журавль. Послушайте песню журавля о том, как птица стала инструментом вещим и звучным!

Долгую зиму с иголками инея,
Вечную зиму с горами льда,
Я, Журавль, сижу в священном море,
В океане священном с золотой водой.
От золотых капель — рукам моим тесно.
От священной воды — ногам моим тесно.
Слухом своим журавлиным ловлю тишину.
Слышу: с каждым новым восходом солнца
В южном море крылатых все меньше и меньше.
Понимаю: костистые птицы — мои подруги,

Острокрылые птицы — мои подруги
Полетели в трижды воспетую землю,
Где проклюнется летом на пестрых скорлунок
Наши дочери и сыновья...

Золотой честности день приходит.
И тогда я, Журавль, поднимаюсь над морем,
Я семь раз кружусь, как кружится солнце,
Я шесть раз кружусь, как луна вертится,
Чтоб любовь свою показать священному морю.
А потом долгоносый свой нос журавлиный
Попериул я к далекой земле-отчизне,
Где родятся, крепнут и подрастают,
Серокрылые и долгоносые, наши дочери и сыновья.
Полетел я, Журавль, па родимый Север.

Я семь дней летел, семь ночей летел я, —
Прилетел на свою родимую землю.
Опускаюсь я на глухое болото, —
Лось могучий стоит там, как каменный идол.
Тут я лося-быка, распаленного страстью,
Как умею, развеселить стараюсь:
Перед лосем нечальным пляшу свои пляски
И дарю ему веселую песню.

Нахожу я верховье таежной речки...
Дальний путь пролетевшее без передыху,
Жаждет пищи мое журавлиное сердце:
В речке рыбок ловлю, ловлю я букашек,
Очень вкусных жучков с разузоренной спинкой,
Лакомлюсь па березку морошкой.
Замышляю построить гнездо большое...

Я, Журавль, гнездо камышовое сделал,
Чтобы было расти моим детям.
Два красивых яйца в гнездо положил я —
Днем сижу на них и ночью сижу я.
Здесь застал меня, на гнезде сидящим,
Человек смешной с обрезанным лупом.
Взял меня он песнею, с губ спорхнувшей,
Взял меня своей он льстивою песней,
Что на кончике языка плясала:
«Ах, Журавль мой милый, Журавль крылатый!
Ты, наверно, решил, что сидишь в чумане,
В небольшой посудине из бересты,
Куда даже мальчишка не уместится?!
Оглянись: ты сидишь в избе человечей,
Посередке грязного пола сидишь ты...
Уж не очень ли важно ты здесь расселся?
Погляди напротив: в углу почетном
Царь тайги сидит — Медведь черно-бурый!
Восседает он, твой звериный братец,
Восседает он на столе широком,
Восседает в счастье тонкого шелка,
Восседает в счастье сукна дорогого...

Ах, Журавль, Журавль, неумная птица,
Отбирай у Медведя собольиное счастье,
Отбирай свою шелковую долю!
Ты выклеывай звезды — глаза медвежьи,
Ты выщипывай уши — пеньки сухие!
Расплескай озерные яства с чумана,
Разбросай с чумана речные яства!»

Я разбрасываю яства с чумана,
Я выклеываю звезды — глаза медведя,
Я выщипываю пеньки — уши медвежьих..
Вдруг кричит охотник, убивший медведя,
Словно дверь закрытую отворяет:
«Люди! Люди!
Дня мое защищайте, —
Журавля по жилам — по струнам — бейте!»

Халь-халь-халь! — Бить руками меня начинают.
Поль-поль-поль! — Щиплют жилы мои до боли.
И звенит моя каждая жилка, как ветер,
Словно ветер звенит моя каждая струнка, —
Журавлиный мой голос песни выводит.
Люди пляшут под песни мои, как волны,
И моим залившимся звончатым звоном
Веселят лесные сердца свои люди.

О, я сам был на Медвежьем игрище!
Своими ушами слышал, как в волшебной песне Жу-
равля оживали языческие мифы о Земле и Небе, о Богах
и Человеке... *

ПОЯС С ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ

Собольиные два океана, звериные два океана
одинаковой длины, одинаковой ширины...

(Земля и небо.)

Земля... Какая она. Идешь, идешь, а она не уходит
из-под ног. Только небо над головою, с ярким солнцем —
днем, с глазастыми звездами — ночью. Плещут синими
волнами реки, зелеными ветвями шумит дремучая тайга,
и не раз на пути встанут горы, вросшие камнем в небо.

Какая она, Земля. Теперь все знают, что она круглая.
Было о ней много дум длинных, как зимняя ночь. Было
много сказок. И манси пели о земле свою думу-сказку.
Вот она, послушайте.

Жила-была Ели-торум-сянь — мать Земли. Жила она
с Крылатой Калм. Это птица волшебная, сказочная.
На Землю прилетели они с далекой, вечерней Звезды.
Потому все сказки начинаются вечером. Долго мерцала
та Звезда сумрачным светом. Потому сказки, наверное,
сказываются долго.

Однажды Ели-торум-сянь говорит Крылатой Калм: — Поднимись к своему отцу, Нуми-торуму. Так ему скажи: «Земля наша не стоит на месте, как плот на волнах, все качается. Когда появятся ее хозяева — мудрые люди — им будет нелегко. Нуми-торум, отец мой, укрепи нашу Землю!» Может быть, каким-нибудь поясом он ее опояшет.

Полетела Крылатая Калм к своему небесному отцу. И рассказала ему о своих думах. Выслушал Нуми-торум ее, опершись правой щекой о посох, и молвил:

— Ладно. Так и будет!

Пока Крылатая Калм летела, Нуми-торум опустил на Землю свой пояс. Пояс его украсил тяжелыми пуговицами. Под его тяжестью Земля осела глубоко в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег его пояс, теперь Уральские горы. Это самая середина Земли.

А пояс тот был не простой. Золотые пуговицы горели ярче солнца, а серебряные светились полной зимней луной. Хрустальные камни ослепительно сверкали, как снег под весенними лучами. Звездным млечным путем мерцали украшения из меди, олова. Причудливые мраморные и гранитные фигуры висели на золотых цепях, сделанные из кости мамонта на поясе охотника.

Теперь все знают, что Земля круглая. И никогда Урал не был поясом Нуми-торума. Но от этого он бедней не становится.

Каждый день люди что-то открывают. Урал наш золотой. Земля наша драгоценная. Ее видел Мир-сусиэ-хум. А мы за ней живем.

КАК СОЗДАЛИ ЧЕЛОВЕКА!

Сильнее медведя, слабее самого себя...
Отгадайте, кто это?..

Как создали человека? И об этом у манси есть сказка. Разве мог человек не спросить себя: откуда он? Разве мог он не создать и о себе легенду?

Жила-была Ели-торум-сянь — мать Земли. Была у ней птица — Крылатая Калм. Однажды она говорит птице:

— Слетай к Нуми-торуму, к Небесному отцу, скажи ему вот что: «Земля наша теперь крепко стоит, не плавает. Надо создать человека, чтобы он на ней жил».

Полетела Крылатая Калм к Небесному отцу и гово-

рит: «Землю ты укрепил. Но скука такая! Умереть можно... Земле нужен весельчак. И хозяин Земле нужен».

Поднял Нуми-торум голову, испытующе взглянул на птицу.

— Ладно, — сказал он. — Человек будет!

Позвал Нуми-торум своего помощника Тапал-ойку и приказал ему сделать человека.

Рубит Тапал-ойка вековую лиственницу и, посвистывая, вырезает семь человеческих фигурок. Услышав веселый свист, Куль полюбопытствовал: «А что же делается там, наверху?»

Увидев, начал подражать Тапал-ойка. Вырежет Тапал-ойка из лиственницы сильную руку человека — такую же руку сделает Куль, но только не из лиственницы, а из глины лепит.

Выстругает Тапал-ойка из векового дерева могучую человеческую ногу, которой не страшна самая дальняя дорога, — Куль вылепит такую же ногу, только из глины.

А потом и говорит Тапал-ойке:

— Давай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться. Твои люди глиняные, худые.

— Ну, поменяемся! — уговаривает дух Подземелья.

— Не хочу отдавать своих людей. Вон сколько я с ними повозился!

— И я над своими идолами поработал, — говорит Куль. — А ты откуда для них возьмешь души? Нуми-торум душ тебе не давал.

Сидит Тапал-ойка и почесывает голову:

— Верно, душ у меня и правда нет. Ну, а ты моих деревянных людей сможешь сделать живыми?!

— А как же! Я их оживлю.

Отдал Тапал-ойка деревянных людей Кулю и стал ждать, когда тот их оживит.

День ждет, неделю ждет, а Куль не несет людей. А Нуми-торум торопит: «Скорее сделай Человека! Надо заселять людьми Землю, а то черти поселятся».

Почесал Тапал-ойка голову, посмотрел на глиняных людей. Глина, и только. Но что же делать? Пришлось их взять. Пошел к сестре своей, Калтысь-эвке.

— Помоги мне, сестра, оживи этих людей!

— Оживлю. Только ты уходи отсюда.

Тапал-ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчинам при этом нельзя находиться.

Глиняные люди стали живыми. Только век их недолог: куда годятся их глиняные руки, глиняные ноги? В воду упадет человек — тонет, жарко станет — из него пот выступает. Люди, сделанные из лиственницы, были бы крепче!

Прошла древняя эпоха человеческой жизни, настала новая. Многому научились люди. Сейчас они не только ходят на охоту, не только ловят рыбу, но и строят дороги и города. И все же люди остались людьми, сказывается глина...

ДВА ОСТРОВА

В большой заводи жил Виткась. О, это волшебное и таинственное водяное существо! Рассердится на людей или на духов, населяющих землю и воду, начинает рыть берег. И крутой берег реки сползает на реку, валятся даже вековые деревья. Вы о нем еще много услышите. А сейчас скажу лишь о том, что случилось однажды.

Плыли по реке Сосьве два Менква. Посреди реки плыли. Не боялись, наверно, Виткася. А люди его боялись. Обходили это место, считая его святым. А лодки и вещи тащили волоком. А Менквы людских обычаев не придерживаются. Вот и поплатились. Лодку великанов закрутило в заводи, как щепку. И на широком плесе, где, пенясь и шипя, крутились струи, раздавались молитвы и плач людоедов. О, сколько было плачей и молитв!

И несирота: великий Виткась всплыл на поверхность. В момент, когда Виткась всплывал, переломались гребни великанов, и лодка села на мель, а великаны превратились в два песчаных острова. До сих пор эти два песчаных острова посреди реки стоят.

Вот какую силу имеют обычаи и законы людей. Непослушание валит даже великанов, превращая их в песок, в прах и в землю.

* ХОТИТЕ ЖИТЬ — БУДЬТЕ ОХОТНИКАМИ

У Ели-торум-сянь было семь сыновей. Большая это семья. Кормить ее надо. Одними орехами да ягодами разве прокормишь! Однажды она решила спросить у бога: «Чем кормиться сыновьям на этой земле?» Послала гонцов в Верхний мир, на высокое небо. Отец Вселенной Торум ответил: «В болото, которое находится около вашей деревни, я спущу оленя с олененком...»

Сказано — сделано. Появились в болоте ветвисторогий олень с розовым олененком. Ожило все кругом. Травы хрустели, будто пели. Птицы свистели, живую весть друг другу передавали. И стоял олень среди мхов, как живое изваяние. А рядом пасся розовый олененок.

Но однажды все снова замерло. Пришли сыновья Ели-торум-сянь с луками и стрелами и убили оленя с олененком. Вкусным, видно, было мясо оленя. Снова богиня земли шлет гонцов в Верхний мир, на высокое небо. Снова просят Торума спустить на болото оленей.

Разгневанный Торум отвечает: «Что это вы за люди?! Не успел вырасти олененок — вы его съели. Попасли бы вы его, вырос бы — и новых оленят принес бы. Целое стадо было бы около вашей деревни! Коль не разумны — идите в лес. Следы диких оленей мудренее, тайга дремучая, снег толстый. Если хотите жить — охотьтесь! Вам отдаю тайгу с черным и красным зверем. Если вы мужчины, что вы ропщете на бога, выпрашиваете себе пищу?! Берите лук и стрелы — и в тайгу!» С тех пор сыновья тайги стали охотниками.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Вначале был потоп. Священный потоп. А человек и до потопа жил. Так долго жил, что весь белый свет, вся Вселенная наполнилась человеческой бранью. Сейчас еще встречаются люди, которые ругаются. В наш умный век слышишь иногда такие тяжелые слова, что уши вянут. А в старину, сказывают, было намного хуже. Кто его знает сейчас, какой век перетянет. Мы в то время не жили: сравнить не сможем. Да в том ли дело?

Только Мир тогда, сказывают, переполнился бранью. Не щадили ни отца, ни мать. Выражались при юной девушке и седой старушке. Тяжко стало честным ушам и душе сердечной.

Помутилась душа и у Отца Вселенной. Задумался Торум: как очистить Мир от сквернословия?

За домом было озеро. А в озере вода живая, золотая вода. Залез в озеро и задумал: «Я в воде и они, люди, пусть будут в воде. Пусть их, грязных, смоем со светлого лица Земли!»

Вернулся из дальнего странствия Мир-суснэ-хум, слез с коня богатырского и у дверей отцовского дома слышит какое-то необычное журчание. А по обе стороны двери

стояли две священные бочки. Заглянул туда: бочки будто кипят, пенятся. Вот-вот польется из краев.

«Что делать? Ведь все потопит, ничего живого не останется!» — подумал Мир-суснэ-хум.

Не мешкая, вынул из кармана лоскут ткани, закинул им бочки. Вынул из ножен блестящую саблю, острием ее пригрозил, сказав: «Не кипятитесь, бочки, успокойтесь!..» А в бочках тех, как в двух грудях одной молочной матери, рождалось не то молоко, не то священная вода. Стоило Торуму молвить слово, которое никто, кроме него, не знает, как бочки набухли, как груди молодой женщины...

Мир-суснэ-хум почувал опасность мирового потопа и бросился искать отца. Ищет его дома — не находит, ищет его на улице — не находит. Бежит на берег живого озера и видит: на золотой глади воды колышутся золотые волосы Отца Вселенной. Мир-суснэ-хум бросается в воду, хватая Торума за волосы и говорит такие слова:

— Отец, скажи, что ты задумал? Зачем залез в озеро? Неужели тебе не жаль твоих сыновей — земных людей?!

Пришла и дочь. Она сказала:

— Отец наш, послушай. Мы будем клясться. Перед самим собой в тиши, в уединении будем давать клятву чести и порядочности. И сами сотворим семицветную дугу клятвы — радугу. В нее будут вилетены все добрые чувства людей. Послушай нас, отец, до конца человеческой эры ты не делай больше священного потопа!..

— А я так рассудил, — говорит Торум, — в течение семи дней во всей Вселенной станет темно, семь ночей и дней пусть гуляют по небу камешные тучи и вместе с дождем на землю падают камни. И деревья высокие пусть трещат и ломаются, и трава низкая пусть не сможет устоять. Грозное и злое тогда с земли смоеся. И людшки ничтожные под водой бурлящей превратятся в прах. А у кого нет вины — тот останется. Человеку чистому душой не страшен священный потоп. От него и продолжится новый людской род...

От оставшихся людей, видно, и пошел род манси. Потому что о потопах много говорят старики, много помнят. И счет времени нового человека с потопа ведется. А это было много тысяч лет назад. Вот какие манси. Вот какие седые и древние.

А потоп тот, сказывают, был страшный. Не было дерева, вершина которого осталась бы незатопленной.

Лишь седая голова старика Урала осталась недоступной воде, сметающей на пути своем все живое и вечное.

И часто на одном плоту плыли ящерица и волк, змея и человек. Волк не скалил зубы на зайца, лось не поднимал рога на медведя, соболь не пытался есть белку, россомаха не рычала, не показывал свою ловкость человек. Что их всех присмирило? Может, вчерашнее зверство и сегодняшний страх? А может, жизнь прекрасная и удивительная, которая уходила из-под ног, заставляла задуматься? И существа, спасшиеся чудом, впервые ощутили власть волшебного явления— жизни? А может, и вправду лишь самые добрые и чистые из живых существ спаслись и явились зачинателями нового рода новой жизни? Но тогда почему же и сегодня встречаются злые звери и плохие люди?

Многое непонятно в этом мире. Только одно правда: потоп был на самом деле. И еще правда: люди иногда теряют дух человеческий, сквернословят, бранятся.

Но и радуга часто встает над землей. Многоцветная радуга, красивая и яркая, как добрые чувства людей. Пусть радуга чаще играет цветами! Тогда лишь дождичек окропит землю, напоят живительной влагой растущие травы, деревья, плгнц.

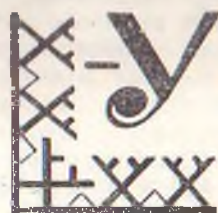
Вот так сказывали в старину.

ЖЕСТОКИЙ БОГАТЫРСКИЙ ВЕК

ТАНЕЦ ВЕЛИКАНОВ

-ху! У-ху! — стонет будто тайга.
— У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу! — стонет
словно морозное небо.

Где-то далеко-далеко слышится еще
свист, вой, писк.

— Ут-чи-ва-нэ! Ут-чи-ва-нэ! — слышит-
ся уже ближе. И свист ближе, и гром
ближе...

А в игровом доме полумрак. Люди примолкли в ожи-
дании чего-то необычного и страшного.

— Что это?! — спросит малыш, теснее прижимаясь
к матери.

— Тише, сынок! Великаны идут, Менквы!..

— Кто они такие?!

— Людоеды. Враги манси они. Сказывают, в старину и вправду приходили в мансийские селенья, Соболей-лисиц собирали. А иногда и убивали... Сейчас, сынок, не бойся: это представление.

Но как же не дрожать малышам, если в дом вваливается семь великанов. Они свистят и палками стучат. Грохочут, хохочут, ревут...

Головы их шерстистые потолка касаются. Такие они высокие! А волосы у них длинные, как хвост коня.

Присмотришься, и правда: на голове — целый конский хвост. А бороды у них длинные. Присмотришься — они тоже сделаны из хвоста.

Это потом малыш лишь поймет, что в великанов оделись просто люди. А вначале и на самом деле страшно: у каждого из них — по две палки. Они стучат ими над головами — и гром стоит. Будто мечами стучат. А раньше, говорят, саблями... Сейчас лишь у одного из них настоящая сабля.

Сохранилась она, сабля, случайно. И теперь хранится вместе с одеждой великанов в «священной избушке», которая на четырех ногах-столбах стоит в самом глухом уголке леса. Дорогу туда знают только старики...

А в старину, сказывают, было тридцать сабель. Ими встречали люди великанов. Нет теперь их потому, что однажды пришли попы-миссионеры, нашли лесную избушку, где хранились идола языческих богов, и все опустили в прорубь. И сабли тогда погибли. Но одну люди сберегли. И она теперь в руках доброго великана из рода манси. Он один против шести людоедов борется, перед ними машет саблей, пляшет танец вечной борьбы...

И хотя он один, а Менквов много, никто не может победить. Ревут, свистят, стучат палками, стонут, воют, пляшут великаны. Долго длится эта пляска, потому что долгой на земле была эра богатырей.

Сначала на земле жили одни боги — так манси сказывают. Потом наступил богатырский век. Эти полубоги-полулюди вели между собой вечную борьбу. Добрые богатыри защищали свою землю от злых. Жизнь их была полна героизма и отваги.

В этой стране жили воинственные племена. Во главе каждого из них стоял Отыр-богатырь. Или его еще называли канась — Князь. Жили они будто в «медных городищах». А простые люди — в землянках, в чумах, рубленых избах.

И когда от чума к чуму, от избы к избе летела трехгранная стрела — сигнальная стрела бедствия и войны — люди шли в городище под начало своего Отыра и становились воинами. Богатырь был в кольчуге. Ковали на Югре железо. Знали медное дело..

Войн в то богатырское время было немало. Часто сражались за землю, реки и озера. А иногда ходили на битву за женами. Страшное было время, если из-за женщин воевали!..

Пляшут Великаны. А Кастан-хум поет одну историю за другой. И перед глазами зрителей плывет жестокий богатырский век.

ЖЕСТОКИЙ БОГАТЫРСКИЙ ВЕК..

Сын богатыря средней Сосьвы пошел на охоту. Долго ли, коротко ли шел по дремучей тайге. Однажды вышел в землю, где лишь трава растет. А в земле той, бескрайней, как небо, дома стоят. Много домов!

«Кто в них живет? Друзья или враги?» — задумывается он. Испугался до смерти. Повернул обратно.

Однажды, посмотрев назад, заметил, что его собака-соболятница еле дышит, задыхается от бега. Отвязал он ее. И собака осталась. Дошел до своей охотничьей избушки. Не проронив ни слова, лег спать.

Наутро отец спрашивает:

— Почему ты сегодня молчишь?

Не открывая рта, сын снова спать ложится. Отец опять допрашивает:

— Онемел ты или оглох?

Наконец сын сказал:

— Шел я по тайге. Потом вышел в поле. А там домов и людей, как деревьев в тайге, много-много!

— Из-за этого и твое сердце запрыгало?! — удивляется отец.

— Пусть идут они к нам. Будут пытаться силу своих рук!

А своим людям богатырь Сосьвы приказал нарубить толстых и высоких лиственниц. Рубят люди лиственницы и вокруг городища складывают, стену строят. Когда стена была готова — показались пришельцы из другой земли. Их много-много, как комаров летом. Подошли они к стене, прорубать ее стали. А навстречу к ним вышли люди Сосвинского богатыря.

И начался бой. Великий бой. Много дней и ночей люди сражались, меряли силу. Но никто не может пере-силить. Однажды сын Тагт-котиль-ойки выходит посмотреть на своих людей и видит, что люди устали. Заходит домой и говорит отцу:

— Отец, наши воины устали, теряют мощь свою.

— Пусть устают! — отвечает холодно Тагт-котиль-ойка. — Пусть пытаются силу рук и мощь ног!

А у степы люди борются. Неделю воюют, вторую...

Однажды сын опять выходит на улицу, видит, воины совсем изнемогают. Идет к отцу и возмущается:

— Что ты, отец, не поднимая головы, в постели валяешься? Неужели ты не можешь помочь уставшему твоему народу? Али руки твои потеряли силу, али ноги твои больше немощны?! Отчего ты так спокоен?!

— Позови всех домой! — приказал богатырь Сосьву.

Сказано — сделано. Все вошли в богатырский дом. А дом этот с виду маленький, а войдешь — все уместятся. Вот какой этот дом просторный!

Лежит на собольих шкурах богатырь, будто нежится. Лежит на собольих шкурах богатырь думу думает: «Если наша земля не имела леса — те, кто пришел с мечом, деревьями пусть станут! Если наша земля бедна была травой, — те, кто пришел с мечом, пусть травой станут!»

Потом велит он людям своим выйти на улицу, посмотреть: не вырос ли лес густой?!

Выходят воины на улицу, и правда: урманы густые стоят, от переспелого леса ломаются, травой высокой колышется земля. И говорит богатырь своему народу:

— Головы порубленных пришельцев бросайте через Сосьву. Лишь на одной стороне реки небольшой проход оставьте. Настанет светлая человеческая эра, когда лишь в сказках будет наш жестокий богатырский век, для человека нужен будет проезд, дорога нужна станет. Пусть по этому проезду проходят друзья с юга на север, с севера на юг!

Побросали люди головы порубленных врагов через Сосьву, и образовался железный забор, каменная ограда.

Настанет цовая эра, придет новый век, будут жить на земле не богатыри, а люди, эта железная ограда, эта каменная гора будет напоминать о нашем жестоком времени, когда друг друга боялись, ходили друг к другу с мечом...

А по этому ущелью между холмами пусть люди ходят друг к другу с севера на юг, с юга на север. Пусть говорят не мечом, а человеческим языком друг с другом объясняются.

И река Сосьва пусть не останавливается, пусть течет, как время.

МЕНКВ И БОГАТЫРЬ СОСЬВЫ

Великан Менкв по берегу Сосьвы шагает. Впереди виден городище Ялиус. Знает Менкв, что городище это новое. Поэтому так и называется. Несколько домиков всего там. И живет там отыр Тагт-котиль-ойка. Силой и могуществом славится этот богатырь. «Не зайти ли мне в это городище? — думает Менкв. — Не полакомиться ли свежей человечинной? Или пройти стороной?!»

А Тагт-котиль-ойка сидит у своего дома, стрелы точит. Вдруг видит: золотое солнце закрылось. На небе ни облачка, лазурь и синь брызжет. Посмотрел пристальнее: на южной стороне Сосьвы великан шагает, голова его неба касается, солнце собою затмевает.

«Ну, ладно! Иди, иди!» — говорит богатырь. Слышит или не слышит это великан, а идет к домам, прицеливая языком да приговаривая: «Вкусным дымком веет над Сосьвой, человеческим духом пахнет. Зайду-ка я в дома. У отыра много людишек. Кто-нибудь будет моим. Ох, как вкусно пахнет!»

Выбежал на улицу сын, смотрит, потом кричит:

— Отец! Не видишь, что ли: идет людоед. Съест ведь он нас!

— Пусть идет! Что ты так боишься?! — отвечает он. — Лучше принесите-ка мне мой богатырский лук, которым бью я зверей и птиц.

Три сына еле-еле втащили в дом богатырский лук. Следом двое втащили богатырскую стрелу. Приоткрыл дверь. Натянул лук. Железную стрелу прицелил в щель дверную. А как открылась дверь — полетела стрела. Полетела стрела — ветер засвистел, гром загредел.

Менкв упал. Свалился наземь, в Сосьву свалился. Только успел сказать: «Охыр, охыр, охыр, охыр!» Никто не знает смысл этих таинственных слов. И зачем он сказал — никто не знает. Только маиса этих мест знают, что прибрежная песчаная коса — это нога великана. Здесь его нога истлела, в песок превратилась. А острова

на Сосьве — это ножи Менква. Много было ножей у людоеда, много и островов. Глаза его превратились в таежные озера, а живот — в болото. Волосы его стали непроходимой таежной чащей, а пояс — возвышенностью, с которой сбегают таежные речки.

Сердце его стало лесным островом среди топкого болота. Лишь там остались Менквы. Они боятся людей. И люди их боятся. И потому лишь в сказках друг с другом встречаются, вспоминают былое богатырское время, да и спать ложатся. Вот и все!

КТО ЖИВЕТ В ВЕРХОВЬЯХ ОБИ!

Живут манси на Оби. Однажды думают: «Кто живет в верховье великой реки Оби? Какие там люди? Не съездить ли нам туда?»

Собрались люди, поехали. На лодках вверх по Оби поплыли. Долго ли плыли, коротко ли плыли, однажды видят: по сверкающей глади реки плывут плоты. На всю реку плоты. Такие большие и длинные.

«Кто их сделал? — думают они. — Наверно, великаны какие-то?»

Припасы кончились. Голодать стали.

— Хватит! — говорят. — Вернемся назад. Пусть двое едут, смотрят землю. Много ли им двоим пищи надо!

Сказано — сделано. Снарядили двоих — сами отправились обратно. Плывут два манси, смотрят землю, реку, небо. А плоты, как тучи, плывут и плывут. Кажется, еще больше становятся. Однажды слышат звон топора. Долго ли, коротко ли ехали — видят: мужик что-то рубит. Только мужик тот необыкновенный. Высокий и большой. Тело у него в шерсти, будто беличий мех на нем. Сам голый. Видно, от жары одежду скинул. Лишь у пояса тряпочка.

— У, какой великан! Может, это Менкв?! — говорит один. — Страшно даже смотреть! Не повернуть ли нам назад?

— Обь смотреть плыли, вести привезти ехали, — говорит другой, — и вернуться назад?! Что нам скажут люди? Кто с полдороги раз вернулся — тому никогда больше не увидеть счастливого пути!..

Подъехали к берегу. Один остался в лодке, другой пошел к великану.

— Пася¹, здравствуй, дедушка! — кланяется манси.

¹ П а с я — здравствуй.

— Здравствуй, здравствуй, внучек! Что это твой приятель не выходит с лодки? Вы меня уж не бойтесь! Хотя мой отец и Менки — злой лесной дух, но я люблю топор и труд, а не человеческое мясо. Не трогаю я людей.

Вышел из лодки и второй манси.

— Вы куда это путь держите? — спрашивает великан.

— Мы едем смотреть верховья Оби. Все манси хотят знать: кто живет в начале нашей великой северной реки, какими людьми облюбованы ее песчаные да лесистые берега.

— Здесь и дальше людей нет. Мы — Менквы хозяйничаем. Что это вы так долго ехали? За три дня до этого я уже почуял, что вы на лодочке плывете. Мы эту Обь в два шага перешагиваем... Вы уж дальше не ходите! Возвращайтесь к своему берегу и передайте: в верховье Оби злые лесные духи живут, людоеды хозяйничают, — говорит добрый великан, протягивая что-то большое пришельцам. — Берите, не стесняйтесь, ешьте! Это я кусочек мяса на обед брал...

— Ну и кусочек! — вздыхает манси. — До лодки не дотащишь, за неделю бедному человеку не съесть!

— Как это мы возвратимся назад? Для чего тогда нас послали? Может, пойдем в их деревню, посмотрим их дома, узнаем, как они живут? — задумывается второй.

— Внучата вы мои! Не послушаетесь — пожалесте! Уйдете — не возвратитесь: не отпустят они вас, убьют.

А человек хочет знать. Что за деревьями — хочет он знать! Что за рекою — хочет он знать! Что за горами — хочет он знать! Что в небесах — хочет он знать! Что под водою — хочет он знать! И манси поехали дальше.

Долго ли, коротко ли ехали — увидели деревню. Дома большие, выше деревьев стоят домища. Пристали. Зашли в дом. Из угла в угол великан ходит.

— Па! Па! — восклицает он, поглаживая бороду, похожую на веник. — Па! Па! Таежные птички прилетели.

Растопляет он каменную печь. Напевая песенку, поглядывает на пришельцев. Когда пламя разыгралось, он хватает одного из путешественников, переламывает ему спину — и в печь. Долго ли, коротко ли жарил — вытащил свою жертву из печи, очистил от копоти и, чавкая, жадно стал есть.

Второй манси был ни жив ни мертв. Своими живыми глазами он видел мертвый ужас, своими живыми ушами он слышал стон человека и звериный лязг зубов людоеда,

своей живой душой он пережил смерть товарища. И за одно это мгновенье он пережил семь смертей, и семь раз воскресал. Семь раз был в темном подземелье — могильном царстве страданий и ужаса — семь раз мысленно возвращался в родной мансийский край, где плещет жизнь и мир. И не одну думу передумал! И не одну истину успел понять!

А между тем людоед молвил:

— Сердце мое насытилось. Того завтра съем! — Свадился на нары. Захрапел.

А манси тем временем — к двери. А дверь большая, тяжелая. Толкает ее, толкает — никак не открыть. Наконец появилась щель. Еле выкарабкался из нее — и бежать к лодке.

Оттолкнулся от берега и по течению поплыл. Доплыл до доброго великана. Тот спрашивает:

— А где же твой приятель?

— Его убили! — отвечает манси.

— Я же говорил, какой ужас ждет, рискнувших узнать больше себя!

Этот манси добрался до дома. Он и рассказал, что в верховьях Оби нет людей. Там одни людоеды Менквы живут.

БОГИНЯ-ГЕРОИНЯ

В старину, сказывают, манси жили на юге. Под большим и теплым солнцем жили, под большой и светлой лунной встречались по вечерам. Но однажды пришли Менквы. Не с шелком и сукном пришли они, не с котлами чугуиными и не с бусами, а с кривыми саблями да острыми топорами. Всех перерезали. Не щадили ни детей, ни стариков.

Лишь одна девушка случайно ускользнула. Села в лодочку-калданочку и поплыла по течению. Догло ли, коротко ли плыла, доехала до реки, на которой мы живем. Сложила весло поперек лодки. С краешка весла прозрачными бусинками стекала вода. Бусинки воды, как слезы, капали, капали, капали.

Девушка снимает сияющие золотые серьги и опускает их в воду. И на воде золотыми серьгами круги крутятся. Когда опускала в воду серьги, уронила такие слова:

Богиня-героиня каменного города,

Богиня-героиня железного города,

Овей меня своей душой и силой!
А мою душу ты возьми себе.
Пусть она каменной станет!
Пусть врагу недоступной станет!

Склонила голову на весло. И во сне глубоком забылась. Проснувшись, увидела песчаный берег. Лодочка ее уже не на воде качается, а стоит на золотом песке. На песке нет кровавых следов. И тишина кругом, на всем свете тишина. И задумала она разбудить тишину смехом своим, смехом детей и внуков. И зажила она на этом таежном берегу. От нее и новый род пошел.

Потомки ее богиней-героиней назвали. До сих пор чтут. В честь нее по весне на золотом песке душистую чагу жгут...

ТРИ БОГАТЫРЯ

Живут три богатыря. Однажды к ним пожаловали три чужеземца. «Как бы нам поздороваться?!» — размышляют те и другие.

— Мы бросим мячик, — решают пришедшие. — Так и поздороваемся.

Бросают мячик. Богатыри с темповодной Сосьвы стоят, ждут. А мячик этот летит, как искра, даже зорким глазом не увидишь. Летит мячик, приближается. Чем ближе, тем тише летит. А когда подкатился к ним — совсем успокоился. У ног богатырей лег. Богатыри и говорят:

— Почему вы тогда с таким великим поровом рискнули отправиться в далекий путь, в столь далекую землю?

— Мы пришли здороваться! — говорят чужеземцы. — Нам только ясак нужен!

Бросили три богатыря им три мяча и сказали:

— Берите, но больше не ходите в чужую землю!

Схватили чужеземцы мячи и бежать.

Опять живут спокойно богатыри на своей земле. И народ здравствует. За черным и красным зверем охотятся люди. В домах — меха, на столе — рыба белая и красная. Хорошо живут, счастливые люди.

Завидно стало чужеземцам. Опять пошли на Сосьву.

— Неужели этих трех богатырей нам не осилить? — говорят они. — Неужели не завладеть нам этой рыбистой рекой, этими лесами, где соболи скачут черной метелью, белки с неба падают вместе со снегом?

И отправились они. А было их уже семь богатырей, семь чужеземцев шли на трех богатырей. Плыли они не в деревянной лодке, а в железной. Пристали на берег. Три богатыря Сосьвы вышли навстречу. Но не с пустыми руками: мечи семисуставные. Лунным светом сверкали. А грудь каждого защищена кольчугой да каменным кругом — панцирем. И не маленькими были в то богатырское время люди. В три печатных саженья высотой каждый из них. Вышли они навстречу и говорят:

— Ну, чужеземцы, прыгайте. Вот наше «здравствуй»!

Каменные панцири блестят на солнце и мечи горят.

Один из чужеземцев подпрыгнул к богатырю Сосьвы. Стукнулся о каменный панцирь, разломался пополам. Вторым попытался ближе к лицу северного богатыря пробиться. Подпрыгнул да угодил о семисуставный меч. Третий с дерева на голову богатырскую хотел прыгнуть. Да северный воин склонил голову, и чужеземец плюхнулся на землю.

Четвертый чужеземец не смог подняться выше своего роста. Остальные же идти далеко не могут. Будто ноги к земле прилипли. До того, видно, испугались.

Не стали богатыри на дрожащих поднимать мечей. Лишь слова вещи уронили:

— Если нет у вас мощи, если духом вы тощи, отчего вы тогда с таким гонором рискнули идти с мечом за семь рек, за семь лесов, за семь гор? Успокойтесь! Разве вам мало своей земли?!

И повернули они в свои городища. А городища не простые, а богатырские. Обнесены они земляным валом, частоколом острым, бревнами толстыми. Зверь не пролезет в них, и враг не пройдет. Идут в свои городища и между собой говорят:

— Нам Торум, создатель Вселенной, завещал жить. И никто не может нас победить!

И стали три богатыря княжить в трех концах своей земли. Один стал духом и силой рыбистой Лозьвы. Другой стал княжить на берегах темноводной и рыбистой Сосьвы. Третий же на Обь пошел.

Каждый из них новый городище построил. И каждый выбрал место не простое, а священное. И там, где не ступала нога ни женщины, ни мужчины, начал новую жизнь. И обратились они с такой молитвой:

— Наш Небесный отец! Земля, на которой мы приземлились, пусть будет священной! Пусть к вековым де-

ревьям не прикасаются люди, не ломают ветви и не мнут листву! На священной земле мы, богатыри, живем. Пусть нас звери не боятся, пусть враги боятся!.. Тайга, в которой мы хозяева, щедра. Пусть идут охотники в нашу тайгу. Их охотничьи пояса мы навешаем черными соболями, красными лисицами, черным зверем, красным зверем! И в городище с семью домами, в доме с семью перегородками будем жить дальше! А если опять придут на берега наших рек чужеземцы, пусть позовут нас люди! Мы встанем! Богатырские наши сердца будут с ними! Поверь в нас Торум, наш небесный отец!

Жили на земле богатыри. Жили на земле и простые люди: охотники и рыбаки. Не возвращались охотники с пустыми поясами, потому что тайга богатырями охранялась от чужеземцев. Зверя было много. Птицы было много. Не возвращались с пустыми лодками рыбаки с рыбалки, потому что реки тоже охранялись. Чистыми были реки, прозрачными озера. Священной, чистой и богатой была таежная земля.

ГРАБИТЕЛИ

Живет один мужик. У него есть дочь и сын. Живут-посеживают в чуме, сделанном из оленьих шкур. Однажды ночью дочь просыпается и слышит: земля будто качается. Выходит на улицу: нет ни ветра, ни вьюги. В задней стороне чума — непонятный шум. Всмотривается, видит: живые идолы, живые чучела копошатся между деревьями. Девушка бросилась в чум будить брата. А тот сквозь сон ругается:

— Ты что человека будишь среди ночи, не даешь поспать?

— Вставай скорей, брат! Какне-то чучела пришли. Наверно, люди черного хана! — говорит она.

Соскочил брат с постели, одел малицу и полетел стрелой из чума.

— Что за шум?! — возмущается отец. — После дальней дороги, после трудной охоты даже поспать спокойно не дадут!

— Люди черного хана, наверно, пришли. Чум наш скоро свалят!

Соскакивает отец с постели и тоже на улицу. А навстречу летит стрела с железным наконечником. Падает человек на землю. И чум в тот момент валится. Уроили его чучела черные люди.

«Кто они? — думает девушка. — У людей хана нет оленей. Это, наверно, ёрны. Они тоже иногда нападают на манси, грабят».

— Запрягай оленей! — приказывают черные люди. — С нами поедешь!

«Запрягать или не запрягать оленей: все равно один конец — смерть», — думает девушка.

Исполнила приказание. И аргиш — олений караван — тронулся в путь. В одном месте аргиш остановился. А ёрны — люди невысокого роста. Но коренасты они, как тундровые сосенки. Самый высокий из них и говорит:

— Поймайте трех оленей, заколите. Надо духам принести жертву. А то я чувю что-то пеладное. Недовольны наши духи за то, что убиваем и грабим таежных оленеводов! Закололи трех оленей. Пили ёрны кровь горячую. Вырубили деревянного идола. Его рот намазали кровью. И поехали дальше.

Долго ли, коротко ли ехали — остановились на ночлег. Ёрны тоже люди. Также спать хотят. Ночью девушка вышла на улицу.

— Сестрица, это ты? — слышит она.

Оглянулась вокруг: никого нет.

Посмотрела вверх. На вершине дерева сидит брат и шепчет ей:

— Топор мой, тынзян, лук и стрелы запрячь под костром.

Как сказал брат, так и поступила.

Легла спать. Утром опять в дорогу. Опять заскользили полозья нарт, олени застучали копытами. Оленеводы вечно кочуют, и дорога у них без конца и начала. А эти ёрны — не оленеводы. Разбойники эти ёрны. Потому у них дорога имеет свой печальный конец.

В одном месте остановились. Самый высокий ёрн, самый большой разбойник говорит:

— Боюсь я отомщения. Ведь брат этой девушки убежал. Не съездить ли в город, не купить ли нам вина да напоить наших духов? А то ведь нас они не защитят от брата этой девушки.

Съездили в город. Привезли вина. Устроили пир. В жертву духам принесли оленей. И говорят опьяневшие:

— Если бы был здесь убежавший братец — то выпили бы его живой глаз. Вкусный, наверно, у него глаз!..

А братец — тут как тут. Пустил стрелу железную. Она всех насквозь прошла. Видно, волшебной была стрела.

Видно, даже духам стало неловко за убийства и грабежи грабителей. И решили они помочь человеку спасти других людей.

Зашел брат в чум. В чуме сестра. Одна она живой осталась. Запрягли оленей, погнали стадо на старое место. И там снова зажили. Не стало больше грабителей и убийц.

Старая это сказка. Давно теперь на Севере нет такого. Только думаю: почему люди в старину друг друга убивали? Почему один старался нажиться на смерти другого? Почему об этом много сказок? Неужели люди были злее? А может, жизнь была такой жестокой?!

ВНУК

В городище, над которым бегут тучи, в крепости, над которой ветер режется, живет старик. Голова у него, как у медведя, косматая. Да только это не медведь, а человек, проживший на земле долго-долго. Внук есть у него. Мальчик. В соболином гнезде растет он, на мягких звериных шкурах режется. Растит старик своего внука, лелеет. Не сводит с него глаз.

Тепло и ласку дарит внуку и бабушка. Хотя голова у ней белая как снег, она не холодная и не сварливая. Зря говорят, что бабушки сварливые. Это неправда! Просто они не знают бабушек. Потому так и говорят.

Однажды дедушка и бабушка ушли куда-то. Мало ли дел на этой земле. Все что-нибудь да стрясется. Ушли куда-то бабушка с дедушкой. Внук один остался. И думает: «Не сходить ли мне на улицу? Что хоть там такое?!»

Вышел на улицу. Видит: играют дети, мяч пинают.

— Сможет ли он устоять от удара мяча?! — говорит один из них.

— Попробуем. Пнем-ка его!

И самый большой из них пинает большущий мяч, вырезанный из мягкой и тягучей чаги.

Летит мяч, как стрела. Прямо на внука летит. И отрывает он у малицы «соболье ухо». Нет, не подумайте, что голова мальчика соболия! Это просто к малице ушки соболя пришиты. И торчат они как ушки самого чуткого зверя. словно помогают эти ушки слушать и чувствовать все звуки мира, где так много опасностей.

Рассердился внук, схватил мячик и пнул его обратно.

Кому досталось по спине — тот надвое разломился, кого чуть задело — лежал как мертвый столько времени, что уху из мерзлой рыбы сварить да еще успеешь съесть. Вот какой был удар! Отцы и матери их кричат на всю тайгу, на весь мир:

— Если руки твои такие сильные, если ноги твои такие мощные, где ты был, когда победили отца?!

В болоте, за семью озерами, ястребинный ветер треплет волосы твоего отца, сушит его голову. Там и показал бы свою мощь!

Вернулись дедушка с бабушкой домой. Видят: внука нет. Ищут дома — нигде не находят. Вышла бабушка в сени. За широкими лыжами его нашла. Запрятался. Ввела внука домой. Целуют его, ласкают, приговаривая:

— Ты почему запрятался за широкими лыжами? Из-за собольего уха? Оторвалось оно — ну и что же! Другое пришьем!

Покушали, поели — легли спать. Не спится внуку. Думает он над словами, сказанными на улице, размышляет: «И правда: почему у меня нет отца и матери? У других ведь есть! Нет ли в мире где виновника? Отомщенье за отца. Отомщенье!»

На стене висели лук и стрелы. Взял он осторожно их и вышел на улицу. Долго ли, коротко шагал, видит: солнце опять собирается ложиться спать. Человек — сын солнца. Ему надо делать то же самое. «Где же спать?» — думает он. «Вернуться надо домой», — решает он.

Идет, идет и не находит свой дом. А солнце давно уже легло спать. Тянет ко сну тяжелому и человека. Прилег внук под деревом. Под великой лиственницей, выросшей в землю, выросшей в небо, прикорнул и уснул.

Проснувшись, увидел, что лег около своего родного дома. Удивился. С этим чувством открывает дверь. Дедушка с бабушкой, как всегда, дома. После дальней дороги еда вкусна, питье наслаждительно, а сон волшебен. А перед сном — всегда дума на завтрашний день. Человек большой жизни разве ляжет без думы о будущем, разве положит голову, где живут мечты, без думы на мягкую постель из мехов дорогих?!

А дума у нашего героя была такая: «Пораньше, чем вчера, встать, дальше, чем вчера, пройти!»

Долго ли, коротко ли шел, много ли, мало землю мерил ногами и глазами, только наконец увидел какой-то дом. Дверь с одной стороны толстыми бревнами обложе-

на. Стал он разбрасывать бревна, стал силу мерить. Разбросал он их, в дом вошел. В переднем углу, на священной стороне, старик Медведь сидит. Слюни у него текут. Вздохнет, выдохнет — слюни и до него долетают. Внук взобрался на полаты, рядом со стариком Медведем лег. А когда проснулся — удивился: рядом со своим дедушкой, оказывается, спал. На полатах и бабушка сидит.

На другое утро еще раньше встал.

Решил на лодке плыть. А манси всегда у речки живут. Даже в самой глухой тайге маленькие лесные речки есть. На берегах таких речек и люди селятся. А у каждого манси — лодка. И в старину это было, и сейчас так же.

Бежит на берег речки, отталкивает калданочку — легкую лодочку, сшитую без единого гвоздя из осиновых досок. Толкнет лодочку, чуть она от берега не оторвется, да дедушка тут как тут: хватает он лодку, на берег тащит. Когда дедушка сильнее — калданка на берег соскакивает, когда внук сильнее — дедушка по пояс в воде. Никто из них не может пересилить другого. Тогда дедушка молвил:

— Вижу, повзрослел ты. Сильным стал. Для большой дороги созрел! Только большую дорогу надо выбирать не воровским путем. Подожди до завтра — я тебе приготовлю лук и стрелы богатырские.

Наутро бабушка что-то в углу копошится. Вытаскивает из угла большое железное лукошко, высотой с внука. Из него вынимает кольчугу. Надевает на юношу — и она впору ему. Лук и стрелы подает. Дедушка вручает саблю острую и говорит:

— Теперь иди! Пусть с тобою будет Торум!

Пошел внук на берег таежной речки. На лодочку садится и плывет вниз по течению. К большой воде плывет, к большой земле едет.

Долго ли, коротко ли плыл — доехал до седьмого озера. Правда, вершина этого озера заросла травой, болотистой стала. На берегу озера семь лодок стоит. Покрыты они тонким сукном, сияющим шелком. Лодка его отца поновее других. Пристал на берег, пошел вверх по ручью. В одном месте видит: березка. Хотел сделать зарубку. Да только прикоснулся топором — кровь брызнула. Хотел отломить веточку, чтоб отогнать комаров, — тронул веточку, да за спиной слышит женский голос:

— Человек, пришедший издалека, в дом должен войти!

Сама пошла по тропинке. Внук последовал за ней. Пришли в дом. Усаживает она его за столик низенький и, как дорогому гостю, ставит перед ним чумик с озерной едой, обской рыбой. Хочет внук взять кусочек вкусной обской рыбы, дотронется до нее — кишат живые черви.

— Я такой еды сроду не едал! — говорит он.

Девушка принесла кусок оленьей спины, кусок оленьих ребер. А сама вышла на улицу.

Вдруг раздался страшный крик. Это Менквы кричали во весь голос. Вышел на улицу. Обнажил меч свой. А Менквы идут на него, свистят, кричат. Ни много, ни мало, а целых двести Менкв на него одного идут. Заработала сабля острая, стала ходить по головам косматым, как по траве. Всех он срубил, со всех голов снял шкуру и на пояс свой повесил. Сам пошел дальше.

Долго ли, коротко ли шагал, видит: триста Менкв идут. Заработала опять сабля его, заходила по головам людоедов. Долго ли, коротко ли боролся, все же победил их. Снял с их голов шкуры и на пояс широкий повесил.

Опять идет дальше. А навстречу идут уже семьсот Менкв, семьсот великанов. Не повернул назад внук, а решил сразиться с врагами не на жизнь, а на смерть. На одного замахнется — другой рядом, одному снимет голову — другой пытается его смять. Трудно внуку, не осилит ему столько великанов, столько врагов. И тогда он пытается силу слова. Говорит:

— Дедушка мой! Голова у тебя косматая, как у хозяина тайги — Медведя. Неужели в твоей бобровой башке нет какой-то мудрости, хитрой тайны неужели нет?!

Только успел сказать он это, как на его голову сел крылатый ястреб. (О, слово великую силу имеет! Порой оно сильнее сабли и любого другого оружия!)

И говорит внук ястребу:

— Слетай в небо, спроси у Торума, у нашего Небесного отца: какую смерть имеют эти Менквы, чем их победить?!

Когда вылетел ястреб, Менквы спрашивают:

— Какая это птичка вылетела с твоей головы?

— Это моя последняя душа улетела.

Обрадовались Менквы, что это последняя душа. Значит, силы у него на исходе. Значит, можно его и победить! А пока можно и присесть, отдохнуть.

— Все равно он наш! — говорят они, садясь на пни и поваленные деревья.

А между тем прилетел ястреб. На голову внука сел и шепнул тихо:

— У самого младшего из семисот Менкв на мизинце кусочек человеческого мяса. Найдешь его — счастье твое!

Сказал ястреб вещие слова и улетел восвояси. А те спрашивают:

— Что это опять вылетело с твоей головы?

— Последняя моя душа вылетела. Оказывается, еще одна была. На ней я, видно, и держался!

Менквы идут на внука, внук — на Менкв. Искал, искал зорким богатырским взглядом самого младшего Менква, наконец заметил. Стал к нему пробираться. Другие защищают его, загораживают. Но внук был до того юрким, что не только отбил, но и проскользнул сквозь них и острием сабли лишь по мизинцу провел.

И все замерло. Будто скошенные травы, упали Менквы, завяли. В один миг упали. В один миг завяли. А сколько людей съел, они, скольким принесли несчастье.

С ними внук поступил так же, как и с другими: снял с их голов шкуры и на пояс свой повесил. Пусть другие людоеды знают: то же самое будет и с ними, если они опять рискнут нападать на мирных людей.

И снова идет внук по земле. А земля великая, бескрайняя. Однажды устал. Думает: «Прилягу-ка я под высоким и толстым деревом и пусть умру».

Прилег. Богатырским сном уснул. Но не умер. Отоспался — проснулся. И опять думает: «Что же это я так долго спал? Для этого ли я на свет белый родился? Интересно: а что в мире? Неужели только одни людоеды?! Может, и добрые духи есть, добрые где-то живут, счастье знают?!»

Встал. Пошел. Долго ли, коротко ли шел, в одном месте видит: лабаз стоит. Лабаз — это «избушка на курьих ножках». Только у этой избушки не «курья ножка». А домик стоит на дереве. Туда никто не может взобраться. Охотники в лабазах хранят мясо, шкурки, птицу.

Увидел внук лабаз и смекнул, что где-то недалеко и жилище охотника должно быть, люди где-то живут. И правда: пошагал немного — к дому вышел. За домом висит лук. Снял он этот лук. Натягивает, натягивает его — никак не натянуть! А из дома доносится голос:

— Кто это там трогает мой лук, которым я стреляю уток, гусей, соболей? Кто там рассматривает его так любопытно? Если человек пришел — пусть домой заходит!

Вошел внук домой. А старик, не уронив ни слова, вышел на улицу. Из нар, покрытых звериными шкурами, вышла девушка. То была дочь старика. Из большого котла, что висит над огнем в чувале, она черпает горячую воду и наливает ее в деревянную лохань с семью ушками. Потом подходит к внуку, снимает его широкий богатырский пояс, кольчугу, саблю, лук, стрелы. Когда сняла она последнюю, нательную кольчугу, душа его замерла, жизнь угасла. Стал он мертв, как камень. Мыла она его горячей водой, долго мыла. Потом положила на мягкую постель, в соболиное гнездо свое уложила. Долго ли, коротко лежал — ожил, проснулся. Слышит нежный женский голос, какой никогда еще не слыхивал:

— Вставай, милый!

Надел он мягкое платье из горностаевых шкурок. Шапку из ворсистого меха выдры подала она ему. Одетый в легкие меха, одетый в мирную одежду, он вышел на улицу. А на улице веселое солнышко улыбалось, птицы шелкали, речка таежная пела таежную песню. К семи столетним лиственницам были привязаны семь белых оленей. И у этих священных лиственниц старик и внук принесли духам семь великих жертв ради мира на земле, счастья и любви.

Котлы с мясом душистым дымилась семь дней, семь ночей. Семь дней и ночей пир гремел на всю деревню, на весь город, на весь мир. Все были на том пиру. Все видели счастливую невесту и жениха.

Зим так семь зим, лет так семь лет живет внук со своей молодой женой. Однажды старик и спрашивает:

— Из какой земли ты, человек, из какой реки ты приехал? Может, душа твоя к земле родной тянется, может, ум твой в сторону родных вод думает? Если так — то езжайте!

Оленей в нарты запрягли. А сзади нарты привязали одного белоголового оленя. Посадили их в оленью кибитку. И старик сказал на прощанье:

— Пока не приедете в родную землю, в родные воды, не выглядывайте на улицу!

Долго ли, коротко ли ехали, однажды слышат они: треск и гром в лесу, будто сучья ломаются, деревья трещат. Не выдержал внук — выглянул на улицу из кибитки. И удивился: деревьев меньше, а оленей больше. Рогами, как ветвями, шевелят, рогами стучат, копытами стучат, земля поет. Так много оленей, так много богатств!

Утешил любопытство, оглянулся назад: и олень бело-головой, что привязан был сзади парты, сорвался и назад побежал. За ним и все стадо бесчисленное повернулось. Следом за стадом поехали и они. Долго ли, коротко ли ехали, перед их зоркими молодыми глазами показался город, над которым бежали тучи, показалась крепость, над которой ветер резвился. Приехали, в дом вошли. Бабушка и дедушка их целуют, обнимают, слезы льют, улыбаются от счастья. Нет больше рядом Менкв, врагов у крепости нет. Мир и счастье. Семь дней пир на весь город, семь лет пир на весь мир. И хотя над тайгою тучи ходят, но над дорогами, где проезжают или проходят внук и его добрый тесть, нет ни дождей, нет ни ветров. Они завоевали мир и счастье для себя и для людей!

ПАКВ-ПОСИ-ВОЙКАН-ОТЫР

В каменном городе во дворце из сияющего камня живет Пакв-поси-войкан-отыр. Имя его говорит о том, что он белый богатырь, белый как семя кедрового ореха. Живет в своем городе отыр. Есть у него брат, жена и маленький сын. С братом вдвоем делят власть, не ссорятся. А в городе том живет много народу, целых восемь тысяч. Много было манси в старину! В одном только городе было столько. А жена его была из другого рода, из рыбистой беловодной Оби он ее привез. Долго ли, коротко жили, жена стала проситься в свой город, в свои родные места. Почему она просится, плачет, убивается, муж не знает.

Раз просится — собрались в дорогу и поехали.

Когда стали подъезжать к городу, где жила когда-то жена, стал почему-то очень плакать ребенок. Не знал отыр, что жена клала ребенка на пеленки, где иглы острые воткнуты.

— Почему плачет сын мой? — спрашивает он ее.

— Потому плачет, — отвечает она, — что ты лег спать в кольчуге, в доспехах своих. Сними их. Тяжело тебе и нам!

Снял он доспехи. Уснул богатырским сном. А жена не спала. Она рукава кольчуги наглухо сшила, прошила и низ. Тетиву лука разрежала, стрелы прокусила зубами. А свою шелковую шаль, красную как кровь, на вершину дерева повесила.

Залаяла собака. То приехали в остров, где они оста-

новились на почлег, богатыри из ее города. Вышли они на берег. А собака, верная хозяину, стонет и лает, предупреждая об опасности.

Соскочил с постели богатырь, за кольчугу схватился. А она наглухо зашита. Никак ее не надеть! А стрелы на него уже летят. Как комары они жужжат. Схватился за лук тугой свой — тетива обрезана. Что делать? Только бежать да саблей защищаться. А стрелы летят и летят, как комары, жужжат они, жужжат.

Войска у него не было: в гости ехал. Люди, что были с ним, шесть дней защищались. Богатырь он был недюжинный — выдержал семь дней. Без кольчуги, без лука храбро сражался. Пал богатырь на седьмой день.

С головы его (богатырской) сняли кожу и на дерево повесили. А богатырь-победитель взял жену себе.

— Убьем ребенка! — говорит он.

— Нет! Он же маленький! Помнить ничего не будет! — отвечает она.

Так и стали жить в новом городе, среди новых людей.

Мальчик растет, набирает силы. На улице играют дети. Он выходит на улицу, тоже хочет играть. Дети пинают мяч. Они в него целятся. Мальчик хватается мяч, обратно в них пинает. В кого попадет, тот как мертвый лежит, долго не встает. И кричат люди одни громче другого:

— Разбойник растет! Если ты такой сильный, то почему отца твоего убили?

— Эх ты, разбойник из другого конца земли!

Идет мальчик домой, спрашивает мать:

— О чем говорят люди? Почему меня называют разбойником из другого конца земли? Неужели у меня отец не этот, а другой?

— Нет! Ты их не слушай. Это и есть твой отец. Они со злости говорят, от великой зависти дразнят тебя! Засомневался мальчик, сердиться стал. Кушать несут ему — не ест. Пить несут ему — отворачивается.

Вышел на улицу. По городу ходит, смотрит кругом, старается понять мир. Но разве один поймешь этот сложный мир? И эти сытые люди из богатых домов разве скажут правду?

Под сияющим городом, под высокой горой дым дымится. Пошел к дымку. А там, оказывается, землянка. Вот-вот провалится. Зашел в землянку. Старик со старухой живут. Старые-престарые. Спрашивает он их:

— Вы-то, наверно, знаете, кто я такой?

— Почему ты так странно спрашиваешь? — говорит старик.

— Меня дразнят мальчишки, что я из другой земли. И нет, мол, у меня отца. А мать говорит, что это неправда.

— Человек должен знать, кто он такой! Если ты задал этот вопрос, быть тебе богатырем. Твой отец был богатырем!

— Из какой земли он? И где моя родина?

— Твоя родина далеко отсюда. Очень далеко! По Оби надо ехать, потом по темноводной Сосьве плыть. Долго надо плыть. Пока узкой она не станет — надо плыть, плыть, плыть. И когда она в ручеек превратится — там и твоя родина. Там город каменный. Народу много...

— Дедушка, как я туда доберусь?

— Если у тебя сердце большое, если ты не боишься дальней дороги и испытаний, я тебе помогу. Приходи ко мне вечером.

Заря вечерняя зажглась. Люди спать ложатся. Мальчик пошел опять в землянку.

Дедушка дал ему лодочку. Да не простую, а железную. А еще дал ему и весло. Да не простое, а из чистого железа.

Поехал мальчик по Оби. На одном из сияющих плесов видит: плывет целый кайк. Кайк — это много лодок. И лодки эти не простые, а крытые берёстой с узорами. В каждой лодке — красивый берестяной домик. И дождь не берет людей, и от ветра и солнца защищены они. Плышет по Оби кайк. Большой кайк! Много лодок! Испугался мальчик. Пристал на берег. Запрятался.

А кайк большой и красивый! Мальчику страшно: вдруг опять враги. Они любят Обь. Рыба в ней очень уж нежная, а мясо утиное вкусное! Ловили бы рыбу и уток. Да нет! За людьми охотятся. Грабят. Время было богатырское, страшное время!

Кайк плывет! В передней лодке сидит старик. Он говорит подчиненным:

— Пристаньте-ка на берег. Я что-то заметил. Надо поискать его. Богатырь скажет — люди исполняют, войны богатырскому слову не прекословят. Сказано — сделано; пристали на берег.

— Вы кого нашли? — спрашивает старый отыр.

— Мы никого не нашли! Мальчик какой-то, — говорят люди.

— Ведите его сюда!

Испугался мальчик. Но не заплакал. Богатырское сердце в нем жило!

Подъехали они к кайку. Отыр говорит:

— Покажите-ка мне его. Какой он.

Вылез мальчик из лодки, к старому отыру подошел.

— Да ведь это же мой племянник! — воскликнул он. — Какой большой стал! А я ведь видел его только в пеленках! Где твой отец?! Я поехал на поиски.

— Я не помню, каким был мой отец. В городе, где я жил, дразнят меня. Говорят, что голова моего отца сушится на острове.

Поехали. Видят остров. На высокой лиственнице ветер треплет чьи-то волосы.

— Вот он, твой отец. Запомни и собери в сердце силы!

Подумал сын перед отцовской головой. Дал клятву ему и себе отомстить!

Настал вечер.

— В город поедем или здесь будем спать? — спрашивают люди.

— Будем спать здесь! — приказывает отыр. Натягивают люди пологи, жгут костры, готовят ужины. А старый богатырь на высокую лиственницу взобрался, красную шелковую шаль повесил. Божественная ночь наступила. Люди в пологи взобрались, спать легли.

Вдруг, собака. Завизжала, как будто кто-то ее ударил. На зверя так собаки не лают. Зверь лесной не страшен. Будь он медведем, рысью, волком. Собака боится человека. Женщина предаст мужа, мужчина — собаку. Лишь она хозяйка не предаст. Залаяла собака предупреждающим лаем. И люди проснулись. Пришедшие были в кольчуге. Не мирные люди. Стали они шарить по палаткам. Ищут мальчика и его дядю. Вот нашли они полог. Хотят открыть полог — да старый отыр молвил слово:

— Что вы это за бесстыдники, к старой женщине лезете, старуху тревожите! До чего дожили молодые! Как вам не стыдно!

О, слово даже самое простое великую силу имеет!

Стыдно стало им, или хотели показать, что они мужчины, отошли от полога, не стали ее рассматривать. А тем временем старый богатырь обнажил меч свой богатырский и полетели головы. Всех врагов своих скошил старый отыр.

— Ну, теперь езжайте в город! — говорит он своим.
Приехали в город. А богатыря там уже нет. Богатыря нет — люди мирные не станут братья за мечи: мирно признали власть старого отыра из рода Пакв-поси-вой-кан-отыр. Да только он не пожелал остаться. На свою родину поехал. А головой города стали старик и старуха, которые жили в дымной землянке под горой. Ведь они помогли мальчику найти себя, вернуть доброе имя отца.
Он давно уже взрослый и знаменитый богатырь в своем городе из сияющего камня. А город его в верховьях Сосьвы хрустальными горами высится. В старину манси звали его просто — Нёр. Теперь Уральскими горами зовут. Богатый это был город. Медный да хрустальный. И сейчас он не беднее. Приезжайте, полюбуитесь, как сияет этот город в лучах вечернего мансийского солнца. Утром его не старайтесь смотреть — не увидите: манси народ старый, манси народ древний. Вечером посмотрите на Урал — вы увидите город, сверкающий хрусталами, сияющий медью. Манси народ вечерний! Вечером на него и смотрите. Вечером все поймете!

ТАЕЖНИК В РОСКОШНОМ ДВОРЦЕ

В глухом уголке тайги живет юноша. Нет у него даже духов, не только родственников. Как вырос — сам не знает. Откуда он — сам не знает.

«Не сходить ли куда-нибудь? Не посмотреть ли мир мне?» — думает он однажды.

Лег спать. Утром вышел на улицу. А на улице была у него конюшня. Там кони ржали. Поймал он самого лучшего коня и стал его бить, и стал его учить ходить задом наперед. Скакать учил коня, летать учил. Не выдержал конь испытаний, упал, сдох.

На другой день мужик повторил то же самое. Конь не смог полететь. Сдох. Лишь на третий день конь поднялся в воздух и полетел. Среди парящих облаков летит конь, среди бегущих туч мчится и несет юношу в новые края.

Долго ли, коротко ли летел, наконец вдали засверкал огнями город. Спустился на землю. Коня привязал к серебряному столбу, который стоял у входа в дом.

Вошел в дом, будто провалился куда-то: такой он огромный! Целый дворец. Посреди дома на сверкающем полу сидит девушка вся в красном шелку. Поздоровались они, поприветствовали друг друга.

— О, человек другого конца земли, как ты сюда попал?! — воскликнула она.

Потом опять занялась своими делами. А дело у нее не простое: сидит она, читает какие-то бумаги с узорами. Почитает немного — отложит в сторону, за другой лист берется. Однажды она говорит:

— Скоро сын мой возвратится. Настало время. Солнце за деревья уже зацепилось, вот-вот уйдет спать.

Смотрит юноша на улицу и видит: среди облаков стало что-то сверкать. Присмотрелся лучше: то конские копыта. А между тем женщины не стало. Не заметил человек, как она исчезла: то ли в землю провалилась, то ли в небо взлетела.

А на улице уже ржал конь прилетевшего. Он отвязал с серебряного столба и его коня и повел их обонх поить. Потом, снова привязав их к серебряному столбу, незнакомец вошел в дом. Поздоровались они, поприветствовали друг друга. И незнакомец удивляется вслух:

— Человек с другого угла земли, где нет женщин и богинь, как ты смог приехать к нам?!

— Растущий человек! Разве я не могу побывать и в других землях, поплавать в других водах?!

Хозяин дома с одного кармана вытаскивает табакерку с терпким табаком, угощает гостя. А с другого кармана вытаскивает бутылку вина. А на столе уже дымит мясная еда, улыбается медовая. Раз прозвенели рюмки хрусталем, второй раз прозвенели, и юноша с таежника земли говорит хозяину:

— Ты меня много не пей. Опьянею.

— Если быстро пьянеешь — много не пей! Человек сам хозяин своего живота.

Опьянел человек. Уложили его спать в мягкую постель. Когда проснулся — слышит, дом ходуном ходит: видно людей много. И давно день золотой настал. И опять они сидят за столом с медовой и золотой едой.

— Вот это богатство, вот это роскошь! — восклицает таежник.

— Если ты хочешь смотреть богатую жизнь — смотри сегодня, наслаждайся. А я пойду по делам, — говорит хозяин.

Отдал он таежнику шесть ключей, сам подпоясался широким поясом, сотканым из цветных нитей шерсти, и вышел на улицу.

Открывает таежник ключом дверь одной комнаты,

смотрит не насмотрится. Драгоценные камни ослепляют глаза его, собольи шкурки, висящие на стене, мягким мехом гладят глаза его, шелка цветные зажигают в глазах его новую, непонятную еще страсть богатства. В одной комнате посмотрит, в другую идет, а там еще роскошнее. В одном из дверей замок оказался не простым, а золотым. И не один из его ключей не подошел. Вернулся обратно. Долго ли, коротко шел — пришел в комнату, где его оставил хозяин.

Смотрит из окна, видит: солнце село за деревья, а среди облаков уже сверкают копыта коня. Хозяин скачет домой, среди облаков летит. Прилетел. Открывает дверь, здоровается. Опять угощает его табаком, вином заморским угощает.

А юноша удивляется богатству, благодарит за гостеприимство. И говорит, что только одну комнату не удалось ему посмотреть. Хозяин молчит, будто не слышит.

Наутро опять сидят они за столом. И таежник опять говорит, что одну комнату не посмотрел он. А как бы хотелось взглянуть! Хозяин молчит, будто немой. Но когда уходить стал, протянул таежнику золотой ключик.

— Смотри, не обожгись! — сказал он, подавая его. И ушел.

Затаив дыхание, открывает юноша дверь, что закрыта была золотым замком. Открывает он дверь, и будто небо затмилось, и земля затмилась, и глаза затмились: так ярко пылал шелк, так сверкало серебро и золото.

А посреди комнаты ярко-розовой сидела девушка. В платье из розового шелка. Таежник присел рядом с ней. Долго ли, коротко ли сидели они безмолвно, однажды она произнесла:

— Скоро брат мой приедет. Настала пора!..

Таежник направился к двери. Она опять говорит:

— Завтра вы вместе ежайте. Один не оставайся!

Приехал хозяин, угощает гостя медовой едой, золотой едой.

— Завтра я опять поеду, а ты отдыхай, смотри нашу жизнь, — говорит за питье и едой хозяин.

— Нет! Я завтра поеду с тобой! — говорит таежник.

— Как хочешь!

Подпоясались они, оделись, сели на коней и облака белесые клубились под копытами, да ветер, отставая, выл. Долго ли, коротко ли летели, в одном месте видит: народу много, как комаров в тайге.

— Ты побудь здесь, не ходи дальше! — говорит хозяин.

Сам помчался вперед. И видит таежник, как врезался он в гущу воинов, и, как траву, он стал их косить.

«А я-то что здесь дремлю? — подумал про себя таежник. — Не помчаться ли и мне в бой?»

Ударил плетью коня, а он не тронулся, а по грудь в землю увяз. Второй раз замахнулся плетью — конь еще увяз, третий раз прожужжала плеть — по уши в земле остался конь.

— Что за конь! Неужели смерть к тебе пришла! — выругался юноша и взмахнул плетью еще сильнее. И тут конь подпрыгнул немного. Второй раз стукнул — еще выше поднялся. А на третий раз разлетелись только комья, и взвился конь в воздух.

Долго ли, коротко ли летел таежник, наконец достиг места боя. Раз взмахнет саблей — и валятся враги, как травы от косы. Второй раз взмахнет, в третий раз — и целое поле мертвых, как целый луг скошенной травы.

А хозяин тоже на поле лежит. Чей-то острый меч рубил его надвое.

«Неужели смерть так сильна и ничего невозможно сделать для доброго человека?!» — думает таежник.

Над полем летает черный ворон. И говорит юноша ворону.

— Принеси-ка ты мне семь капель живой воды!

Долго ли, коротко ли не было ворона — наконец появился. Принес семь капель живой воды. Стал таежник мыть своего друга, мазать его стал. Мыл его мыл, мазал его мазал — и друг стал оживать. Приподнял он его, посадил. И говорит щедрый хозяин богатого дома:

— С мягкого соболиного гнезда, в который уложили меня люди, почему ты меня разбудил?

Ничего не мог ответить таежник. Молча он сел на коня. Его примеру и хозяин щедрого дома последовал.

Прискакали во дворец. Таежник первым вошел в сияющий зал. Там взад-вперед расхаживала женщина. Она молвила:

— Счастливым же ты оказался! Жизнь своей души ты спас. Если бы его не оживил — шея твоя была бы травинкой тонкой!..

Напив и накормив коней, вошел в дом и хозяин.

Из одного кармана вытаскивает табакерку с терпким табаком и юноше протягивает, просит угощаться. Из другого кармана — бутылку дорогого вина...

И пируют они, и веселятся. И хозяин сияющего дворца однажды говорит:

— Вы молодые люди, растущие люди. Созрело время — пора вам сойтись! Поезжайте-ка вы в край таежный! Своим весельем и улыбкой оживите глухие леса и тихие реки...

Собрались молодые в дорогу. И с тех пор в тайге опять люди живут. Дети рождаются, как и всюду. Растут и радуются солнцу, снегу и весне...

АНЬВОЛТУП

Живет мужик. Зовут его Аньволтуп. Почему его так зовут — никто не знает. Слово «аньт» — рог. Волтуп — точило. Может быть, он точил рога? А может, кому-то рога отрезал? Кто его знает! Давно это было. Только сказка о нем такая.

Богато жил Аньволтуп. Охотился, рыбачил. И стол у него был богатый: золотая еда, медовое питье!

Узнал про то Менкв. И говорит старшему из семи сыновей:

— Иди к Аньволтупу. У него богатый край. А нас много, не хватает нам пищи. Иди к Аньволтупу, посиди за его столом! Покушай вдоволь, полей!

Пошел Менкв в Аньволтупу. Подошел к деревьям, а заходить боится. Кто с недобрый сердцем идет — всегда дрожит!

— Что за существо скрипит у дверей? — возмущается Аньволтуп. — Почему он не заходит в дом? Кто к дверям подошел — должен в дом войти!

— Аньволтуп дома? — спрашивает сын Менква. Будто не знает! — Отец мой в гости тебя зовет!

— Раз зовет — пойдем! Ходить в гости — хорошо! Только у меня в лесу осталась моя золотая чаша, — говорит Аньволтуп. — Сходим сначала за ней.

Пошли. Долго ли, коротко ли шли, оказались у опушки леса, где лиственницы высокие стоят. Схватил Аньволтуп вершину самой высокой лиственницы, пригнул ее к земле. Потом схватил Менква, проткнул ему горло острой вершиной и отпустил лиственницу со словами:

— Твое весеннее, твоё осеннее мясо путь здесь сохнет. На этой вершине и ищи себе богатый стол!

Сам повернул к себе домой. Сел за стол с медовой едой, с золотыми чашами. Покушал, попил, спать лег.

Менкв второго сына посылает, наказывает ему:

— Аньтволтуп в богатом краю. И стол его с золотой едой, медовым питьем никогда не пустеет. Если одному не удалось завладеть — второй пусть идет. Богатый стол и нам нужен!

Пошел второй сын. С ним Аньтволтуп поступил так же, как с первым.

Менкв посылает третьего сына, задумываясь:

— А может, там столько яств и питья, что им двоим не справиться? Иди, помоги им!

На вершине лиственницы нашел «богатый» стол и третий Менкв. На вершину лиственницы вздернул он и седьмого брата, рискнувшего полакомиться за чужим столом.

Сам зашел домой, сел за стол свой и стал кушать.

Вдруг дом, в котором жил он, заговорил человеческим голосом:

— Ты что-нибудь знаешь? Ты что-нибудь чуешь?

— Что я могу чують?!

— Там, где я стою, жить ты не можешь. Слишком богатый край! Я на другое место перекочую, на другом месте пусть будет твой дом.

— Как хочешь! Переезжай!

— Тогда можешь не можешь — сиди дома!

Тронулся дом со своего места, куда-то покотился. Долго ли, коротко катился, долго ли, коротко трясло Аньтволтуна, наконец дом остановился. Садится снова за стол, кушает, пьет. Между тем, дом говорит:

— Ты что-нибудь понимаешь? Ты о чем-нибудь догадываешься?

— Что я понимаю? Ни о чем не догадываюсь! Знать — ты знаешь!

— Выходи на улицу. На улице расчисти площадку. Посреди площадки поставь столб. Ко времени захода солнца выходи на улицу снова и ставай к столбу!

Как сказал родной дом — так и сделал.

Зашел домой, в ожидании вечера лег на постель свою соболиную, звериную. Думы не думает — силы копит.

Между тем, дом опять говорит:

— Настала пора твоего испытания. Выходи на улицу: У столба ставай!

Вышел Аньтволтуп, у столба встал.

Вдруг слышит: идет кто-то, со свистом летит.

Долго ли, коротко ли шел, долго ли, коротко ли свистел, наконец остановился. И говорит:

— Аньтволтуп здесь?

— Здесь.

— Ну тогда держись! Крепче стой!

Зажужжала, загремела тетива лука. Аньтволтуп в то мгновенье отодвинулся в сторону, и стрела впиалась в столб.

А неведомый враг спрашивает:

— Что? Поломало тебя?

— Поломало! Только теперь ты крепче держись, крепче стой!

Натянул лук свой, отпустил тетиву, стрела запела. А там, где враг стоял, — что-то рассыпалось, свалилось грузное.

Стрела угодила в цель. Лишь сказал пришелец:

— Э-их-я! Ты меня убил!

Зашел домой. Сел за стол. Дом родной опять заговорил человеческим голосом:

— Рано тебе пировать. Богатый стол даром не дается, желающих много! Достоин ли ты края своего, дома родного?! Тебя ждут испытания! Когда будет гаснуть вечерняя заря — к тебе придет второй.

Все случилось так же, как в первый раз. Сделал то же самое. Так же как первого сразил стрелой. И в полночь пришлось держать ему испытание. Во вторую половину полночи он уложил четвертого. Потом пятого. Стрела шестого лишь царапнула плечо. Ну, а стрела Аньтволтупа угодила в цель. Устал Аньтволтуп. Смертельно устал. За одну ночь столько испытаний!

Заходит домой, за стол садится. Дом и говорит опять:

— Рано пировать, праздновать тебе рано. Ты за богатым столом сидишь, живешь в краю богатом. Есть у тебя еще один враг. Когда заря утренняя разгораться будет — он придет к тебе мерить силу, власть делить. Если душа твоя устоит — уцелеешь! Если нет — конец тебе!

Лежит Аньтволтуп в соболиной постели. Лежит — не спит, думу думает: «Откуда берутся у него враги? Зачем им его дом, его стол? Неужели бедны так другие края? Может, они просто жадны, коварны и злы? Надо выстоять против зла! Как ни трудно, как ни тянет ко сну — надо выстоять!»

Зажглась заря. Вышел на улицу Аньтволтуп. Встал к столбу и ждет. А лес уже трещит: кто-то большой идет!

Долго ли, коротко шел, наконец успокоился. И говорит женский голос:

— Ты здесь, Аньтволтуп?

— Здесь.

— Ты семь братьев убил. Шесть моих сестер стрелой пронзил. Я одна осталась. С тобой бороться хочу. Или твое тело выживет и душа твоя останется. Или мое тело выживет — и род мой продолжится. Ну, стой крепче!

Пропела стрела. У плеча прожужжала. Задело тело, душу оставила в покое. Больновато было. Но, душа-то жива!

Пришла очередь Аньтволтупу стрелять.

Натянул лук тугой, запела стрела, и в то же мгновение что-то рассыпалось, свалилось. Лишь услышал он:

— Ты убил меня, героиню-богатыршу из рода Великанов! Жизнь моих семи братьев, их долгий век, тебе достались! Долгий век моих сестер, жизнь моих сестер и братьев ты продолжишь, ты проживешь! Теперь я пошла: мы зря рискнули на чужой богатый стол!

Зашел домой Аньтволтуп, за стол сел. Кушает, пьет. А стол и говорит:

— Не дрогнул ты перед великанами. Хорошо! На чужбине не забыл о крае своем. Душу свою сохранил, и вещей дом твой поверил в твою силу. Теперь ты имеешь право жить и в своем краю. Черные звери твои по тебе соскучились, рассыпают для тебя следы на снегу. Белые рыбы твои по тебе соскучились, плещутся на плесах, прыгают на перекатах. Можешь не можешь — сиди в доме, сейчас покатимся.

Долго ли, коротко ли катились, долго ли, коротко ли трясло его, наконец дом успокоился. Вышел Аньтволтуп на улицу и видит: на берегу той же таежной речки стоит дом, рядом с тем же дремучим урманом стоит дом его. Глухарь на деревьях сидят, как непуганые старухи, лоси на опушке стоят, как лестницы блестящие, медведи на поляне валяются, как серебряные дубины, соболи на ветвях кедра сидят, как девушки прихорашиваются, рыбы на плесе прыгают, птицы на опушке поют.

«Не напрасно защищал этот край! Не напрасно вынес семь испытаний за одну почку!» — подумал Аньтволтуп. И зажил он на этой земле дальше. И до сих пор счастливо живет!

люди и духи

МУЖЧИНА С БЕРЕСТЯНЫМ КУЗОВОМ

В игровой дом входит мужчина с берестяным кузовом, напевая:

Кузов мой берестяной
С крылатыми узорами!
Кузов мой, полный сказками,
Кузов мой, полный песнями,
Я несу тебя к людям!
Если начну я свою песню
В начале таяния снегов —
То до последней льдинки буду петь.
Лед растает, улыбнется река —
Лишь песня моя не тает,
Из кузова все выползает и выползает,
Как чудо из чудес.
Может, кузов мой железный?
Может, кузов мой бездонный?

И откуда столько сказок
В моем кузове простом?!

— Ха-ха-ха! — смеется кто-то.

— Хи-хи-хи! — ему вторит кто-то писклявым женским голосом. — Какие песни в кузове? Разве нынче время сказок? Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Ненормальный мужичишко!.. Лучше скажи, что у тебя в штанах!

СБОР ЯСАКА

В игровой дом входят четверо. Трое из них обходят всех, требуют что-то. Люди подают им что-то, подолы их полиются. А четвертый следом идет. В руках у него чарка с огненной водой. Кто подаст — того угощает.

— Что это за номер? — спрашивают молодые.

— О, эта старая жизнь! Ясак когда-то так собирали.

Всех обошли сборщики ясака. Один только остался. Точильщик стрел не обращает на них внимания. Они просят ясак с него, а он молчит, будто и не слышит. Головы даже не поднимает, не взглянет даже. Продолжает точить стрелу.

Но сборщики ясака не унимаются.

— Давай пот! Свою долю давай! — требуют они еще настойчивей.

— Что за пут тебе надо? Мой пустой котел? Вон он висит. Бери! — заговорил точильщик стрел, нарочно путая слово «пот», что означает «ясак», со случайно совпавшим словом «пут» — котел.

— Не нужен котел твой. Пот, ясак нам нужен!

— Какой пут? Что вы привязались? — огрызается точильщик стрел.

Рассердились сборщики ясака такой неслыханной дерзости, схватили точильщика стрел и давай хлестать кнутом.

Долго ли, коротко ли бьют его, наконец он простонал:

— Отпустите меня. Что-то я вам покажу!

Отпускают его. Из-за пазухи он вытаскивает шкурку черного таежного зверя.

— Вот вам мой пот, вот мой ясак! — говорит он, потом начинает петь:

Рума! Хвостом росомашным висит борода твоя.
Дружочек! Хвостом лисичьим красуется борода твоя,
Чего же ты тем, кто клал в подол
твой широкий простые стружки,

поднесла пьянившую поду,
и тому, кто дал тебе
золотую шкуру лесного зверя,
пренесет розги, кнут, жестокий?!
Или сквозь бороду лисичью
простые стружки, которым люди
моют, тебе показались мехом,
и настоящий мех стружками?!
Эх, жизнь! Разве поймешь,
где золото, а где стружки?!

Все пляшут танец сбора ясака. Страницы горькой древности оживают, слезу грусти и боли в светлых душах вытирают. Была жизнь и такой... Вправду это было, а не в сказке.

СОРП ТУЛЫГЛАП

В избе, которая находится рядом с игровым домом, наряжаются тулыглахтын махум — выступающие, артисты. Каждый одевается в свой костюм, вживается в «роль», которую ему придется играть перед всеми в большом доме. Старик наставник советует, учит, напоминает, как вести себя, как «играть жизнь».

Все как в настоящем театре. Только он особый.

Все готовятся к очередному номеру.

Мужчина становится на четвереньки. К спине его привязывают палку. Сверху накрывают пологом. К переднему концу палки приделывают «оленье лицо», привязывают уши. И таежный артист на четвереньках оленем идет в игровой дом.

Увидев его, все кричат, кто с испугом, кто с восторгом.

А он спокойно разваливается посреди пола, лежит.

Немного погодя входят трое мужчин. Спрашивают:

— В этой земле есть зверь и птица?!

— Как же нет!

— Мы ведь охотники! Зверь нам нужен!

Идут, как пляшут, пляшут, как идут.

— Вот следы оленя, — говорят они.

Опять пляшут, будто идут, опять идут, будто пляшут.

— Посвежее стал след. Вчера вечером, видно, прошел олень.

Хорошо!

По следу оленя идут, как пляшут, пляшут, как идут.

По следу оленюму веселье не гаснет, по следу жизнь играет, и кто-то от счастья восклицает:

— Ха-тэ! Ха-тэ! Жизнь твоя, молодой олень, будет короткой! Ха-тэ! Ха-тэ! Жизнь моя, молодой олень, будет сытой!

— Тише, не кричи! Тише, помолчи! — успокаивает один из них, который постарше и опытней. А то спугнешь добычу. Неосторожное слово — бич.

— След стал мягче. Недавно, видно, прошел.

— Ха-тэ! Ха-тэ! — восклицает самый молодой. — Олень скоро будет наш!..

Услыхала это олениха и в сторону помчалась.

— Эх, молодость! Шумит раньше времени. Вот и спугнул.

Охотники опять идут, как пляшут, пляшут, как идут.

А виновник, младший брат их, не отстает, гонится за ними, приговаривая:

— Не отстану. Свалят оленя — и я их догоню. Полакомиться сивым мясом — успею!

А охотники подкрадываются к оленю. Танец охотничьей осторожности пляшут.

А младший братец тут как тут. Опять спугнул оленя. Братья опять в ярости. Танец недовольства и возмущения отплясывают.

Между тем, захотели они кушать. Рубят перекладину для котла, приговаривают:

— Сос, хус, сос, хус!

Трещит костер, играет, пляшет пламя.

Молодой охотник, младший их братец, кашу месит, припеваает:

Пон, пус! пон, пус!
Культэрман, культэрман!¹
Братья мои, послушайте!
Каша наша шипит:
Значит, истину знает,
Каша наша шипит,
Об удаче говорит.
Завтра олень будет наш!

Братья ругаются, бранятся:

— Хвастливый куль в тебе сидит, — говорят они. — Он нам несчастья приносит.

Настало утро. Опять встали они на нелегкую охотничью тропу. Младший брат сзади идет, опять напевает:

Я стругаю копьё,
Острое, острое.
Убьют братья оленя,

¹ Пон, пус! Культэрман! — восклицания, непереводаемые.

И мясо жирное, парное
На копье насажу...

«Не наказать ли нам его? — думают братья. — Ведь с ним, с таким болтуном, ничего не убьешь!»

Вернулись назад, подошли к нему, спрашивают:

— Что у тебя в руках?

— Ничего у меня нет!

А сам за спину что-то прячет.

Схватили они его — и бить.

Он кричит на весь лес, на всю тайгу, на все небо.

Олень — бежать. Разве с шумом возьмешь зверя?!

Толкнули они его. Упал брат. Самы пошли дальше. Но не стал долго лежать, а по следу поплелся.

Однажды говорит:

— Что-то жарко стало!

Снимает штаны. (Не снимает, а делает вид. Но все зрители понимают эту условность.) Идет дальше, потом возвращается, ежась от холода. Надевает штаны, снова идет по следу братьев. А те, между тем, настигают оленя. И пока он возился со штанами, охотники стреляют. Первую, железную стрелу стреляют в бревно. Второй, деревянной, попадают в оленя. Олень падает. Люди кричат. Кто от радости, кто от жалости.

— Ну, братец, смотри, куда попала первая, железная стрела?! — говорят люди. — Если в середину бревна попала стрела — то еще будет олень, удача не покинет охотников. Если же между бревен угодила стрела — удачи больше не жди.

Смотрит братец на бревна, и потом все танцуют танец прощания охотников.

Вот она какова, охотничья жизнь, оживающая в игровом доме на большом Медвежьем игрище.

ВИТХОН

В дом, полный людьми, входит Витхон. Это водяной царь, хозяин рек и озер, хозяин всех рыб и водяных животных. Вы такого царя не знали? Наверно, потому, что у вас мало рек, воды рыбистой мало. А манси любят воду, рыбу любят. И живут они по берегам великих рек Оби, Сосьвы, Пелыма, Тавды, Конды.

А рыбы! Осетр, нельма, муксун, щекур, сосьвинская селедка, таймень, язь... Как среди таких рыб не завестись царю?! Как не пригласить водяного царя и на Мед-

вежий праздник?! Пригласили его. И вот Витхон в дом входит, ложится посреди пола. А толстенный: будто семь одежд на нем! Вокруг него ходит Кастан-хум, певец. В руках у него вьется шелковая ткань. Ходит певец вокруг Витхона, будит его, поет:

Я царь; с водяными косами,
Еле-еле нашел дверь твоего дома!
Не всякий пройдет к тебе!
Вокруг твоего дома сидят семь Виткасы.
Эти чудища, с мышистыми спинами,
Зарывшись в землю, охраняют тебя.
Проснись, царь!
Посмотри: как сыновья и дочери твои
Бедны и голодны!
Если хочешь нам добра — проснись!

Семь раз певец кружится вокруг водяного царя, семь раз шелковая ткань над головою водяного вьется, и он наконец просыпается, садится. Сидит он на полу. В руках у него палка и нож острый. Нож заработал. Щепки летят. Витхон строгает волшебную стрелу. А певец поет:

Ты сел строгать волшебную стрелу.
Щепки летят. Пусть их будет много!
Большие щепки — большими рыбами пусть поплывут!
Маленькие щепки — маленькими плавниками
Пусть шевелят, маленькими рыбками пусть расплываются!

Потом певец подходит к музыканту и говорит ему:
— Многострунный свой журавль настрой! Струны-жилы натянн так, чтоб они заворожили водяного царя. И под волшебную музыку пусть стружки превращаются в золотую и серебряную рыбу!

И звенит журавль всеми своими жилами, завораживает людей он и водяного царя завораживает. А певец между тем поет Витхону:

Большие стружки — пусть шевелят
большими бахромистыми плавниками,
осетрами, ильмами пусть расплываются!
Малые стружки — пусть шевелят маленькими
бахромистыми плавниками,
язями да сырками пусть расплываются!
Шевелись, Витхон, а не спи!
Пляши, Витхон, перед народом,
а не прячься за золотыми дверями,
которые охраняют чудовища — Виткасы!

Витхон встает, пускается в веселый пляс...

Рыбак ездил на рыбалку. Лодка его от серебряного трепета рыб сияет. Столько поймал! Едет — смотрит. В одном месте видит чудо: в спокойной заводи сидит девушка. Расчесывает золотые волосы свои. Увидела мужчину, нырнула в воду. Лишь волосы ее в воде колышутся. Да гребень плавает. Поймал мужчина гребень, положил его на корму и дальше поехал. Однажды оглянулся назад: на корме сидит девушка удивительной красоты. Сама Вит-хон-аги — дочь водяного царя — посетила человека. Сама водяная царевна захотела плыть с человеком в одной лодке, в одну жизнь.

Счастливым рыбак плывет дальше. Приехали в деревню. Водяная Миснэ легче ветра соскочила на берег, в дом вошла, поклонилась.

У рыбака была жена. Она сварила уху. И все втроем наслаждались душистой ухой... Богата Водяная Миснэ, щедра и ласкова.

Долго ли, коротко ли жили, родился у Водяной Миснэ сын.

Однажды рыбак ушел на промысел. Водяная Миснэ сварила уху. Но жена, которая была из человеческого рода, спрятала котел с вкусной ухой. Видно, она слабой была. В ее душе выросла черная зависть, серая ревность.

Ищет Водяная Миснэ котел, ищет и не находит. Долго ли, коротко искала — нашла. Перевернула котел вверх дном и такие слова уронила:

— Если ты не умела жить в доме, где не уплывала со стола ни красная, ни белая рыба, где мехом пушистых зверей серебрятся стены, то оставайся в пустом.

И они с сыном ушли.

Пришел мужчина домой — нет Водяной Миснэ. С тех пор покинули его силы. До того дошел, что ничего добыть не может. Не появлялось больше на столе ни белой, ни красной рыбы. Истдели меха. Вот какая у женщины сила!..

МИСНЭ И ВОДЯНАЯ ЦАРЕВНА

В самом дремучем уголке леса, среди самых высоких лиственниц и кедров живет Миснэ. Тайга на севере большая. Дремучих уголков в ней много. Много и Миснэ. В одном из таких уголков леса жила молоденькая

Миснэ. Еще не успеет и выглянуть золотое солнышко, а она уже сидит, шьет узоры по собольему меху, по звериному меху. Хорошо выводит узоры. Да только девичье сердце разве ими одними утешись! И полные ноги наполняются грустью, и проворные руки чего-то хотят.

Открывает Миснэ двери девичьего дома и выходит на улицу. Берет с собой она два меховых ковра с волшебными узорами и идет на берег полноводной Оби. А там песочек мягкий и теплый. А струи журчат, пенятся. На песочек стелет она ковер, садится и шепчет на воду:

— Подружка милая, водяная царевна, выходи на берег!

Дочь водяного царя выплыла наверх и спрашивает:

— Лесная моя подружка! Почему ты меня так умоляла выплыть?!

— Подружка моя! Потому я тебя зову, что ноги мои полные не хотят лежать, душа моя живая наполнилась грустью. В лесной избе, где полным-полно мягких звериных шкур, каждый божественный день одна расшиваю узоры. Пошла со мной. Волшебные узоры на черном и красном меху будем расшивать вместе!

— Нет, Миснэ! На берег я не пойду. Может, и пошла бы, да боюсь я твоих таежных братьев.

— Чего ты боишься? Не бойся! — уговаривает Миснэ водяную царевну. — Мисхум, братец мой, день и ночь по тайге ходит, наполняя лесные избышки мехами. Нет его дома!

Водяная царевна вышла из воды. Платье ее сверкало, переливалось золотистыми чешуями язей. Водянистые косы ее серебряными струями сверкали. Ноги ее плыли, как нельмы. Глаза, как озера вечерние, чуть туманились. Вся она сияла, как вода на солнце.

Пошли они вместе в дом Миснэ. Сели они на парь и вместе стали выводить узоры на мехах тонких, мягких. Вдруг из угла выскочил Мисхум — брат Миснэ. Дочь водяного царя бросилась к дверям, но Мисхум ее остановил.

Взял он ее за руку и повел за собой, усадил на мягкие звериные шкуры и стал рассказывать всякие земные сказки. Так Мисхум понравился водяной царевне, что она навсегда осталась в его избе. Подружились они, а потом и поженились.

Живут три охотника, три рыбака. Однажды удачи на промысле у них не стало. Зверь лишь следы оставляет, а в ловушки не попадает. Рыба плещется, а сети пустые. Ничего не понимают рыбаки и охотники: вроде зверя и рыбы много, да только не для них!

— Может, это проделки Миснэ? — говорит старший из них. — Живет она недалеко. В болоте, где исток нашей таежной речки, есть островок. На том островке лес густой-прегустой! Там и домик Миснэ. А слышал я это еще от стариков! Это все ее проделки. Надо к ней идти!..

Сказано — сделано. Пошли друзья вверх по речке. Когда речка стала тоненьким-тоненьким ручейком, кончилась тайга, а впереди начиналось бескрайнее болото, где дышат лоси, спасаясь от мошкеры и комарья.

Посреди болота — островок. Дремучий островок. Там черноствольные деревья стоят, как каменные башни каменной крепости. И весь островок кажется крепостью в этом болотном мире. К нему простому человеку не пройти: пасть у болота огромна. За один вздох проглотит, если ступишь неосторожно. Только охотники-следопыты могут пройти в эту крепость, да и то только те, кому позволит сама Миснэ.

Прошли охотники, не утонули. Вошли в дремучий лес. Там домик стоит. Домик из янтарных бревен лиственницы. Вошли в дом: там Миснэ сидит, узоры таинственные на меху расшивает. Не успела еще закрыться дверь, как Миснэ отложила в сторону шитье и бросилась к старшему.

(О эти женщины! Угадаешь ли смысл их движений?! Почти невозможное выкинут они. Думать будешь — век не разберешься!)

Лесная богиня усадила его на свои полати, мягкие и нежные от звериного меха. И говорит:

Наконец-то я нашла себе желанного, чтобы жить полной жизнью под этим синим небом, в этом непонятном мире!

Целуются они, обнимаются. В своем таежном уголке, как боги живут, как люди живут. Всех они видят. Только их никто не видит. Охотник превратился в Мисхум.

И с этого дня рыбаки опять стали ловить рыбу, а охотники — добывать зверя. Это Мисхум помогал своим человеческим братьям!

Два брата идут в дремучий лес, к Миснэ. Старший говорит младшему:

— Если в груди у тебя родится дума, то не иди один вслед за думой. Грудь наши пусть поворачиваются в одну сторону. Спины наши пусть в одну сторону поворачиваются. А не спиной друг к другу.

Долго ли, коротко ли шли, старший брат говорит:

— Вон показалась грива из древних лиственниц. Там живет Миснэ. Ты только не пугайся ее!

Оглянулся старший брат назад: а младшего уже нет. Видно, испугался. Повернул назад. Старшему пришлось идти по следу. Догнал и говорит:

— Братец, почему ты сбежал? Почему ты пошел по следу думы, которая родилась в груди? Почему ты повернулся ко мне спиной, а не поступил по-братски? Вдвоем мы подавим страх перед неведомой, таинственной женщиной! Пойдем к Миснэ!

Долго ли, коротко ли шли, старший говорит:

— Впереди дремучая кедровая роща. В той кедровой роще паша Миснэ.

Не успел и слов окончить, а младшего как не было! Опять испугался, сбежал. Старший брат догнал его, опять догоняет:

— Братец, почему ты сбежал?

— Сердце мое вздрогнуло. Звериный страх овладел мной. Испугался я...

— Я же говорил тебе: не иди по следу думы, которая родится за спиной! Если поворачивать грудь наши — то в одну сторону! Если спины поворачивать — то в одну сторону. Пойдем к Миснэ! Мне нужна женщина. Настало время жениться! Вдвоем нам легче победить страх перед таинственной женщиной! Пойдем!

Пошли. Впереди опять показался густой и дремучий лес. Деревья там острыми шанками небес касаются. А ветви у них такие густые, что даже снег на землю не упадет, и ветер сквозь листву не пропикнет. В этом теплом уголке домик стоит. Там среди мехов нежится Миснэ-женщина волшебная и таинственная. Мало кому она попадается на глаза. Мало кто достоин ее видеть. Но дом, в который она входит, счастливым становится. Только самым смелым и бесстрашным открывается она!..

Оглянулся старший брат назад: младшего и след простыл! Убежал. Страх, видно, сильнее его!

«Ладно! — думает он. — Пойду один. Смерть так смерть! Беда так беда! Что поделаешь: жить одному в глухой тайге — хуже смерти! Может, я и мужчина? Может, я и волшебной женщины достоин?»

Вот уже запахло еловой смолой. Это дом Миснэ так пахнет. Сложен он из еловых бревен. На стене янтарные капельки смолы. Душистый и таинственный воздух пьянит мужчину. И он смело открывает дверь дома с крепкой дверью. Навстречу выходит Миснэ. Их собольи плечи друг к другу прикасаются. Рукава собольих шуб извиваются, летают. Не обнимаются они, а борются. Когда сильнее становился мужчина, женщина была уже на пороге двери. Когда Миснэ становилась сильнее, мужчина был уже в переднем углу лесного дома. Долго ли, коротко ли боролись — Миснэ наконец ослабла, за порогом двери оказалась. Обнялись они, поцеловались. Оставили лесную избушку и в человеческий дом пошли. Богата мехами таежная избушка волшебницы, да попадешь в этот дом, — таким же таинственным и невидимым, как Миснэ, станешь. А человеку ведь хочется жить не в тайге от людей, а с ними рядом, улыбаться, плакать, петь.

Если груди поворачивать — то в одну со всеми сторону, если спины поворачивать — то в одну со всеми сторону, а не спиной друг к другу. Человек привык жить среди людей. И лишь в сравнении с ними он чувствует себя то ли богатым, то ли бедным, то ли счастливым или несчастным.

В свой дом привел мужчина лесную волшебницу. Теперь она будет жить по-человеческим законам, невидимкою она больше не будет. Но в доме том необыкновенное счастье взлелеется. Счастлив тот мужчина, кто овладел богиней и дал ей имя женщины!

ИИПЫГ

Три Мосьнэ живут в своей лесной избушке. Однажды убежал к ним Иипыг — злой дух. Иипыг пугает человека. В образе филина летает. Так вот этот Иипыг убежал в дом, где жили Мосьнэ. Подсаживается к старшей Мосьнэ и говорит:

— Старшая Мосьнэ, пойми меня!

— Нет у меня брата. Ты будешь им! — отвечает она.

Нет, Мосьнэ, так не хочу!

Рассердился. К средней подсел со словами:

— Ты меня пойми!

— Нет у меня братца. Братом будь!

— Нет, Мосьнэ, братом не хочу быть!

Подсел к младшей и опять говорит:

— Может, ты меня поймешь?

— Нет у меня братца. Так мне нужен братец.
Будь им!

Рассердился Йипыг, стал грозиться:

— Отца своего — Восточный ветер — позову, мать свою — Снежную метель — позову. Они заметут ваш домик снегом!

— Зови. У нас есть семь железных лопаток, семь деревянных. Разгребем!

Йипыг вышел на улицу, залез на крышу и кричит на восток:

— Отец мой — Восточный ветер, мать моя — Снежная метель — просыпайтесь, в этот край летите! Лив! Лив! Лив! Этот домик заметите.

Засвистел ветер, в диком танце закружилась метель. Заметает снегом лесную избушку, Мосьнэ стараются открыть дверь. Но ее так замело, будто стала каменной.

Человек, если он захочет, перевернет и камни. И Мосьнэ осилили эту дверь. Открыли ее. Взялись за лопаты. Долго ли, коротко летали лопаты, да снег не убавляется. Сколько кидают, столько снова падает. Поломались деревянные лопаты, не выдержали и железные. Замли домой. Сидят грустные.

Вдруг опять Йипыг забежал. И опять обращается к старшей Мосьнэ:

— Теперь-то ты, старшая Мосьнэ, меня, наверно, поймешь?

— Нет у меня братца. Братцем будь!

Ну что хорошего может сказать Йипыг. Идет к средней Мосьнэ. То же самое говорит. Тогда идет к младшей. И молит ее, чтоб она поняла. И к удивлению своему, вдруг слышит:

— В начале большой дороги есть дорожный знак. В начале моей дороги будь ты! Спутником моей жизни будь ты!

Обрадовался Йипыг.

¹ Лив! Лив! Лив! — непереводимые восклицания.

— Ти, ти, ти, ти! — восклицает он. — Милая Мосьнэ. Ти, ти, ти!..

Потом вылетел на улицу. Крыльями широкими туда взмахнет, сюда взмахнет. В три стороны три раза взмахнул крыльями — и снега как не было.

Зашел домой и говорит:

— Ну, Мосьнэ, собирайся, одевайся! Ко мне поедем.

Оделась Мосьнэ. Простилась с сестрами и в нарту села. А нарту не оленя потащили и не собаки, а сам Инпыг.

Долго ли, коротко тащил он ее, въехали в густой и темный лес.

— Милая! Ты не проголодалась ли? — спрашивает он ее.

— Проголодалась. Да что у тебя есть из съедобного?

— Ты побудь здесь. А я схожу, что-нибудь принесу.

Ушел. А следом хруст и треск. Будто кто-то стонет. Видно, что-то он ломает. Пришел. Охапку сухой коры лиственницы принес. И все это перед Мосьнэ бросил:

— Кушай, милая!

Озирается Мосьнэ, в этой куче ищет съестного. Удивляется она: ничего съестного нет!

«Почему же тогда он говорит: «кушай», — думает Мосьнэ.

Поехали дальше. Инпыг опять ее везет. Как резвый конь, сам везет нарту. А в нарте, как богиня, сидит Мосьнэ.

Приехали к какому-то дому. Он взял Мосьнэ на руки, занес домой со словами:

— Вот мой дом. Пусть он будет и твоим!

Сам исчез куда-то. А Мосьнэ ко сну тяжелому потянула. Наклонила голову с черными косами на сосновый стол и забылась.

Долго ли, коротко спала, проснулась. А мужа — нет! А Мосьнэ так проголодалась, что готова была съесть целого оленя.

Смотрит она, лежит березовое бревно. Кора у березы белая, живая. И думает про себя: «Кушать так хочется. Не построгать ли?» Идет с ножом к бревну березовому, резанула — кровь струею брызнула. Испугалась. Не стала резать.

С другой стороны лежит еловое бревно. Тронула ножом лишь кору — кровь брызнула. И с кедровым брев-

ном случилось то же самое. Совсем испугалась. Бросила нож. Прильнула к столу и опять уснула.

Долго ли, коротко спала, опять проснулась и видит: в трех углах дома три женщины стонут: «а-на-на! а-на-на!» И говорит со слезами:

— Что за женщина нас порезала? Откуда ее привел?!

В это время открывается дверь лесной избушки и в дом вваливается сам хозяин, лесное пугало — Йипыг.

Стоит в дверях, будто удивляется чему-то. Сестры его лесные спрашивают:

— Откуда ты привел эту женщину, которая чуть нас всех на смерть не перерезала?!

Берет он веревку, которой тащил парту. Эту веревку, сплетенную из сырой кожи лося, привязывает к дверной ручке. Второй конец веревки на плечо кладет и тянет, тянет, будто что тащит. Потом идет к Мосьнэ, будто бороться готовится, словно драться хочет. И такие слова говорит:

— Вот ведь какое горе! Вот какая беда! Широкоплечие пять мужчин меня поймали, широкогрудые шесть мужчин меня пленили. Если бы не пленили — быть мне другим!

Ничего не понимает Мосьнэ. Загадкой остаются эти таинственные слова. Таинственным кажется и этот танец, и все выходки Йипыга.

Потом он убирает с плеча веревку, снимает с себя одежду лесного пугала. Смотрит Мосьнэ и чуть не слепнет: перед ней стоит не пугало лесное, а мужчина! Удивительной красоты мужчина стоит перед ней. Взглянула на бревна — глазам своим не поверила: красавицы сидят. Одна красивей другой, одна другой прекрасней! Оказывается, это его сестры.

Вот ведь как бывает: смотришь на мужчину — пугало да и только, а поближе узнаешь — человек! Да еще какой! Вот ведь как бывает. Не оттолкнешь влюбленного, постарайся понять его — зацветет человек, снимет свою маску, самим собой станет!

МОСЬНЭ и ПОРНЭ

Брат с сестрой живут. Из рода Мосьнэ они. Живут и горя не знают. Брат добрый охотник. Охотничьи лабазы, избушки охотничьи, которые находятся в разных

концах тайги, ломаются от меха звериного, от мяса птичьего.

Однажды к ним пожаловала Порнэ. Брат на охоте был. Порнэ и говорит:

— Брат твой сказал, чтобы ты ушла отсюда. Куда хочешь — туда и иди.

— Не болтай, Порнэ. Иди отсюда! Брат так не скажет!

Порнэ ушла. Возвратился брат домой, молчит. Будто нет у него ни рта, ни языка. Так молчком и легли спать. Утром он молча оделся, подпоясался и ушел. Много ли, мало ли прошло времени — опять пришла Порнэ.

— Брат твой сказал, чтобы ты не жила больше здесь! — опять твердит она.

— Что это я мешать ему стала? Неужели ему жалко для меня воды и пищи? — отвечает Мосьнэ. — Раньше я ему, кажется, не была в тягость! Это твой язык мелет, ты придумываешь. Брат мой не скажет. Иди подбодру-поздорову. А то плохо будет!

Порнэ ушла.

Пришел домой брат. Молчит, как камень.

— Ты чего молчишь? Не улыбнешься, как прежде, не подаришь слово, — говорит ласково Мосьнэ. — Может, жаль тебе мяса, которое я ем? Может, воды речной для меня жаль? А может, я тебе просто мешаю?

Брат такие слова уронил:

— Разве мне жаль для тебя мяса, которое я добываю в лесу? Разве мне жаль воды, которую ношу с реки?! Нет! Языки длинные пустили про нас сплетню. Острая она, как нож, тяжелая она, как топор. Режет она сердце больше ножа. Бьет по голове больше топора. Долго ли, коротко ли будем жить, но за сына, которого родишь ты от кого-нибудь, нам обоим грозит острый нож, тяжелый топор. Лучше тебе отсюда уйти!

Легли спать. Настало утро. Брат подпоясался семи-цветным охотничьим поясом и ушел в тайгу.

Собралась в дорогу и Мосьнэ. Долго ли, коротко ли шла, встретила людей или не встретила, а сына родила.

Однажды подошла к берегу лесной речки. А лесные речки порожисты. Берега лесной речки высокие, песчаные. Кедровые стоят на берегу, под кедровыми грибами да ягодами. На одном таком берегу она увидела множество ягод. Красными глазами глядела брусника, голубыми глазами голубела голубика, темно-синими глазами мигала черни-

ка. Стала собирать ягоды. А берестяную люльку с сыном поставила на землю. Увлелась вкусными ягодками и забыла про него. Вдруг слышит: что-то катится. Посмотрела: люлька с сыном скатилась в таежную речку и поплыла по воде. Бежит к речке. Сквозь кусты пробирается. Ветки хлещут ее, колют хвойными иголками. А течение в речке быстрое. А речка сама извилистая. Унесло куда-то люльку. Ищет, ищет сына — и нет его! Плачет, убивается, идет дальше.

В одном месте видит: стоит седоглавый старик. В руках у него люлька с сыном. Протягивает он ей люльку и говорит:

— Почему ребенка пустила в воду?

— Он сам свалился, — оправдывается она.

— А ты где была, когда он скатывался в воду? Чем ты так увлеклась в тот роковой момент?

— Уж больно ягодки сочные, сладкие!

— Много в этом мире соблазнов. Но дите забывать не надо из-за них! — поучает старик. — В другой раз ребенка на землю не ставь, а носи на плечах!

Долго ли, коротко ли шла. В одном месте опять ягодное место нашла. Поставила мальчика на землю. Он уже на ноги поднялся, сам бегаёт, играет.

Собирает она сочные ягодки, наслаждается сладостью их.

Однажды слышит:

— Мама, я вязну в землю. Вот уже по колено!

А ягоды вкусные. Трудно оторваться от них.

— Подожди, сынок, эту ягодку съем! — откликается она.

— Мама, я уже по пояс увяз в землю!

— Подожди, сынок, я эту ягодку съем!

— Мама, я уже по плечи в земле!

— Подожди, сынок, я эту ягодку съем. Крупная она.

— Мама, я уже в земле! — еле-еле слышно повторило эхо.

Бежит она на крик. А его уже нет. Как будто и не было. Ищет она его, в земле копается. А земля болотистая, вязкая земля. Долго ли, коротко копалась, много ли, мало слез пролила, пошла дальше.

Однажды вышла она в деревню. Посреди нее дровосек рубит дрова. Топор его летает, звенит, будто говорит:

— Дзинь-дзинь! Виноватым пахнет. Кто провинился?!

— Есть у меня вина. Потеряла я сына. Есть у меня вина. Но я хочу быть хорошей.

— Если она хочет быть хорошей, если она сознает свою вину — пусть она в дом заходит, — молвил старик.

А у старика был сын. Взрослый уже. В пору женить-сватать. И сватают они Мосьнэ быть невестой сына. Семь ночей и дней вся деревня гуляет на свадьбе. Долго ли, коротко ли жили. Появился у них сын. А в той деревне жил седоглавый старик. Однажды он спрашивает ее:

— Ты меня знаешь?

— Откуда мне знать. Мало ли на земле седых?!

— Э, внучка! Человеку добро забывать не к лицу. Придет повое горе — кто поможет! Где твой сын?!

Вспомнила Мосьнэ про сына первого, вспомнила про Порнэ, вспомнила и про дедушку.

— Потеряла сына я, дедушка. Поставила его на землю. Сладкие ягоды затмили меня. Он утонул в земле, увяз в болоте.

— Спасибо за признание. Этим ты спасла себя и сына. Сын твой жив. Вот он!

Дедушка вводит в дом стройного парня. Доброе лицо у него и глаза добрые. Только на правой щеке царапина. Когда-то, видно, была здесь рана.

— Вот эту рану ты ему нанесла. Когда он увяз в землю, ты копала, искала — и случайно нанесла ему рану. Ты много слез пролила, долго искала, этим ты спасла его и себя. И хотя ты провинилась. В погоне за сладкими ягодками забывала сына. И вина твоя сильнее раны нанесенной, я тебя прощаю: ибо ты призналась в своей женской слабости. Ты не испугалась Порнэ. И сына своего сама не убивала. А вместе с ним отправилась в далекий путь, в новую жизнь!

И зажила Мосьнэ в новом доме. А сыновья выросли, стали друзьями, братьями. И жизнь новая поплыла по новой земле.

СЫН МОСЬНЭ

Мосьнэ родила сына. От кого родила — сама не знает. Нет у него отца. Про себя думает: «А вдруг кто-нибудь в ее таежный край придет. Стыдно будет. Не убить ли мне его?» А мальчик хороший. Живой и веселый такой. Жалко ей своего мальчика.

«Пусть растет! — решает она. — Если кто и придет,

если и криво взглянет, если и стыдно мне будет — ну и пусть! Зато мальчик мой будет живой! А жизнь разве сравнишь с моим мелким стыдом, с моей женской слабостью?»

И вот растит она сына, радуется не нарадуется. Берестяную люльку сделала, в люльке его качает, колыбельные песни поет. Сама себя не узнает, веселой и улыбчивой стала.

Однажды, убаюкав ребенка, в лес за дровами пошла. А когда пришла домой — люльки нет, сына нет! Лишь веревка, на которой люлька висела, еще качается. Ищет сына, из угла в угол бросается, из урман в урман бежит — нигде нет сына. Не знает она — добрая Мосьяэ, что в лесу есть и коварная женщина, злой дух Порнэ. Не знает она, что эта Порнэ и стащила сына.

Вырос мальчик у Порнэ. На охоту ходит, на рыбалку ездит. Зверь от него не может уйти, рыба от него не может уплыть. Много добывает, мехами дом Порнэ ломится.

Но однажды он услышал ухом своим охотничьим песню, которую напевает в такт пляски вторая мать его — Порнэ:

От женщины я сына утащила,
От женщины я украла сына.
Одна рука моя в масле купается,
Другая рука моя в сладостях катается.
А ты, глупая женщина, сама на охоту ходишь!

Сын рассердился. Пошел дальше. Вдруг видит какой-то след. И дорожка узенькая. Пошел по ней. Долго ли, коротко ли шел, дошел до избушки. Зашел домой. Женщина бросилась к нему на шею. И обнимает его, и целует.

— Ты мой сын! — говорит она.

Он не верит:

— Как это? Разве у меня две матери? — восклицает он.

— Неужели ты не чувствовал, как я тебя лелеяла и звала. Ты мой сын. А украла тебя Порнэ, пока я за дровами ходила. Слезы мои вернули тебя.

Пошел он в дом Порнэ. Молчит, не разговаривает с ней. Ставит она ему кушанье — не ест. На стене висит меч. Блестит сталью. Он его снимает и точит. Задрожала Порнэ. Почуяла что-то неладное. Упала на колени

перед сыном Мосьнэ. Плакала, умоляла, чтоб не убил он ее.

Но сын Мосьнэ был непоколебим. Снял он ей голову. И такие слова сказал:

— С этого времени чужая женщина пусть не ворует чужого ребенка!

Злая Порнэ была наказана. А сын Мосьнэ разве мог иначе поступить? Если бы он ее простил — до сих пор бы матери теряли детей!

Вернулся он к своей матери. Родные души зажили вместе. Счастье, когда рядом родные души.

ТАНВАРПЭКВА

В лесочке у деревни, на ее северной стороне, живет Танварпэква. Вы не слышали про нее? О, это злая старуха! Она делает нитки из жил. Ее не всякий увидит. Она дух. Но и не ко всякому пристанет. А кого облюбует — защекочет того на смерть. Ночью щекочет. Когда все спят, творит свое недоброе ремесло. Потому все ее и боятся. И ночью нитки из жил никто не делает. А нитки и в старину пужны были: одежду и тогда надо было шить. На ногах оленя или лося крепкие жилы. Сушили их, потом растягивали, крутили... Трудная это работа. Нередко женщины до самой ночи засиживались и боялись, что их защекочет Танварпэква. Все валилось из рук.

Однажды один парень женился на девушке из другой деревни. Невестка оказалась на редкость смелой: делала жилы даже всю ночь. Другие женщины говорят: «Подруженька, не делай ночью жил!»

«Почему?» — удивляется она.

«Нельзя. Здесь Танварпэква живет. Страшная старуха, жилистая старуха. Засидишься — придет к тебе. Тогда уж несдобровать!»

Но она не слушается. Днем тянет жилы и ночью их катает. Однажды, когда все уже давно спали, завизжала собака, будто ее кто-то ужалил. Потом заскрипела дверь, и в дом вместе с морозом седоусым ввалилась Танварпэква. В руках у нее серебряная чаша. В той серебряной чаше — жилы. Собачьи жилы. С шеи лайки сорвала она их. Оттого собака и визжала. Подсела к женщине.

«Здравствуй, внучка, здравствуй! — кивает она. — Ну

и проворна ты! Ну-ка посоревнуемся-ка: у кого из нас чаша с жилами быстрее наполнится. Если твоя — то чашу, слитую из чистого серебра, ты возьмешь! Если моя быстрее наполнится — то пощечочу тебя, а потом выну твою печень».

«Ты, бабушка, посиди, пожалуйста! Что нам так сидеть! Я принесу что-нибудь полакомиться», — говорит невестка. Выбежала она на улицу. Принесла юколу — вкусную, сушеную рыбу.

«Угощайся, бабушка, кушай!»

А сама выбежала на улицу. В амбаре схватила пустой берестяной кузов, и бегом в сторону леса. Добежала она до юрты Танварпэквы, разожгла берестяной кузов и бросила его на крышу. Сама стрелой полетела домой, кричит: «Бабушка, бабушка, в юрте твоей огонь играет, горит юрта твоя!»

Танварпэква, как молоденькая, побежала. А невестка бросает собачьи жилы на площадь, которая посреди деревни моет серебряную чашку и ставит ее на святую полку, что на святом углу дома. Сама быстренько тушит лучину, мажет лицо свое рыбьим жиром и ложится в постель. Но не на свою, где муж спит, а между свекром и свекровью.

Немного погодя Танварпэква опять явилась. Ищет ее, всюду ищет. Руками своими жилистыми лица спящих щупает. Подойдет к невестке, пощупает лицо, потом щекочет. Чуть невестка не вскрикнет от щекотки, но, собрав всю силу, сдерживается. Потрогает старуха еще раз ее лицо — скользкое оно, непохожее на нее. К другим идет, среди других ищет. И снова к ней подойдет, и снова ее мнет, щекочет. Но молодая молчит, не подает и звука. Со слезами старуха вздыхает: «Торум, видно, тебя защитил. Изворотливей и хитрее ты меня оказалась!» И с плачем соленым уходит на улицу. А смелая невестка спит и веселые сны видит. Наутро тоже раньше всех встала, разожгла огонь в чувале. Проснулись и все. Снимает со священной полки серебряную чашу, показывает ее людям. «Смотрите! — говорит она. — Вот денежная чаша, серебряная чаша Танварпэквы, которую вы так боялись!»

Трещал огонь в чувале. Его золотые искры летели в небе. А люди сидели на земле и думали: «Почему все боялись этой старухи? Почему избавила их еще от одного страха эта молодая и щуплая женщина? Может, потому,

что она из другой деревни, из другого мира? Сыновьям надо чаще жениться на девушках из другой деревни! Сильнее будут люди!»

ТАНЕЦ КУЛИКА

В игровой дом входит женщина, Садится посреди пола, куличком посвистывает, что-то делает.

— А что это за птица? — спрашивает кто-то.

— Куличок. Гнездо строит. О потомстве думает.

Открывается дверь.

С белесыми струями мороза вplyвают три женщины, напевая:

Мы плывем, мы плывем
на лодочке с узорами.
Мы по ягоды плывем.
Они такие сочные!

Пляшут они, как плывут. Плывут они, как пляшут.

— Смотрите-ка, — кричит одна из них, — кулик! На гнезде сидит. Наверно, яйца снесла?

— Пристанем-ка на берег! Полакомимся яичками!..

Пристали. Слетел куличок со своего гнезда. Что ей, слабой птичке, перед сильными женщинами оставалось делать? Взяли они яички и поплыли дальше. А куличок сел на ветку дерева и, роняя слезы, зашептал молитву:

Верхнего мира отец мой!
Батюшка небесный!
Зачем они лишили меня детенышей?!
Исужели на них нет управы?!
Подними свой голос северный,
вдохни северным ветром!
Подними на реке бслые волны,
переверни лодку,
в которой плывут
три неразумные жестокие женщины!

Дует ветер северный. Свистит. Белыми волнами шумит. Качается лодка, женщины в плавном танце качаются. Переворачивается лодка. Женщины к полу склоняются, будто тонут. И в замирающем танце уходят за дверь, будто из жизни...

ТАНЕЦ ЛЭЛНЭ (НИЗЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ)

В игровом доме не волны колышутся, а девушка плывет. Низенькая она, как карликовая сосенка. Потому и наверно ее зовут Лэлнэ. Низенькая, значит, женщина.

Маленькая, хрупкая. В игровом доме не ветер жужжит,
а поет она, Лэлнэ:

Что есть у Лэлнэ?
Песня есть у Лэлнэ.
А песня большая,
Как жизнь, она живая!
Что есть у Лэлнэ?
Платок с узорами
Крылатых и рогатых зверей.
Что есть у Лэлнэ?
Две косы, звенящие кольцами, монетами.
Что есть у Лэлнэ?
Шуба расписная, пушистая, мягкая.
Что есть у Лэлнэ?
Платье атласное, солнечное, яркое,
Выходите, парни, в пляс!
В пляске все узнаете,
Тайны Лэлнэ разгадаете!

ТАНЕЦ ЖЕНЩИНЫ

Молчит священный бубен. Играет санквалтап. Звенит он всеми струнами, поет о жизни обыденной и вечной. А обыденной жизни зачем нужен гром бубна?!

Играет санквалтап, и женщина с мужчиной в нарядных костюмах в танце ходят, а люди, сидящие вокруг, с них глаз не сводят, слушают песню, которую поет мужчина:

В дом, в который пожаловал священный зверь,
Я привел тебя, милая, для веселья.
Ноги твои резвые пусть скачут зайцами!
Руки твои резвые пусть стрижами летают.
Мужчины и женщины, смотрящие издали,
К тебе потянутся, воскликнув:
«Что за чудо! Что за богиня-женщина!»
А если правду сказать:
То голова твоя похожа
На вздерошенное, лохматое воронье гнездо!»

Девушка, как ужаленная, замирает на месте. Опускает голову и стоит грустная-грустная.

Глупая!
Да ведь это песенные люди,
сказочные люди,
нарочно над тобой смеются,
веселье творят.
А ну, пройдишь в резвом танце,
погой веселой шевельши!

Задорно звенит сапквалтап. Мужчина и девушка кружатся в танце. Потом снова оживает песня:

Милая!
Руки твои хотя и летают,
хотя творишь ты ими резвость,
да знаешь ли:
твои руки — грязные лопатки,
которыми посреди деревни
убирают мусор!

Мертвым деревом замирает девушка. Руки ее опущены, как подгоревшие ветви.

Глупая!
Что ты опустила твои волшебные руки?
Это сказочные люди
нарочно над тобой смеются,
душу веселят!
А ну, поющее дерево, пой!
Руки, летайте, резвость творите!

И дерево оживает. Буйной зеленыю шумит. Ветви гнутся, не ломаются, в танце жизни кружатся.

Девушка каменеет. Тяжелым камнем свисает ее голова.

Глупая!
Что ты опустила голову?!
Она у тебя светлая!
Люди смеются нарочно.
Для веселья все это придумываю.
Эй! Поющее дерево, пой!

И плоским камнем, скользящим по воде, летит она. Кружится. За ней следом — мужчина. И он в танце не отстает от нее ни удалю, ни резвостью.

Милая!
Ты птицей летнись,
Богиней плывешь.

Не замирает она, не застывает деревом, не каменеет. В танце огненном летит, кружится, извивается. Светлыми глазами улыбается. Люди рукоплещут: «Молодец! Поняла! Не опустила голову — значит, человек! Насмешке улыбнулась — значит, и впрямь богиня!»

А сапквалтап звенит, поет поющим деревом. Люди улыбаются, довольные, что еще одна их сестрица выше насмешки стала, сама собою стала!..

Кеп-кепын, кепыц, кепыи!..
Кепыи-гы-на! Кепыи-гы-на!

В дом входит девушка. Краснощекая, белолицая. Толстушая такая. А живот — бочкой пузатой висит... За ней следом — мужчина. Не молодой уже. Видно, отец. Веселый такой, говорливый. Поет, расхваливает дочь свою:

В дом, полный женщинами
и веселыми мужчинами,
я привел свою дочь.
Смотрите и любуйтесь!
Дочь моя, как ягодка,
не тронутая никем!
Дочь моя! Да это ж озеро,
в которое не заплывали еще щуки.
Дочь моя! Да это же река,
в которой не плескались
еще большие рыбы!

Мужчины говорят:

— Если дочь твоя такая непорочная, то почему живот у ней, как гимга, в которой много рыбы?

— О, это оттого, что она в болоте ходила. Там столько сочной морошки нынче! Морошки, видно, много поела!..

В этот момент живот девушки «катится», и раздается громкий детский плач. На полу малыш, которого девушка хватает, обнимает, от насмешливых глаз прячет...

И чей-то голос басит:

— Хвалился ты, старик, своей дочерью. Неужели от сладких ягод этот ребенок?!

— Правду говорят, — начал старик, опустив голову, — что не надо защищать юношу, который носится по улице, не надо прикрывать девушку, которая по улице бегаёт. Разве может знать хозяин, что делает на улице его собака?! Правду говорят: не надо защищать уличную собаку! Ой, какой стыд! Ой, какой позор! До чего докатился я на старости лет!..

Настанет новая эра, новые люди придут. И для них у меня есть теперь прозревшие слова:

«Не прикрывайте беспризорных, уличных собак и детей своих раньше времени не хвалите!»

ДОЛЯ ЖЕНЩИНЫ

Открывается дверь. И вместе со струями мороза входят женщина и мужчина. Они что-то тащат.

— Что это они волокут? — воскликнул кто-то.

— В нарту запряглись, как ездовые собаки.

— Вот чудно: мужчину везут!

И правда: в нарте, развалиясь, сидел мужчина, довольный, что его зовут...

А женщина между тем затянула песню:

Ася! Ася!

В твоём доме, богатом мехами

чёрных и красных зверей,

разве я мешала тебе?

Разве надоедала?!

В руки Руны ты вручила меня.

Ах, зачем ты это сделал?

Лучше бы, когда я в люльке берестяной была,

ты меня выбросил в реку,

лучше бы меня мужики-волны качали,

в море ледяное несли.

Там плавают много злых духов.

Большие кости мои сосали бы большие духи.

Малые кости мои сосали бы малые духи.

Ася! Ася! Ася!

Если я ваше питье-еду отнимала,

то почему не положил меня в могилу,

высотой в три Уральские горы?!

Почему не вырубил могилу

в четыре Уральские горы?!

Ася! Ася! Ася!

Если ты мне не дал такую смерть,

то почему в сердце пылающего огня

не бросил меня, когда еще в люльке качалась?!

Отец мой! Отец!

Глаза мои — две спелые смородинки —

на бедро твоё смотрят,

где в чехле костяном притаялся нож длинный.

Твою хорошую голову с косичками

может он снести...

У одного из вошедших мужиков на боку качается нож. Тронет он его пальцем — еще сильнее качается. Будто живой он. Мужик начинает петь: «Дочка моя! Дочка! Куда тебя я дену?!»

— Ася! Ася! — отвечает в лад музыке дочка. — Отпусти в Обь, в ее глубокую середину.

Мужик садится на пол, будто в лодку. Палка у него в руке, будто весло. Качается он, будто в лодке на волнах высоких. Девушка поет:

Мужичок, которому отдают меня,

хотя ты пускаешь-мечешь стрелы,

разве ты попадешь в крылатую птицу?!

¹ Ася — отец.

В это мгновение распахивается дверь. И в дом вваливается мужчина в белом меховом кувсе, в кисах ярко-снежных. Он натягивает тугой лук и стрелу пускает. И стрелой острой в нож отца попадает. Дочь хотела повернуться назад, на берег, да лодка перевернулась. Тонет лодка. Тонет отец с пожом. Тонет жизнь, а песня девушки льется:

Пятиструнное живое дерево,
Пятиструнное голосистое дерево, живи, двигайся!
Нижнюю струну тронешь —
в нижней земле ее голос пусть звучит.
Верхнюю струну тронешь —
голос верхней земле пусть в нем звучит!

И все начинают плясать. И девушка, и трое мужчин. В этом танце грусти и любви оживает жизнь девушки, песня горькой женской доли.

ДОМ У ДОРОГИ

«У большой дороги строить дом нельзя» — так в старину говорили.

— Почему был такой обычай? — спросите вы.

— О, это длинная история! Не хватит почвы, чтобы рассказать все причины. И придется идти в лес, чтобы без дров не погас золотой глаз золотого огня. А дров для хорошей сказки много надо!. Не буду я все рассказывать. Скажу лишь два слова.

По большой дороге не только добрые духи ходят. По большой дороге кружится Куль. А Куль — это дух подземелья. Злой дух! Коварный он и подлый. Вроде русского черта, что в сказках бывает. Быть бы ему в подземелье. Да нет, не может он жить, не творя людям гадости. Выходит он из земли и между деревьями катается, из дома в дом ходит, жертву себе ищет. В ком ослабли добрые начала души — того он и поражает.

Боятся люди Куля. Жертвы ему приносят. Убьют оленя или лошадь и кровь горячую по деревне разбрызгают. Пусть пьет Куль кровь животных, пусть человеческую не пьет! А еще лучше — строить дом в глухой тайге, где-нибудь у маленькой таежной речки. Там Куль реже бывает. И зверя черного и красного там больше!. Потому, говорят, нельзя строить дом у большой дороги...

В Пелым — в большую реку — впадает маленькая Лямья, Черёмушья река. Потому она так и называется. А вытекает Лямья из священного озера. А почему это озеро назвали священным? Вот почему.

Однажды один рыбак поехал на рыбалку в это озеро. Поставил сеть. Не успел завязать конец сети на кол, как рыба уже плескалась в ячеях. Крупные, золотистые караси. Никогда столько рыбы в одной сети не видел рыбак. Снимает он, снимает рыб — никак не кончаются. Лодка полная, больше уже некуда класть трепещущую, сияющую рыбу. И думает: «Хватит. Надо съездить на берег, поесть ухи надо!» А уха из карася самая вкусная! Вкуснее не бывает!..

Вышел на берег. А комаров! Дышать невозможно! Много в лесном озере комаров! Решил он сначала собрать дров да разжечь костер. Все рыбаки настоящие так поступают.

Разжег костер. Пошел за рыбой в лодку. И ужаснулся: лодка кишит жуками. Полная лодка жуков. Испугался рыбак. Перевернул лодку. Жуки поплыли. А сам сел в лодку и, не оглядываясь, поехал по своей речке, берега которой в белой черемухе. Хорошая эта речка. Не священная она. В ней рыба не превращается в тощих жуков. А лесное озеро — священное. Туда теперь рыбаки не ходят. Говорят, что там купаются три духа. Поживут эти Пупыг среди людей — их идолы в ящичках в священном углу хранятся — потом отдыхают. Купаются в озере, наслаждаются тишиной. Рыбаки туда не ходят. Да и не нуждаются. В реках рыбы много!

КЛАД

Два мужика шли по берегу таежной речки. Вдруг один из них споткнулся. Посмотрел вниз: там яма. А в яме — сундуки стоят. Много сундуков! «Друг, вернись-ка назад. Посмотри сюда. Что это такое?» — кричит он. И правда, внизу сундуки, обитые железом, стоят, а по обе стороны — два Менква. Наверно, караулят. Вернулись домой, сказали людям. Те обрадовались: «Видно, это клад! Сами будем копать».

Пошли. А эти два мужика решили идти прямо, по лесу, а не по берегу речки. Идут, прислушиваются. А те вот

о чем говорят: «Надо спросить, кто из них споткнулся, нашел яму — того и в жертву принесем. Менквы любят жертву. А то ведь они не отдадут клад».

Вышли мужики на берег и говорят: «Если вы уж до того дошли, что ради каких-то сундуков готовы одним из нас пожертвовать — то уж оставайтесь одни! Копайте! Ищите!» И побежали в лес, в сторону от этих жадных.

Вот ведь как бывает. Клада-то, может, и не было. А люди узнали: какая глубокая яма, какая темная яма — душа человека. Скажи ему, что клад золотой нашли — у злодея жадного глаза загорятся, даже мать свою не пожалеет. Если хочешь узнать человека, скажи ему, что клад золотой нашли. Посмотри, как отнесется он к тебе...

СЛОВО

Лесная женщина женила на себе мужчину. В свою лесную избу ведет его. В одном месте она остановилась и говорит:

— Ты ложись на нарту. Я тебя свяжу. А то здесь неподалеку есть Менквы. Съедят они тебя.

Не успела еще связать мужа в нарте, как показался великан.

— Что это ты, внучка, связываешь? — спрашивает он, приплюхиваясь.

— Нарта моя развалилась. Вот и связываю ее, — отвечает женщина.

— Нет, вроде «птичьим» мясом пахнет, человеческим духом веет! Ну-ка, я посмотрю, — приближаясь, бормочет злой лесной дух.

— Ты приближаешься ко мне, идешь к моей нарте. Не боишься ли ты моих лесных братьев? — предупредила его лесная женщина и молвила еще какое-то волшебное слово.

— Да я так, пошутил, — виновато улыбаясь, говорит Менкв.

Сам в лес сворачивает, восвояси идет.

Сказывают, та лесная женщина ростом невелика. Когда едет в нарте — ее и не заметишь: до того маленькая! А Менкв — лесной великан — не стал связываться с ней. Эта маленькая лесная женщина словом владеет. А у слова — великая сила! Перед ней слабеют даже великаны!

Карр! Карр! Карр!
 Я — ворон! Я — ворон!
 Самый черный, черный ворон.
 В дом медаежий забежал я.
 Разве можете без меня
 отправить медведя в новый путь?! —

поет вошедший. Одежда у него чернее ночи. Крылья у него тоже черные. Принарядился, похож стал на таежную птицу. Ходит ворон, как летает. Летает ворон, как ходит. А песня льется:

Когда я был мужчиной,
 в мой веселый человеческий век,
 не могла добыча от меня ускользнуть.
 За один котел¹ семь урманов обходил,
 в верховьях семи таежных речек
 я гонял длинноногого зверя.
 И он склонял передо мною
 свою могучую голову.
 И двуногие головастые люди,
 почуяв запах, к моему котлу тянулись,
 с моей чаши питались...
 Благодарили меня. Хвалили...

Танец воспоминания пляшет ворон. Не вечно он был птицей, черной, питающейся только падалью. Было светлое время и у него. Человеком был. Славным охотником, кормильцем слыл. Но такова жизнь: в ней все изменяется и течет. Сегодня ты человек, а завтра — птица, сегодня молодой и всем пугливый, а завтра — старый...

А теперь... летят перья
 и хвост старый лезет...
 Карр! Карр! Карр! Карр!
 Хвост старый лезет...

ТАНЕЦ ТАЕЖНЫХ ОХОТНИКОВ

Братья нашли зверя. Собираются на охоту. Третий младший братишка тоже просится.

— Возьмите и меня! — спрашивает он их. — Я буду вам помощником.

Взяли они и его.

Пришли к берлогу. Медведь черной стрелой вылетел

¹ За один котел — за время, пока сварится содержимое котла.

из нее. Старших братьев как не было. Убежали. И медведь удрал.

Идет мальчик по лесу и думает: «Нож мой тупой. Надо бы его поточить».

Достает точило. Точит нож, напевая:

Кивк, кивк! —
точись, мой нож!
Кок, кок! —
точись, мой нож.
Старшие мои братья
зверя гонят,
зверя бьют.
Звериный живот
мне бы распороть,
Медвежью печень
мне бы съесть!
Нож мой,
точись, точись!

Поточил, пошел дальше. Три смолистых, сосновых урмана прошел. В одном месте срубил дерево, сделал копы для себя. В две сажени длиной. Выстругал копы и для среднего брата. В полтора сажень получилось оно. А для старшего брата сделал копы длиной в полный сажень. Взял их и тронулся дальше...

В одном месте увидел березовую гриву. Стройные, белоствольные березы стоят, будто красуются. Снял с березы бересту, чашечку берестяную сделал. Чумиком она называется и в песне воспевается:

Чашечка моя,
сивр, сивр, сивр!
Чашечка моя,
щовр, щовр, щовр!
В тебя я буду сливать
жир звериный
С тебя я буду лакомиться
Салом медвежим!
Сивр! Сивр! Сивр!
готовься быть полною!
Щовр! Щовр! Щовр!

Опять идет дальше, мерит ногами тайгу. В одном месте видит: на середине высокого дерева лохмотья моха висят. Обрадовался мальчик. «О! Неспроста висит мох на широком стволе дерева! — воскликнул он. — Гнездо звериное там! Есть куда лететь моему копы! И нож мой порботает! И кровь горячую полью! И печенью нежной полакомлюсь!»

Прошел немного и видит: братья на пнях сидят.

— Ну, где же ваш зверь? — спрашивает он их.

— Ты же «изломал» звериный след, ты запутал.

— Звериного следа я не касался.

— А что же ты так долго делал?!

— Я выстругал три копыа, чтобы зверя насквозь пронзить.

И раздает копыа братьям. Самое длинное копые себе оставляет. Показывает им и берестяную чашечку с узорами.

— Что это такое?! — удивляются те.

— Это чашечка, берестяной чумик. Не видите, что ли?!

Вы же убили зверя, низвели медведя! В эту берестяную чашечку я солью жир его, буду лакомиться!..

— Что ты, что ты раньше времени! Услышит медведь, снимет с хвастливой головы твоей шкуру. Прикуси язык!..

Братья пускаются в пляс охотников. По игровому дому ходят в веселом и осторожном танце.

Санквалтап звенит струнами, будто снег похрустывает, колотушка стучит — будто охотники стреляют из лука, копыями зверя колют, бубен гремит, будто зверь ревет.

Только это все не в тайге глухой, а дома происходит.

В танце таежных охотников оживает таежная жизнь.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ¹ ПОБЕЖДАЕТ

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ ЭКВА-ПЫГРИСЯ

К ая-ю-йинг юи-йинга!

Посреди деревни играет Эква-пыгрись. О, это уличный мальчик, шумный мальчик! День за днем без конца играет с ребятами, топчет траву, ломая хворост.

В один из таких хороших, звонких дней домой возвращались два сына городского богатыря. Один говорит другому:

— Знаешь, я нашел дом священного зверя, берлогу нашел. Пойдем завтра утром на медведя!

А у Эква-пыгрися чуткое ухо. Услыхал. Подбежал к ним и говорит:

¹ Эква-пыгрись — бабушкин внучек.

— Вы нашли дом священного зверя? Завтра настанет золотой день — возьмите меня с собой. Копчиком вашего пояса буду. Крепче станет ваш охотничий пояс!

Хозяйские сыновья говорят:

— Иди прочь! Зачем ты нам нужен!

Эква-пыгрись упрасивает их, умоляет. Один из них сжалился, говорит другому:

— Ладно, пусть идет!

Обрадовался Эква-пыгрись, побежал к бабушке. Никого ведь у него, кроме нее, нет. А у бабушки дома валялась большая трехгранная игла. Взял он ее, вычистил ржавчину, точить стал. Долго ли, коротко точил — получилось копьё. В углу валялась еще тупая железяка. Поточил — получился острый топор, большущий топор! Хоть на врага иди, хоть на зверя иди!

Рано утром, когда золотое солнце только еще расплетало косы, Эква-пыгрись побежал к сыновьям городской головы.

— Ну, братцы, скорее собирайтесь! — говорит он.

А те тоже уже готовы.

И встают они лицом к соболиному лесу, и идут они по звериному лесу.

Однажды один из братьев шепчет:

— Вон дверь священного дома лесного духа!

Над тайгой прогремел звериный рев, выскочил медведь из своей берлоги и прямо на них!

И замечает Эква-пыгрись: братьев нет! Оба удрали!

Один на один с медведем остался!

Идет зверь на него, Эква-пыгрись идет на зверя. Заносит он топор над головой — и ударяет соперника. Потом копьём острым колет. И лежит священный зверь у ног мальчишечьих. И хотя Эква-пыгрись был шумный и вертлявый мальчик, который на городской улице лишь дрался да дерзил, а заветы старины помнил. И как муж, достойный своего соперника, он по всем законам тайги в духовный мир стал отправлять медведя.

Он расстегивает пять пуговиц богатой медвежьей шубы, и кладет его на люльку из трех черемушких обручей, потом на нарты ставит и в городище шумное с медвежьим ревом, звериным криком везет лесного духа. А в городе том слышат крик и радуются, что одним духом больше стало, одним зверем меньше стало! Весь город бежит навстречу, снегом моют друг друга, водой плещутся, собаки лают, старики, как дети, играют. А бабушка, счастли-

вая бабушка, посреди города стоит и улыбается шуку, улыбается людям. Сыновья отыра, хвастливые сыночки, за углами домов где-то прячутся. А Эква-пыгрись — шумный уличный мальчик — у головы медведя сидит. Молча сидит, как настоящий охотник, вернувший медведя опять в мир божественных духов.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ СПАСАЕТ САНКВАЛТАП

На Медвежий праздник часто съезжаются люди разных концов мансийского края. Бывает на них и Петр Ефимович Шешкин. О, вы его знаете! Это самый знатный народный умелец! Его деревянные скульптуры можно увидеть в музеях Ханты-Мансийска и Тюмени, даже в Москве и Ленинграде. Поет он песни. Знает и много народных сказок. Одну из них я пересказал по-русски. Послушайте.

Живет Эква-пыгрись с бабушкой в глухой тайге. Там, рядом с их избушкой, нет других домов. Стоят только кедры, ели, лиственницы. Высокие деревья. Летом они пахнут смолой, а зимой — снегом. Сквозь густые зеленые лапы елей сияет лишь кусочек неба: так много на них хвои. Рядом с избушкой бежит-звенит, играя камушками, узенькая таежная речка.

Эква-пыгрись тоже играет. Играет с деревьями — стреляет по ветвям из лука, и тогда на землю падают снежинки, играет со следами зверей, которые нарисованы узорами вокруг избушки.

«Какого это зверя следы? — думает Эква-пыгрись, рассматривая их. — Наверное, большого — вон какие крупные. А что, если какого-нибудь зверька поймать? Спрошу-ка я у бабушки, как это сделать. Она долго жила — наверное, знает».

И спросил.

— Научу я тебя, внучек, научу, — сказала бабушка. — Будешь ты сильным, смелым охотником.

И научила. Из жил оленя сделала петли. Рассказала, как их поставить: на Севере бабушки знают все охотничьи тайны.

Поставил Эква-пыгрись петли. Целый день не сводил с них глаз. Звери ходят мимо. Слева и справа оставляют следы. Смеются...

Загоревал Эква-пыгрись, ушел в избушку, спать лег. Утром смотрит, а в петле кто-то рыжевато-черный шеве-

лится. Шерсть длинная, как у пушистой собаки. Скалит зубы, рычит. Испугался Эква-пыгрись, хотел убежать домой, к бабушке, да вспомнил, что собирался стать охотником. Стыдно ему стало. А зверь тянется к мальчику, глазами сверкает.

«Что ты сделал, охотник?— думает Эква-пыгрись.— Может, зверя палкой пристукнуть?»

Стал искать палку. Нашел подходящий сук. Стукнул зверя раз — тот еще злее зарычал. Стукнул другой раз — еще сильнее зверь забился. Может, пожалеть его — и он будет добрым? Хотел погладить, а тот как бросится на Эква-пыгриса, как зарычит! Чуть не укусил. Зубы у него острые.

«И вправду, оказывается, звери злые»,— думает Эква-пыгрись. Собрал он все свои силы и ударил зверя сильнее прежнего. Черные ресницы закрыли злобные глаза... Еле-еле взвалил Эква-пыгрись зверя на плечо и понес к избушке.

Дотащил до избушки и спрашивает удивленную бабушку:

— Как звать этого лохматого зверя? Не росомаха ли?

— Отгадал ты, внучек. Росомаха это,— говорит бабушка.— По-мансийски — тулмах-хитрый, значит, злой вор. Как это она тебя не съела? Видно, ты настоящий охотник...

С этого дня Эква-пыгрись каждое утро стал носить домой зверей. То принесет добычу в огненно-рыжей шубе. Это лисица — красный зверь. То в голубой — песца. Это голубой зверь. То принесет он добычу в шубе темной как ночь. Соболя принесет. Это черный зверь.

Живут Эква-пыгрись с бабушкой в своем уголке леса. Хорошо живут. Настоящим охотником стал Эква-пыгрись, смелым, ловким. Однако бабушка не разрешала мальчику уходить далеко от избушки. Все время учила внука, говорила:

— Выйдешь на опушку, далеко не ходи. Там менгвылюдоеды живут. Поймают тебя, съедят.

Эква-пыгрись слушался бабушку и далеко от избушки не отходил. Надоест ему играть — домой идет.

Но однажды, играя, задумался он: «А что, если уйти подальше от дома? В лес. Посмотреть, что там, как?» Задумал — пошел. Идет, посматривает вокруг, удивляется. Лиственницы словно выше стали, кедры словно кудрявее стали. В своих кудрявых головах прячут золотое

солнце. Идет Эква-пыгрись, озирается. Боязно ему, но хочется узнать, что там, дальше, и ноги сами шагают вперед.

Вдруг видит Эква-пыгрись — среди самых высоких деревьев, в самом густом лесу стоит дом из толстых-пре-толстых бревен.

Кто-то большой, видно, здесь живет. Страшно ему, а узнать, чей дом, хочется. Прислонился к двери, прислушался: есть ли кто в доме? Слушал, слушал — никаких звуков не уловил. «Нет, наверное, никого», — решил.

В дом зашел. На нарах, на постели из шкур черных и красных зверей, сидит кто-то темный, большой.

Маленькое, как сосновая шишка, сердце мальчика дрогнуло, как тоненькая веточка на ветру, чуть-чуть закачалось. Но Эква-пыгрись сказал себе: «Если ты решил узнать, что делается на свете, — не одно существо к тебе еще навстречу выйдет. Если вернешься назад, никогда ничего не узнаешь».

«Это, наверное, Менгв? — подумал он. — О нем рассказывала бабушка».

А Менгв сидит, не шелохнется. Как пень сидит, не шевелится.

Эква-пыгрись у двери стоит. Он тоже осторожен. Прячет в груди стук сердца, в кулаке свое дыхание прячет. Долго ли, коротко ли стоял, вдруг Менгв зашевелился, на нарах покопошился, и в руках у него оказался пятиструнный санквалтап¹. Тронул Менгв струны крючковатыми пальцами — будто ветер заплясал среди осин, словно вода зажурчала среди тающих льдин. Из морщицистых уст старика крылатыми птицами полетели слова, крылатой рыбой песня поплыла:

Тэнгиль, тонгиль...
Пятилетний олень-красавец,
Где бы ни стучали
Твои звонкие копыта,
Пусть тебя приподнимет
Крылатый зверь,
Пусть крылатый зверь
Тебя ко мне несет!
Пусть ко мне несет!

Где-то вдали вдруг загремел гром. Гремел, гремел вдали — в доме загремел.

¹ Санквалтап — музыкальный инструмент манси.

«Что-то большое свалилось!» — подумал, зажмурившись, Эква-пыгрись. Открыл осторожно глаза и увидел пятилетнего оленя.

Людоед Менгв встал на ноги. Ноги его, как два сросшихся дерева. Крепко стояли они на земле. Так крепко, что даже рогатый олень запрыгал от страха. Стукнул Менгв оленя кулаком — из пенистого рта рогатого повис красный язык.

— Какое нежное мясо! — воскликнул от радости Менгв.

Отрезал он язык у оленя и отложил в сторону, чтобы съесть его сырым. Слюнки текут у него, да шкуру сдирать надо, а то кровь животного остынет, а Менгв любит пить горячую кровь.

Содрал он шкуру, режет оленя острым ножом. Лучшие куски кладет отдельно в длинную деревянную чашу, чтобы съесть сырыми.

Разрезав гушу на куски, разжег в чувале¹ огонь и повесил над ним каменный котел.

Пляшут в чувале огненные языки, черной лисицей бежит дым к отверстию на крыше. Светло стало в доме без окон, а Менгв все еще ходит на ощупь.

«Не слепой ли он? — думает про себя Эква-пыгрись. — И, наверное, глухой: не услышал, как вошел я в дом».

Пока Менгв возился с тяжелым котлом и высекал искру огня из камня, Эква-пыгрись взял лучшие куски мяса, постоял еще немного, посмотрел на Менгва, потом осторожно вышел на улицу и пошел к своему дому.

Слюнки текут у Менгва. Ищет он сырое мясо и нежный олений язык. Ищет, ищет — не находит. И себя ругает:

— Кажется, сюда я клал эти куски... Неужели я бросил их в котел? Вот до чего дожил!..

Когда мясо сварилось, он вывалил его в длинную деревянную чашу и стал есть, ощупывая каждый кусок.

— Нет, не этот. И не этот, — говорит он. — Те куски должны быть сочнее... Куда я их дел?

В деревянной чаше не осталось ни крошки — все съел и даже вылизал Менгв. Сытый, чуть подобревший Менгв говорит:

¹ Чувал — очаг с прямым дымоходом.

— Наверное, те жирные куски мяса валяются на полу. Я их обронил.

И стал он ползать по полу, шарить руками, но так ничего и не нашел.

А между тем, Эква-пыгрись пришел домой. Пришел и говорит бабушке:

— Был я в лесном доме. Живет там какой-то дедушка. Я взял у него мяса немного.

Испугалась бабушка, запричитала:

— О, большое золотое небо! А я и не знаю, где бывает мой внук...— И стала наказывать Эква-пыгрисю:

— Ты туда больше не ходи. Менгв — великан-людоед там живет. Отца, мать, всех твоих родственников съел он. И тебя поймает. Не ходи туда, золотко...

— Если так, то не пойду, бабушка, не пойду! — успокоил ее хитрый Эква-пыгрись, а сам думает: «Так вот ты какой: оленей губишь, людей ешь. Ладно, посмогрим, кто из нас сильнее, кто хитрее».

Поели они вкусного мяса, легли спать.

Настало утро. Бабушка с внука глаз не спускает, за каждым шагом следит: опять бы не убежал!

Эква-пыгрись около избушки играет, на бабушку поглядывает. Заметив, что она отвернулась, росомахой метнулся в кусты.

Пришел к дому Менгва, подобрался к двери, стал слушать, нет ли в доме кого лишнего.

Кажется, посторонних нет.

Тихонько вошел в дом, встал у двери. Менгв лежит на нарах, что-то напевает. Лежал, лежал на звериных шкурах, поднялся, покопался в углу, достал санквалтап. Зазвенели струны, и опять поплыла песня:

Тэнгиль, тонгыль...
Шестилетний олень-красавец,
Где бы ни стучали
Твои звонкие копыта,
Пусть тебя приподнимет
Крылатый зверь
Пусть крылатый зверь
Тебя ко мне несет!

Где-то вдали загредел гром. Гремел, гремел вдали — в доме загредел. Шестилетний олень-рогач в руках Менгва запрыгал. Боролись, боролись они — освеживал Менгв оленя. Отобрал самые вкусные, самые сочные куски и стал разжигать огонь.

А Эква-пыгрись тут как тут. Собрал лучшее мясо, сложил его в подол малицы и — к дверям.

Повесил Менгв котел каменный и решил полакомиться сочным мясом. Ищет отложенные куски и не находит.

— Неужели я их смешал с остальными?

Когда мясо сварилось, он разложил его в длинной деревянной чаше и поставил на стол остывать.

Принялся Менгв есть. Ищет жирные куски.

— Наверное, в котле остались?— говорит он сам себе.— Ладно, с бульоном съем.

Большой деревянной ложкой пьет он наваристый бульон, а мяса опять не находит.

— Может быть, с улицы кто заходил? Столько мяса куда могло деться?

Опечаленный, голодный, улегся Менгв на нары.

А Эква-пыгрись пришел домой, говорит бабушке:

— Я опять там был. Дедушка дал мне мяса.

Задрожала бабушка, запричитала:

— Золотая солнечная рука! Опять я просмотрела его! Опять он к Менгву ходил. Когда-нибудь людоед тебя обманет, поймает и съест,— говорит она Эква-пыгрисю.

— Будь добр, не ходи к нему больше!

— Хорошо,— говорит Эква-пыгрись, но на другой день происходит то же самое. Опять бежит он к Менгву. Тот берет в руки санквалтап, и на его песню крылатый зверь приносит в дом Менгва семилетнего красавца оленя. Менгв побеждает оленя. Садится есть. Но самых сочных, самых вкусных кусков снова не находит и вздыхает печально:

— Ха, как это я стал терять мясо? Видно, все-таки кто-то с улицы заходит. Уж не Эква-пыгрись ли? Может, он подрост? погоди, внучек. Вот поем я мяса, и будете вы с бабушкой в моем котле вариться.. А может, и сейчас ты здесь?

И стал Менгв ходить по дому, искать Эква-пыгрися. Вдруг его руки коснулись чего-то, и он закричал:

— Ха, попался! Я тебе покажу!

Стал ощупывать — дверная ручка.

И опять принялся Менгв искать свою добычу. Вытянув вперед руки, крутится по дому. А Эква-пыгрись с мешком мяса прячется за спиной Менгва-людоеда. Куда людоед повернется — туда и он. Искал, искал Менгв — устал. Грустный сел на нары. Жует жилистые куски, ругается:

— Вот поймаю тебя, Эква-пыгрись, покажу тебе жирное мясо! Будешь вертеться на моем языке!

Пришел Эква-пыгрись домой. Выложил мясо. Постоял молча, подумал, вышел на улицу. Долго ли ходил, коротко ли ходил, принес два больших камня. Привязал каждый камень к веревке, один груз закрепил на бабушке, другой — на себе...

Ел, ел Менгв оленье мясо — все голодный. Тогда взял он снова свой каменный котел, повесил его над огнем и опять заиграл на волшебном санквалтапе:

Тэнгиль, тонгиль...
Эква-пыгрись с бабушкой,
Где бы вы ни были,
Пусть вас приподнимет
Крылатый зверь,
Пусть крылатый зверь
Вас ко мне несет!

И в лесную избушку, где жили Эква-пыгрись с бабушкой, ворвалась злая сила. Бабушку с внуком то приподнимет, то опустит, из угла в угол кидает. Только камни на их шеях качаются, не дают в воздух подняться. Схватятся бабушка с Эква-пыгрисем за нары — соскальзывают руки, как со свежей скользкой рыбы, тянет обонх к трубе чувала. Хватаются они за трубу — только сажа на руках остается. И понес их крылатый зверь к дому людоеда.

Уже запахло дымом. Вот-вот затянет их в чувал.

— Держись за трубу! — кричит Эква-пыгрись бабушке.

Сам схватился за другую сторону трубы и, сняв с шеи камень, бросил его вниз.

— Буль, буль, — забулькало в котле.

Бабушка смотрит на внука и делает то же, что и он.

— Буль, буль, — забулькал и бабушкин камень.

— Я хай! — обрадовался слепой Менгв. — Упали вы в котел... Теперь я вас ням, пям, ням! Ах, как вы расстаете на моем языке! — И перестал Менгв играть на санквалтапе.

А Эква-пыгрись опустил с крыши на землю бабушку, сам зашел в дом. Видит — сидит Менгв радостный, руки потирает, посмеивается:

— Я хай! Ха, ха, ха!.. Эква-пыгрись с бабушкой в моем котле варятся.

Эква-пыгрись стоит у двери, слушает хвастливую речь Менгва и удивляется: «Я-то думал, он умный!»

А Менгв шумит, как осина на ветру, похвальноется. Наконец, успокоился.

— Наверное, сварились, — довольный говорит.

Снял он с огня котел, взял поварешку...

Между тем Эква-пыгрись тише горностая подкрался к нарам, схватил волшебный санквалтап, выбежал из дома Менгва и направился к своей избушке.

Вытащил Менгв поварешкой камень и говорит:

— Что-то тяжелое, твердое. Даже стучит!..

Когда второй камень бросил в чашу, искры полетели, гром прогремел.

— Что это такое? — размышляет вслух Менгв. — Лучшие мои глаза и уши — руки. Поцупаю-ка.

Ощупал камень, приподнять попробовал.

— О! Какое жгучее, тяжелое! Неужели они в камень превратились?! Я даже полакомиться не успел...

Бросил с бранью камни и, грустный, почесывая лысую голову, сел на нары.

Пришел Эква-пыгрись домой. С улицы принес длинную пешню, которой долбят в речке лед. Поставил ее в чувал острием вверх. Бабушка с любопытством смотрит на внука, ничего не говорит.

Эква-пыгрись взял в руки санквалтап, тронул струны и, как Менгв, запел песню:

Тэнгиль, тонгиль...
Крылатый зверь,
Расправь крылья
И песи людоеда Менгва
К дому Эква-пыгрися...

В доме Менгва все закрутилось. Людоеда приподняла неведомая сила. Вадрогнул он от страха, потянулся к нарам, где лежал санквалтап, а там — пусто.

— Эква-пыгрись... — промелькнуло у него в голове. — Это он украл санквалтап! Он победил!

И заплакал Менгв, закричал от испуга. Только сейчас понял он тайну камней!

А таинственная сила все поднимает и поднимает его вверх, по дому носит. Схватился Менгв за дверную ручку — оторвал. Уцепился за стол — стол вместе с ним в воздух поднялся. Вот уже неведомая сила в чувал его затащила. Ухватился Менгв за трубу — оторвал трубу. И понес его крылатый зверь, тот, что не раз приносил ему вкусных нежных оленей, а то и людей, над острыми вер-

хушками деревьев. Схватится Менгв цепкими руками за деревья, вместе с корнями вырываются... Визжит, плачет, умоляет Менгв крылатого зверя, но не слушает его тот, несет в дом Эква-пыгрися.

Вот и избушка. Затянуло Менгва в трубу и, пронзенный острой пешней, умер он.

Положив волшебный санквалтап на нары, подошел Эква-пыгрись к чувалу. Вытащил пешню из тела людоеда, отнес Менгва в дом, где людоед жил, и закопал у двери.

— Не хотел честно жить — под ногами валяйся!

Пришел Эква-пыгрись домой, взял в руки волшебный санквалтап и задумался: «В руках плохого человека этот инструмент принес людям много горя, слез. А мог бы приносить радость. Теперь он в моих руках. Прежде, чем тронуть злую струну, много надо думать!..»

И с тех пор поет санквалтап в руках человека. Струны его, сделанные из жил лося, рассказывают о горе и радости народа. Когда мороз и печаль в сердце, — воют вьюгой; звенят, журчат ручьями весенними, когда приходит к людям счастье.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ ИДЕТ В ГОРОД

Живет Эква-пыгрись с бабушкой. Охотится. Много черных и красных зверей убил он. Много мягких и пушистых шкурок стало в тесной избушке.

И спрашивает тогда Эква-пыгрись свою бабушку:

— Зачем нам столько шкурок? Куда их девать?

— Внучек, да мы их потом в город повезем и помением их у купцов на золотые и серебряные монеты... А на монеты купим себе то, что нам необходимо.

Услыхал об этом Эква-пыгрись и стал проситься в таинственный город. День просится — бабушка не отпускает. Второй просится — бабушка не отпускает.

— Куда ты один? — говорит она. — Заплутаешь в большом городе, там народу много, как в тайге зверей. Разные там люди... Третий день Эква-пыгрись просится, костью в горле бабушки застрекает, наконец она решается...

Собирает внука в большую дорогу, рассказывает:

— По нашей узенькой тропке пойдешь, долго ли, коротко ли пройдешь, широкую дорогу увидишь. Это царская дорога. Вправо пойдешь по ней — в царский город

придешь. Одна золотая сторона его вверх лезет, другая золотая сторона его вниз спускается... Ты иди в центр, спроси у людей лавку купца Мань-вата-хум. Он у тебя все шкурки возьмет и деньги даст. Твои отец и мать в свою бытность всегда у него меняли...

Настало утро. Бабушка помогла запрячь в легкие нарты большую, пушистую собаку и уложить в нее мешки с драгоценными шкурками. И Эква-пыгрись зашагал по узенькой тропке, петляющей меж высоких кедров и лиственниц.

Долго ли, коротко ли шел, тропка привела к большой, широкой дороге. Пошел вправо, как сказала бабушка.

Дорога привела в город. Никогда Эква-пыгрись не видел такого чуда: дома в одной стороне высокие, как горы, сияют окнами. В другой стороне дома низенькие, и, как карликовые кусты, бегут под гору к долине речки. И народу много, как рыб весной в таежной речке. И шумно в городе, как в тайге, когда летает ветер. Идет в центр города и спрашивает, где живет купец Мань-вата-хум. И видит Эква-пыгрись, как два глаза за ним наблюдают, не отстают от него.

«И чьи это такие глаза?» — думает Эква-пыгрись.

— Что ты ищешь, мальчик? — спрашивает наконец хозяин странных глаз.

— Я ищу лавку купца Мань-вата-хума.

— А что ты ему привез?

— Шкурки черных, красных, белых зверей...

— Так много?! Нет у купца столько денег!.. Царь только может. Пойдем к нему...

Пришли к царю. Одежда у него переливается, сияет, как снег при золотом солнце. Борода у него, как хвост у сороки. Глаза его обросли жиром рыбьим, гноятся. Удивленно он смотрит на пришельца и говорит:

— А я-то думал ты человека привел... Где нашел этого мальчика?

— На улице, — говорит приведший Эква-пыгрись.

— Ну, что привез в город? — спрашивает любезно царь.

Эква-пыгрись вынимает из мешков мягкие шкурки черных, красных и белых зверей. Кладет их к ногам царя. Глаза у него расширились от удивления, стали как две мутные луны.

«Видно, это необыкновенный мальчик, — мелькнуло

в его хитром, извилистом уме.— Не найдет ли он живой воды? И как его обмануть? О владыке земли у него должно остаться хорошее мнение...»

— О-хо! И где ты столько зверей убил? Видно, ты хороний охотник! Сколько за все это ты просишь?

— Сколько стоит, столько и прошу.

— Стоят-то они дорого! — умиленно говорит царь.— Да вот ты мне нравишься. Видно, ты мудрый охотник. Будешь жить у меня, в царском дворце. Мой мед и золото — твои. Да только ты мне сначала принеси живую воду: глаза мои стали плохо видеть. А за шкурки зверей уплачу потом, они ведь не дорого стоят.

И велел он напоить, накормить Эква-пыгрися медовым питьем-едой и уложить спать в хоромах. А наутро Эква-пыгрись опять зашагал. Верный пес его, чувствуя путь-дорогу домой, радостно взвизгивал и удивленно поглядывал на пустую парту.

Долго ли шел, коротко ли шел, пришел домой, к бабушке. Обрадовалась она, бросилась обнимать и спрашивает:

— Что, сынок, принес с богатого города, на что выменял дорогие меха?

— А ничего не принес. Купцов я и в глаза не видал. Зато был у самого царя. Будем мы жить в золотых хоромах, когда найду живую воду. Был я у самого царя! Если найду ему живую воду, с ног до головы осыплет он меня золотом, и будем жить с тобой в его сверкающих хоромах. Тогда царь уплатит и за шкурки...

Услыхала это бабушка, зачесала свою седую голову, запрыгала, заплакала:

— И зачем тебя я в этот город посылала! И что они с нами, с тобою сделали. Опять обманули!..

И вправду говорят: тот, кто в золоте живет, — золото обещает, последнее возьмет — и пустым за новыми дарами пошлет... Ох ты, хитрый царь! Ох, коварный!

Сидит Эква-пыгрись в темном углу. Слушает бабушку. И о многом думает...

ЖИВАЯ ВОДА

Настало новое утро.

— А живую воду надо достать! — говорит Эква-пыгрись.

— С начала рождения земли ни одному не удавалось

добыть живой воды не стрелою острою и не саблей стальной! Если только мудростью... А мудрость приходит к выдержанному, настойчивому... Куда тебе младенцу до живой воды?! — причитает бабушка.

— А озеро такое в мире есть. Я расскажу. Главное, будь внимательным. На закате смотри, запоминай: через какое плечо солнышко расплетает свои золотые косы. Которое плечо оно опускает ниже — в ту сторону и иди.

Долго учила бабушка своего внука, как по жизни идти, внимательно слушал Эква-пыгрись: теперь-то он уже знает, что старших надо слушаться. Запомнил он город...

Выслушал он все, набрался ума-разума и пошел искать свою судьбу-дорогу...

Шел он и на быстрых лыжах, обшитых блестящей шкурой выдры, скакал он на оленях ветвисторогих, плыл на плотках и легких лодочках-калданках и просто пешком шел... Семь раз настигала его морозная зима, семь раз расплывалась перед ним весна половодьем рек и головами птиц, семь раз он шел под пустынным зноем лета, семь раз слушал хрустящую песню осени. На своем пути он пережил все невзгоды, испытанные человечеством, вдохнул и счастье дальней дороги...

Наконец он дошел и до места заката. Озеро сияло. Одна сторона ее золотом туманилась в небе, другая сторона сверкала над землею зеленовато-огненными волнами. Подполз ближе к озеру, в зарослях тальника запрятался, смотрит и дивится чуду.

А вокруг озера ходят великаны Менквы. Головы их, как маленькие солнца, излучают свет. А в руках у них тугие луки и яркие стрелы. Под их ногами громоздятся целые горы костей птиц, зверей, людей: ни одну каплю живой воды никому не удавалось унести отсюда. И вспомнил он напутствия бабушки и задумался: «Наверно, все приходили сюда шумно. Видно, хотели они взять живую воду только силой. Потому и погибли...»

А между тем солнце склонялось к закату. Спускалось, спускалось оно, и, наконец, крылатый олень, тяжело дыша, застучал копытами у берега. На него невозможно поднять глаза — и копыта, и рога пылают золотым пламенем... И под этим светом и травы зелеными, и тальник колючий, и дальние деревья светят насквозь.

Эква-пыгрись от страха чуть-чуть не соскочил, чуть

не побежал прочь. Но, вспомнив о наставлениях бабушки о настойчивости, стиснув зубы, он сильнее прижимается к земле, чтобы придавить в себе страх... А Менквы со стрелами в руках рядом ходят...

Солнышко слезло с оленя, и, распустив свои золотые косы, они вместе с оленем стали купаться в переливающейся живой воде. Накупавшись вдоволь, они вышли на берег. Глаза солнышка стали еще яснее и прекраснее.

«Вот жениться бы мне на такой!» — подумал Эква-пыгрись, но, вспомнив наставления бабушки о том, что пустые несбыточные мечты отнимают у человека пути к его дальней цели, он выбросил эти мысли из головы и сразу почувствовал себя победителем.

Пока одно не сделал — за второе не хватайся! Убивай в себе другие желания!

Он пристально стал наблюдать за озером, за оленем, за великанами.

Тряхнуло солнышко своими расплетенными волосами — и над озером, над дальними лесами, горами расплескалась алая вечерняя заря. Отпустив оленя на пастбище, уставшее светило медленно побрело в золотой туман, выющийся над землей. Скрипнула туманная дверь, взглянуло солнышко последний раз на мир и ушло спать. На земле стало темно. Уснули рыбы, звери, замолкли птицы, тише стали шаги великанов.

Тише соболя стал ползти Эква-пыгрись к озеру. Менквы соболя не видали. «Наверное, пройду! — подумал Эква-пыгрись. — Они привыкли к шуму. Видно, за живой водой раньше ходили лишь войной».

Подполз к озеру. Вытащил маленький мешочек, сшитый из стерляжьей кожи. Наполнив его живой водой, в карман поставил и, не торопясь, по-собольи пополз обратно.

«Не думай о постороннем. Не пугайся случайного шороха. Не нарушая законы тихой ночи, ты иди к своей цели!» — вспомнил слова бабушки. Исполнив этот завет, он был уже далеко от озера с живой водой.

Долго ли, коротко шел, до царского города дошел. «Пойти ли к царю? — думает Эква-пыгрись. — Или прямо домой, к бабушке?»

«Слово дал — выполни!» — вспомнил завет бабушки. И сразу направился во дворец. Сидит царь на покосившемся троне. Острая борода стала белее чайки, а голова

блестит, как луна. Узкими щелочками глаз глядит на него и спрашивает своих слуг:

— Кого вы привели ко мне?

— Я Эква-пыгрись!

— Я что-то такого не слышал! — усмехнулся он, кри-
вая беззубый рот.

— Вы меня отправляли за живой водой.

— Многие ходили за живой водой. Но никто не воз-
вращался. А что ты оставлял?

— Красных, черных, белоснежных зверей. Жду рас-
чета.

Царь прищурил глаза и с удивлением стал вглядыва-
ться в пришельца.

— Где же твоя живая вода?

Эква-пыгрись вытащил из кармана мешочек из стер-
ляжьей кожи, развязал его и чуть приоткрыл.

Царский дворец озарился ослепительным светом.

— Хо! — вскрикнули слуги, разбегаясь в стороны.

— О-хо! — вскрикнул царь, закрывая глаза руками.—
Ты не живую воду принес, а камень, слепящий глаза ядо-
витым светом. Живая вода не сияет!..

— Неужели ты, всемогущий царь, не видел росистого
утра, когда капельки маленькие и хрусталими светятся
с трав и листьев? Неужели ты не знаешь, что в такой день
солнце особенно яркое, все сияет и искрится? Это от жи-
вой воды, упавшей на землю. От нее распускаются цветы,
растут быстрее шишки кедровые. Это даже маленькие
дети знают.

Удивился Эква-пыгрись тупости царя, положил мешо-
чек в карман и направился к выходу.

— Постой, постой, Эква-пыгрись! Если вправду жи-
вая вода — помойся!

Достал Эква-пыгрись из кармана волшебный мешо-
чек, сшитый из стерляжьей кожи, помазал лицо живой
водой — белее зимнего зайца стало оно, помыл глаза
сияющей водой — яснее месяца стали они. Долгую жизнь
прожил царь на земле, долго царствовал, но такого кра-
савца еще не видел.

И бросился он к живой воде, как волк на добычу. Бро-
сились и царевичи, и слуги. И с яростью зверей стали они
тянуть в разные стороны волшебный мешочек. Засверка-
ли сабли и ножи. С удивлением смотрел на них Эква-
пыгрись. И подумал с ужасом: «Неужели и люди такие?»

А между тем все уже мертвые лежали: и царь, и на-

ревичи, и слуги. От жадности друг друга поубивали.

Эква-пыгрись взял уроенный на пол мешочек с живой водой и, охваченный думами, направился в свой лесной край, к своей бабушке.

Пришел к избушке — не узнает: три угла ее свалились. В четвертом углу у потухшего чувала маленькой, высохшей куклой, сделанной из корня, сидит бабушка. Смотрит она на своего внука и не узнает.

Достал Эква-пыгрись волшебный мешочек, сшитый из стреляжьей кожи, прыснул живой водой на нее — и помолодела она, глаза стали лучистыми и добрыми, совсем как в детстве.

И стали они жить в своем уголке леса. С тех пор царей и слуг не стало, а бабушки живут и сказки внукам сказывают...

НАЛИМЬЯ ПЕЧЕНЬ

Эква-пыгрись сделал запор. Это перегородка в речке. Из кольев она сделана, ловушка-гимга поставлена. Вкусного налима захотел Эква-пыгрись. Речку перегородил, гимгу поставил.

На другой день пошел смотреть. И удивился: кто-то успел раньше его вытащить весь улов. «Кто-то, кроме меня, еще есть в тайге, — подумал Эква-пыгрись. — Почему они только в чужую ловушку смотрят. Неужели самим рыбы не поймать? Ведь ее столько!..»

Пошел на берег. Среди кустов запрятался. Сидит. Ждет. И вот что-то зашевелилось. Ожил берег речки: по камешкам прибрежным, по снежку идут три девушки. Легкими шажками идут, озираясь вокруг идут, будто кого-то боятся.

Долбят лед, вытаскивают гимгу. А там выются налимы. Усатые и скользкие налимы. Вид у них не ахти какой приятный, да печень у налима вкусная. Видно, эти девушки печень нежную любят. Сбросили они рыб на лед. Потом одна из них выбрала небольшого налимчика и через него три раза перешла. То же самое сделали и подружки. Потом этого налима бросили обратно в гимгу, которую тут же поставили в воду.

«И зачем это все они проделали?» — думает про себя Эква-пыгрись. Но потом вспомнил, что налим — рыба священная. Женщинам ее не только перешагивать, но

и резать нельзя. Если кто-то случайно перешагнул налима, то эта рыба уже испорчена, опоганена. Ее и собака-то не будет есть. Вспомнил Эква-пыгрись этот обычай и понял в чем тут дело: девушки решили посмеяться над ним. Видно, недобрые эти девушки. Видно, они из рода злых духов — Порнэ. Миснэ — добрая лесная женщина, добрый женский дух — никогда подобного бы не сделала.

Эква-пыгрись и над Порнэ решил посмеяться. Пошел по девичьим следам. Увидел их таежный домик. Залез на крышу и сквозь отверстие смотрит вниз. А внизу уже поленья потрескивают, уха варится. Смастерил Эква-пыгрись удочку и стал выуживать печень. Одна вкуснее другой, одна сочнее другой.

А между тем Порнэ сели за стол. И вместо нежной печени друг друга грубой бранью кормят. Одна говорит: «Ты, наверно, съела!» Другая говорит: «Наверно, ты воровски вытаскала самые лакомые кусочки!» Ругают друг друга на чем свет стоит, сквернословят, бранятся.

А Эква-пыгрись сидит на крыше. Сытый и веселый ухмыляется над злыми женщинами, над лесными Порнэ. И думает: «Неужели и так бывает среди людей? Неужели и женщины такие коварные? А может, лишь духи лесные такие? И правильно ли поступил он, Эква-пыгрись, будущий человек?»

А печень у налима сочная!..

ЭКВА-ПЫГРИСЬ ЗАПЛЕТАЕТ КОСЫ...

В одном городище городской головой был жестокий человек. Станный это был человек: каждый день заставлял людей расчесывать свою голову. Тронешь волосок — человека убивает. За каждый волосок надо человека убить! Не роскошь ли это?! А волос у него было много! В три косы заплетали его черные, как болотистая вода, волосы.

Однажды его люди поехали на рыбалку. Закинули невод. Тянут-потянут, руки работают, а глаза видят: по плесу едет на легкой лодочке какой-то мальчик. Прямо в невод заезжает.

— Эй ты, озорник! Куда едешь?! Наш хозяин злой. Шевельнут ему один волосок — человека убивает, Убьет ведь тебя! Зачем на смерть лезешь?!

— Нет! Меня не убьет! Если ему надо расчесать волосы — пусть позовет меня! Если ему надо заплести косы — пусть позовет! Я мастер, каких он не видал! Лучше меня никто ему не сможет заплести!

Рыбаки уехали домой. В свой речной плес поплыл и Эква-пыгрись. Пришел в свою покривившуюся избушку, взял большущий нож бабушки и начал точить. Поточит — пробует резать. Проведет налево — трава подкошена, проведет направо — дерево срезано. Опять точит нож. Потом говорит бабушке:

— Меня зовут заплетать косы. Когда позовут меня на берег, когда я буду уже расчесывать волосы, ты веслом стучи по воде.

А нож сунул в карман.

И правда: хозяин городища позвал его заплетать косы. Не смог он не позвать мастера! Такие люди любят любой лестный слух. И любого мастера стараются себе прибрать. Будто весь мир, все хорошее создано только для них!

— На самом ли деле ты мастер?! — подозрительно спрашивает хозяин.

— О, ты еще не веришь! Не буду тогда! И не узнаешь, какой я мастер!

— Я пошутил. Расчесывай, заплетай.

Стал Эква-пыгрись работать. Проведет раз гребенью — стоит. И слышно: кто-то на реке стучит. Второй раз проведет — опять стоит. Опять слышен стук. Проведет еще — снова стоит. Все слышат, как на реке стучат, будто гребут. Много стучат, много лодок будто плывет.

— Кто же там едет на нас?! — испуганно говорят люди. — Неужели это опять враги какие-то. Убьют нас! Хозяин вытянул шею и смотрит не насмотрится в сторону, откуда стук плывет.

Совсем забылся он. Лишь в даль речную смотрит. И про косы свои забыл, и про мастера.

А Эква-пыгрись тем временем нож свой острый вытаскивает и режет ему горло. Не успел злой хозяин схватиться за саблю, лишь крикнуть раз успел.

— Пумасипа! Много раз спасибо! — говорят люди. — Какое хорошее дело ты сделал! Из-за его волос наш город лишился половины лучших людей, из-за его дурной головы наша земля половины лучших рыбаков лишилась! Пумасипа! Много раз спасибо!

В старину были еще купцы. Теперь о них лишь в сказках услышишь. Ну и жадные же они были: брат брата убьет за богатство! А простых людей обманывали как хотели!

— Вато-хум! — так их называли манси.

«На берегу караулящим» нарекли! И неспроста: с охоты ли идет человек, с рыбалки ли дальней возвращается — у берега реки подкараулит его если не купец, то его приказчик. Да сегодня сказ не об этом!..

В сказочном городе, в сказочной стране жил богатый купец. Было у него два сына. Старший женат. А младший совсем молоденький. Не торгует, не ездит по городам. Все играет да на постели валяется.

— Скоро я умру,— говорит он старшему.— Ты братца не обижай! Как хочет — так и пусть живет. А деньги и для него я наживал. Успеть бы мне только до смерти женить его!..

Женил купец сына. А потом спокойно пошел на тот свет. И стали жить два брата в одном доме. Братья из простого народа может и уживутся в одном доме, да только не купцы. У них другой характер. Так вот живут они. Старший брат ездит по стойбищам рыбаков и охотников, где за стеклянные бусы, серьги, до которых охочи северянки, он выменивает шкурки соболей и горностаев, за чугунные котлы и острые топоры он увозит в города осетров и пельм. Там их продает, на золотые деньги меняет.

А младший брат дома живет, ест-пьет, носит одежду, нажитую отцом. Однажды сноха, жена старшего, говорит:

— Ты всем готовым пользуешься. Проедаешь, пропиваешь нас. А ведь все брат нажил. А мужу шепчет:

— Проест тебя братец, пропьет. Никакой помощи от него нет!

— Что я еще с ним сделаю? — отвечает муж.— Разве он пользуется моим имуществом? Да и отец наказывал...

— Прогони его,— диктует жена.— Пусть он сам живет!

И старший брат начал его бранить, бить стал.

Младший говорит:

— Ты пожилой человек, я молодой. Я знаю: никакой работой не занимаюсь, но и не проедаю я твоего достоя-

ния, не пользуюсь твоими пожитками. Наш отец завещал: владеть отцовским наследством до тех пор, пока оно не кончится. Потом в нужду ли впаду, счастье ли обрету — того не знаю. Ты меня не ругай, не бей! Если я тебе пришелся не по душе, прикажи мне убраться из дома! Умру ли я, жив я ли буду, — жить буду сам по себе. Занимаюсь ли промыслом или не занимаюсь, — я сам по себе, никому не мешаю и тебе зла не причиняю.

Старший брат говорит:

— Задумал уйти, ну и ступай!

И выгнал его на улицу.

Под городом он нашел маленький домик и семьей там и стал жить. Брат из отцовского наследства не дал ему ничего. Нет у него ни пищи, ни одежды. Нищенствуют и как попало перебиваются. А семья уже выросла: родился сын. Долго жили, коротко ли жили, в один из дней наступили именины старшего брата. Говорит младший брат своей жене:

— Сегодня именины моего брата. Не сходить ли мне к брату в гости?

— Отстань! — отговаривает она. — Когда брат выгнал тебя из дома, тебе он ни копейки не дал. Если ты сейчас к нему пойдешь, как на тебя посмотрит?! Если ему нужен брат — позовет!

— Он пожилой человек. Не ему же идти первым?! Я молодой: мне первому и идти к старшему брату. И не просить я к нему иду. Схожу я ради своего удовольствия. Посмотрю, как он живет.

Сказано — сделано. Пришел в родительский дом. Там уже собрались со всего города богачи: князья, старшины, купцы, едят, пьют. Он стоит около печи. Сноха в кухне разливает чай, вино. Расставила рюмки, чашки, отдала их служанке и сказала:

— Подойдешь к печи, и, когда окажешься возле стоящего человека, нарочно задень его ногу и упади. Все эти чашки, рюмки пусть разобьются!

И вот служанка, подойдя к нему, носком ноги задела его и упала. Чашки с чаем, рюмки с вином на маленькие кусочки разлетелись. Тут подскочила сноха, говорит своему мужу:

— Словно бы у тебя и глаз нет?! Твой брат стоит возле печи, из-за него служанка разбила все чашки, рюмки. Уведи отсюда это чучело!

Старший брат схватил его за волосы и, волоча по

полу, выбросил на улицу. Там еще пинал ногами до самых ворот, бил кулаками, палкой.

Лежит на улице, пытается привстать, опираясь на руки, но никак не подняться. Так и лежит. Долго лежал, коротко ли — начал зябнуть. В глазах немного посветлело. Перетаскивая себя на руках, кое-как стал ползти по улице. Однажды слышит, что кто-то сзади едет на лошадях: повернул назад шею — правда, едет кибитка с запряженными в нее двумя лошадьми.

Когда кибитка поравнялась с ним, лошадей остановили. В кибитке сидели двое. Один говорит:

— Бедняга, что с тобой случилось?

— Любезные мои, — отвечает он, — то ли большие вы люди, то ли маленькие вы люди, этого я не знаю: это благодарность от моего старшего брата. Я ходил к нему в гости: ее я и несу домой.

Они говорят:

— Бедняга, мы видели, как бил тебя старший брат. Сейчас мы поедem. Ты же следуй по нашему пути. В какой дом мы войдем — вслед за нами входи туда!

— Если бы у меня была сила следовать за вами, — говорит он, — разве я так доползу?!

— Ты иди! Найдешь силы.

Они отъехали, он вскочил и чувствует, что ожил. Нигде ничего не болит! Бежит за кибиткой. Смотрит: в центре города стоит большой дом: кибитка через ворота въехала во двор этого дома. Вошел в ворота: никого нет. Зашел в дом — и там пусто. На кровати лежит мальчик.

— Младший сын богатого купца, бедняга, по какому делу зашел? — спрашивает он.

— Зачем я зашел? По улице меня догнали два человека, ехавшие из дома моего старшего брата, у которого они были в гостях. Они мне сказали: увидишь, в какой дом мы зайдем — туда и заходи. Откуда мне знать, зачем меня позвали?!

— Они звали потому, что ты был избит старшим братом. Иди домой, бедняга!

Вышел на улицу. Идет, думает: «Я, дурак, подумал, что они меня позвали, чтобы дать что-нибудь. Досталось мне то же несчастье». Шел, шел, и вдруг за пазухой у него что-то отяжелело. Пощупал: что-то другое, да такое тяжелое! Так и несет до дома. Пришел домой. Жена спрашивает:

— Ну, человек, ходивший в гости к старшему брату, что несешь?

— Если бы ко мне не подъехали два добрых человека, не прийти бы мне домой. Так тяжелы подарки моего старшего брата! На городской улице гончие псы изгрызли бы мои кости!

Отстегнул свой ремешок, и по полу покатился круглый предмет.

— Откуда ты взял этот мешок с деньгами? — вскрикнула жена. — Никак, ворованные деньги?! Срежьешь ты нам наши головы, и без того претерпевшие столько горя и несчастья!

— Нигде я не воровал, никто мне их не давал. Когда я шел по улице, то ли с неба за пазуху положили, то ли из земли выскочили.

Жена сосчитала: оказалась тысяча рублей золотом. В пище нужду испытали — пицци купили, в одежде нуждались — одежду купили. И живут себе.

Долго жили, коротко ли жили. В один из дней пошел он на реку, к городской пристани. Смотрит: к берегу пристал корабль. Оказывается, приехал купец из другого города. Купец вместе со своими людьми вышел на берег. Идет в город. Наверно, идет в гости к городскому голове. Подошел к нему, спросил:

— Бедный человек, не знаешь ли ты, где есть работник? Плаваая из одного города в другой, я держу двух человек, которые ведают кухней. Один из них умер. Мне надо еще одного нанять. Наверное, есть такой работник?

— Найдется человек или нет, откуда мне знать?

В это время слышит: за спиной будто кто-то говорит: «Что, тебе не нужны лишние деньги? Наймись на одну поездку!»

— Какого человека ты ищешь? — обращается он к купцу, который хотел уже уходить. — Я и есть тот самый человек, наймусь к тебе на одну поездку.

— Ты наймешься? А что просишь?

— Что я попрошу?! Ты сколько дашь?

Купец говорит:

— Сколько я дам? За одну поездку дам пятьсот рублей.

— Если дашь пятьсот рублей, я поеду.

— Ну вот, бедный человек, завтра в обед я отправляюсь в путь. В это время ты приходи на реку!

— Ладно, приду.

Пошел домой. Дома жена спрашивает:

— Где ты ходишь?

— Был у реки. Купец приехал из другого города, ищет работника. Я и нанялся на одну поездку.

— Что, у тебя есть нечего?! Бог нам дал денег на то, чтобы животы были сыты. Для чего ж тебе нужно было наниматься?!

— Это готовые деньги, пусть они лежат в одном месте! Нужно же мне заработать денег на будущее. За одну поездку мне обещали пятьсот рублей.

— Коли у тебя появилось такое желание, поезжай!

Наутро он пришел на пристань.

— Бедный человек, ты пришел? — удивился купец.

— Коли нанялся в работники, как же мне не прийти?! Вчера мне было назначено явиться к этому времени.

— Хороший ты человек, если своему слову верен, честный ты человек!

Сели на корабль. Корабль вывели на глубокую воду и тронулись в путь. Однажды подул такой резкий ветер, что вот-вот разобьет корабль. Не устоять даже на ногах!

— Бросай якорь! — командует купец.

— Здесь нельзя бросать якорь, — подсказывает наш герой.

— Сбросите здесь якоря, — корабль разобьет, люди погибнут и твое, хозяин, богатство погибнет. Вон там виден лесной мыс. Живыми или мертвыми мы должны добраться дотуда. Тот мыс окажется в таком положении, что кромка леса будет нам защитой от ветра.

Выл ветер, качал корабль, как щепку. Но до лесного мыса все же добрались.

— А ну-ка, подчаливай к берегу!

Въехали в защищенное от ветра место, причалили к берегу. В защищенном от ветра месте корабль не качает. Сын купца и говорит:

— Ну вот, и богатство твое не погибло, и люди живы, и ты жив.

— Бедняга, ты действительно умный человек, — молвил купец. — Меня спас, мои люди живы остались, мое богатство не погибло. Работником ты теперь не будешь. Назначая тебя главным над всеми! Я в дела вмешиваться не буду. Своих людей ты держи в руках! Как ты скажешь — так и должно быть!

День живут, второй проходит... А ветер крепкий, не утихает. Наступила ночь, одному человеку пришла оче-

редь сидеть всю ночь и нести вахту по охране корабля. Вечером он пришел к нему и говорит:

— Ты наш хозяин. Целыми днями можешь спать. Кто тебя побеспокоит?! А мы — рабочие люди. Перестанет вестер — работать надо. Подежурь ночью вместо меня. За то, что просидишь ночь, — триста рублей дам.

— Ладно, трудящийся человек, ложись спать! Какая у меня днем работа?! Хоть целый день буду лежать. Одну ночь просижу.

Все легли спать. Наступила полночь. Смотрит на скалистый берег. На вершине скалы загорелся огонь. Потом покатился вниз. Дошел до отмели, и пламенеет там маленький огонек. «Что это за чудо? — думает он. — Съезжу-ка я на берег ради интереса». На боку корабля висела лодочка. Отвязал ее, поехал к берегу. Вышел на отмель. Оказывается, это драгоценный слиток! Величиной с кулак. Взял его. А ночь темная, а вокруг все видно. Светится драгоценный слиток. Нашел рогожу, истоптанную, завернул в грязную рогожу и сунул в нос корабля. Рассвело. Люди встали, а ветер не утихает. Лег он спать.

А вечером — ветер такой же сильный. Один человек, которому нужно было дежурить, пришел к нему и говорит:

— Хозяин, как это я буду без сна всю ночь?! Завтра, наверно, выдастся тихий день, я же рабочий человек, а ты так время проводишь: посидел бы ты за меня этой ночью. За то, что ты будешь сидеть одну ночь, я дам тебе триста рублей.

— Ну ладно, ты рабочий человек, ложись спать! Я посижу за тебя.

Опять сидит. Наступила полночь. На вершине скалы снова загорелся огонек, скатился со скалы: на отмели горит. Отвязал лодочку — и на берег. Опять перед ним, как и тогда, такой же величины драгоценный слиток. Повез его с собой, завернул в ту же рогожу и оба слитка засунул в нос корабля. Просидел ночь. Рассвело, люди встали. Он лег спать.

Вечером опять один человек, которому нужно было дежурить, пришел к нему и говорит:

— Ну вот, ты — наш хозяин. Завтра, наверно, ветер стихнет, ты же лежащий человек, а я рабочий. Как я буду работать без сна? Посиди за меня эту ночь. За то, что ты просидишь одну ночь, я дам тебе триста рублей.

— Ты, рабочий человек, ложись спать. Я посижу.

А ночью случилось все то же самое. Да только драгоценный слиток оказался такой величины, что едва донес его до лодки! Посидел немного. Утром ветер стих. Разбудил людей. Когда корабль отчалил от берега, он лег спать.

Наконец приехал в город, куда держали путь. Купец — хозяин корабля сошел на берег, чтоб идти в гости к царю. Говорит ему:

— Я иду в гости к царю, ты тоже хозяин над людьми, разве не пойдешь со мной поесть-попить?

Он отвечает:

— Я, бедняга, с какой стати пойду к царю? Нет у меня для него подарков. Ты купец, для царя подходящий человек, а я что хорошего сделал для царя? Посплю на корабле возле берега, с меня и будет.

Купец отправился к царю. Приготовили столы, сели есть-пить. Разговаривают с царем:

— В том городе я нанял одного человека для работы на кухне. Когда мы ехали по морю, разбушевалась буря, если бы его не было, разбило бы мой корабль, погибли бы мои люди, пропали бы мои деньги и я бы погиб. Своим умом он спас нам жизнь.

Царь говорит:

— Оказывается, вот какого умного человека ты имеешь, так почему же он не пришел ко мне вместе с тобой? Надо его позвать сюда!

Царь послал человека позвать его. Человек пришел на берег.

— Пусть они едят, пусть пьют: как я, бедный человек, пойду к ним? — отговаривается он. Не пошел. После того как посланный за ним человек ушел, слышит сверху:

— Младший сын богатого купца, тебя зовут в гости к царю, почему не идешь?! Будто бы тебе не нужны лишние деньги. Если думаешь о будущем, иди к царю!

— Пойду к царю, а что я ему снесу?

— Что ты снесешь?! В то время, когда ты сидел возле моря, бог тебе что-то дал, два из них отнеси к царю, один положи перед царем, другой подари его жене! А большим, тем сам владей!

Третий раз пришел за ним человек.

— Царь зовет тебя к себе в гости.

Встал, взял в носу корабля два слитка, которые поменьше, положил их за пазуху.

Вышел на берег, пошел во дворец. Подошел к столу, лег к царю в ноги, встал, из-за пазухи вынул драгоценный слиток, положил его перед царем в серебряную чашу. Взял другой слиток, подал царице. Царь смотрел, смотрел и говорит ему:

— Бедняга, в каких краях ты приобрел такой предмет? За сколько купил? Я с титулом царя сижу, все земли в моих руках, такой вещи я еще не видывал, на такую вещь я еще не сматривал. Где же ты их взял?!

Он отвечает:

— Где я, бедный человек, взял?! Это бог мне дал.

Царь встал, посадил его возле себя, ели, пили. Пришло время уходить. Царь говорит:

— Твой купец пусть идет, тебя я не отпущу, живи у меня!

Царь поднялся со своего места, надел на него светлые царские одежды, надел ему на голову шапку:

— Ты будешь городским головой.

Остался у царя. Начали жить, едят, пьют за одним столом.

Долго жили, коротко жили, царь наблюдает за жизнью сына богатого купца: ведет он себя не так, как раньше — он всегда печален, тих.

— Сначала, когда ты приехал, был подвижен, весел. Теперь все время грустишь, тоскуешь. Куда девалось твое веселье?

Он отвечает:

— Куда девалось мое веселье?! В моем городе, где я жил, у меня ведь тоже есть дом с детьми, как же не пропасть моему веселью?

Царь говорит:

— Если есть у тебя дети и жена, почему же мне не сказал? Я бы тебя еще тогда отправил. Почему же нельзя привезти сюда твоих детей?! Поживи три дня, я тебя тогда и отправлю. Корабль снаряжу, съезди за своими детьми!

Прожили три дня. Наступил четвертый, устроили стол с едой, с питьем, сели есть. Царь говорит:

— Ну, что думаешь, какие у тебя мысли? Поедешь к своим детям или нет?

— Если ты отправишь, конечно, поеду.

После этого из другой половины дома открылась дверь, и тут появился рослый юноша. Царь говорит:

— Узнаешь или нет этого человека?

— Откуда мне знать какого-то человека?! Я его не видывал, незнакомый человек.

— Незнакомый человек, а? Ты ведь тогда говорил, что у тебя был сын, как же ты не узнаешь своего собственного сына?!

Он отвечает:

— Сына я имел, когда я сюда приехал, он был маленький, теперь вырос, откуда мне его узнать?!

Царь говорит его сыну:

— Ну, ты тоже не узнаешь этого человека?

— Откуда его я знаю?! Когда уехал мой отец, я остался маленьким, я не знаю, какой был мой отец.

Потом открылась дверь: тут появилась одна женщина.

— Узнаешь эту женщину? — спрашивает царь.

— Как же мне не узнать собственную жену?!

— А ты узнаешь этого человека? — спрашивает царь женщину.

— Как не узнать мужа!

Посадили их вместе. Царь говорит:

— Давеча ты тосковал по своим детям. Теперь и жена и сын приехали, живите!

Долго жили, коротко ли жили, в один из дней он говорит царю:

— Послушай, у тебя есть какой совет для меня?

Царь отвечает:

— Какого совета ты от меня ищешь? Весь народ царского города у тебя в руках, какого же еще совета ты ищешь от меня?

Он говорит:

— В городе, где я вырос, живет мой старший брат. Я ищу у тебя совета о поездке в гости к моему старшему брату. Если ты разрешишь, я съезжу.

Царь говорит:

— Если у тебя есть старший брат, съезди! Людей тебе снаряжу, корабль тебе снаряжу, съезди в город, где ты вырос!

Снарядили ему корабль, снарядили ему людей, и поехал.

Долго ехал, коротко ли ехал, приехал в город, где он жил. На берег вышли с ним два человека. Втроем пошли. Пришли к дому его старшего брата. Для них накрыли стол. Сноха всем троим принесла три рюмки, трое мужчин с достоинством их взяли. Ходят по полу, рюмки дер-

жат в руках. Двое его товарищей хоть и хотят выпить, он им не разрешает. Так, похаживая, разговаривают. Около печки сидит кошка. Говорит старшему брату:

— Что это у тебя за зверек?

— Его зовут кошка, — отвечает старший брат.

— А ради какой надобности ты его держишь?

— Да он приносит большую пользу: положишь в подпол хлеб, продукты — мыши их и съедят. Апустишь в подпол кошку — она убьет мышей, и продукты целые.

— Действительно, хороший зверек, умный зверек, продай его мне! Какая его цена?

— Много ли он стоит?! Его цена триста рублей.

— Коль так дешево, так я его куплю. В нашем краю таких зверей нет.

После этого из-за печки вышла маленькая собачка. Младший брат говорит:

— А вот это что за зверек?

Старший брат отвечает:

— Его зовут собакой.

— Он тоже тебе приносит какую-нибудь пользу?

— Я его потому держу, что польза от него большая: мы ночью спим, придет какой-нибудь вор — лает, вору близко и не подойти.

Младший брат говорит:

— Действительно, хороший зверек, в нашем краю таких зверей совсем нет. Какая его цена? Я куплю его.

— Цена ему пятьсот рублей.

Потом он говорит:

— Коли так дешево, так я дам пятьсот рублей.

После этого, держа в руке рюмку, взял со стола булку, переломил ее на две части. Половину вина из рюмки вылил на одну половину булки, оставшуюся половину вина вылил на другую половину булки. Одну половину булки дал кошке, другую половину дал собаке: «Купленные мною зверьки проголодались, пусть поедят!» Съели они по куску булки, и опрокинулись в разные стороны, и тут же подохли. После этого его товарищи свои рюмки поставили на стол. Они сразу вышли из дома и пошли к царю.

Вошли к царю. Для них накрыли стол, сели есть, пить, начали разговаривать о делах. Он и говорит:

— Я когда-то вырос в этом городе, уехал в другую страну, там жил. Теперь приехал в гости к своему старшему брату: он меня решил отравить. Когда я здесь жил,

он, меня еще молодого вытолкал на улицу, ни копейки мне не дал из денег, нажитых моим отцом.

Царь позвал к себе его старшего брата, спрашивает:

— Правда, что ты так держал, так мучил своего младшего брата? Ты пожилой человек, он тебя считает своим отцом, едет к тебе в гости, а ты пытаешься его убить, разве можно так поступать?!

Вывели его на улицу, посадили в тюрьму. Просидел то ли два, то ли три дня, потом вывели его из тюрьмы, царь пытал его семидесятью пытками, отвели его на место казни и отрубили ему голову. После этого младший брат погрузил на корабль богатство, нажитое его отцом, погрузил на корабль деньги, нажитые его братом, и поехал домой.

Вот какие купцы. Даже брат с братом не могут ужиться. Травят друг друга, убивают. И все из-за золота, из-за денег. Нет для них больше ничего святого! Брат брата топчет...

Вот какие цари! За золото — власть дарили! Добрыми стали... А кому и головы сносили. Семидесятью пытками пытали... В старину все было!

Теперь об этом лишь в сказках сказывают...

ЖИЗНЬ ТАЙГИ

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Зверек наш, просыпайся!
Открой глазки, вставай!
Подружка твоя роужа —
таежная кедровка —
давно уже на вершине кедра сидит,
орешки шелкает, шишку в руках держит,
Зверек наш, просыпайся!
Зверек наш, вставай!
Что это ты так уснул?
Или в человеческом доме тебя придавили
тяжелые сны о таежных смолистых шишках?
А раньше помнишь, когда ты жил в углу леса,
раньше всех вставал!
Куда там крикливая роужа!
Может, тяжесть человеческого ножа и топора
тебя так усыпили?!
Зверек наш, просыпайся!

Зверек, наш, открой глазки!
Младший братец твой, россомаха,
седьмое болото уже обходит,
на вершине седьмой речки уже рышет.
Зверек наш, просыпайся, просыпайся!
Может, тяжесть тонкого сукна тебя так усыпила,
может, тяжесть шелка тебе передалась?
Лесная сестрица твоя, красная лисица,
на берегах семи озер уже побывала.
Мышей половила, полакомилась и уже устала...

Миленький наш! Потяни лапу, потяну другую.
Просыпайся миленький, просыпайся!
Длиннохвостая белочка все деревья обскакала,
а полосатый бурундук запас орехов на зиму,
а белая зайчиха столько узоров нарисовала,
что ни одному не найти ее по следу.
Глаз зари в окно уже смотрит.
Зверек наш, просыпайся! Открой глазки!
Дети твои, лесные девочки, тропу к речке протоптали,
полную кадущку воды принесли.
Утром люди руки моют, плещутся живой водою,
а брызги на тебя летят...
Разве ты не ощущаешь эту свежесть, эту сказку?!

Зверек наш милый! Просыпайся,
открой глазки и вставай!
Вместе с нами улыбайся!
Собирайся в дорогу новую.
Тебя ждут дела вечные!
Зверек наш, просыпайся!
Зверек наш, вставай!

ТАНЕЦ ФИЛИНА

В дом забегает зайчик. Дрожит. В свободный уголок забивается. Немного погодя вваливается Йипыг. Это филин. Страшный — пугало людей и зверей. А нарядился этот артист в кувсь из оленьего меха. И на ногах у него мех. А на руках — крылья. Машет он крыльями, будто летит.

Сначала Йипыг зайчика не видит. Вытягивает шею, осматривается, разыскивает свою жертву.

А заметив — стремглав летит по следу. Миг — и серенький в руках у филина.

Радостный Йипыг пляшет, режет голову зайчику и чавкает, словно ест его.

Потом садится на деревянную кровать, рядом с женщинами. Во рту у него будто косточки заячьи похрустывают. А между тем на женщин бросает снежки, которые вытаскивает откуда-то из бокового кармана. Те лукаво

закрываются от него рукавами, шальями, платками цветными.

Потом вскакивает на пол. Наклоняется к одному мужчине — дует на него. На второго — сильнее. На третьего дышит — шипит зверем, дует, как ветер. Это он начал людей пугать. Недаром его зовут пугало. Свое имя оправдывает.

Покуражится над людьми — на медвежью голову дует. Сначала тихо — потом во весь дух дует.

Наконец, покуражившись вдоволь над зверем, прыгает на середину большого дома, в огненном танце срыгает с себя крылья, шелковые платки и ленты, которыми был обвязан, и с зайчиком — на улицу.

Кастанхум говорит: вытряс он зайчику душу. Отдадим ее нашему духу Голове.

СЛОВА ЗВЕНЯТ — ДЕТИ ИГРАЮТ

Два мальчика играют. Звуки перебирают. Слова бросают. Один говорит другому:

— Что находится над подбородком?

— Крыльцо дома.

— Что над крыльцом дома есть?

— Дверь.

— Что над дверью?

— Над дверью — турнепс.

— Что над турнепсом?

— Два озера с живой, сияющей водой.

— А над озером что?

— Над озером высится белолобая гора.

— А что на белолобой горе?

— На белолобой горе дремучая тайга раскинулась.

— А под дремучей тайгой что?

— Под дремучей тайгой два чутких слушателя сидят. Вслушиваются они в мир, стараются все понять.

А вы отгадали эту игру-загадку?

Да это же лицо, рот, глаза, уши... Неужели вам так сложно?! А для мансийских ребятишек — это обыкновенная речь! Все просто и понятно. Таинственно и обычно. Как река, лес, небо...

Два мальчика играют словами. Один из них хватается стрелу, прячет за спину и говорит:

— Дружок! Что за спиной держу я?

— Дружок! За спиной у тебя железный город.

— А выше железного города что?

— Выше железного города — деревянный.

— А выше деревянного что?

— Крылатый город.

— А выше крылатого города что находится?

— Там находится просека, по которой из озера в озеро легат утки-гуси, не поднимаясь над лесом.

— А по обеим сторонам просеки что находится?

— Два ушка осеннего зайца торчат.

Ох, эти ушки. Хорошие ушки. Подцепишь ими гладкую тетиву лука — не скользит стрела. Натянешь тетиву, отпустишь тетиву — стрела запоет. Миг — и заяц лежит. У осеннего зайца, ой, какое вкусное мясо!

СИННИЧКА

— Синничка, синничка! На что похож твой острый носик?

— Мой носик — острая пешня, которой долбят лед.

— Синничка, а крылья на что?

— Крылья — две метлы, чтоб избу подметать.

— Синничка, а кишки для чего?

— Кишки мои — тынзян¹, которым поймаешь оленей.

— А лапки что?

— Лапки — ножки избушки лесной, где хранятся припасы охотника. Далеко пойдешь — заблудишься, избушку эту встретишь: там спички найдешь, сухари найдешь, кусок мяса найдешь, жизнь продолжишь.

Вот для чего я, синничка, живу!

Вот для чего с утра до ночи летаю, пою!

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

Идет медведь по тайге, видит: заяц под елью сидит. Подкрадывался, подкрадывался, хотел схватить его — а заяц прыг в сторону. Не дался он в лапы медведю,

¹ Тынзян — длинный шнур, сплетенный из кожи. Им ловят оленей.

ускакал. Присел подальше и говорит: «Ну что ты за мной гоняешься?! Тебе все равно не поймать меня! Я же перед тобой не буду лежать: ноги мои зачем тогда?! И ты меня разве стоишь?!

Убьет охотник меня, закипит котел — мясо мое душистое за три дома говорит обо мне! Вкус моего мяса за семь домов людей с ума сводит, в лес зовет!..

А тебя убьют, домой приволокут, сварят — и есть невозможно! Бульон из твоего мяса черный, будто золу варили. Вот ты какой! А я не для тебя создан!..»

Слушал медведь зайца и ничего не мог ответить!..

СНЕГ И ЗАЯЦ

Снег говорит зайцу:

— Мне почему-то плохо.

— Может, ты начал таять, потому тебе и плохо, — отвечает заяц.

Прыг-скок, прыг-скок по белому снегу.

Скачет зайчик и наговаривает:

— Снежок! Я тебя пожалею. Ты не должен растаять. Снежок! Да без тебя не будет в тайге жизни! Я по тебе скачу, узоры рисую. Лисицы, горнастан от глаз людских под тобою прячутся. Без тебя как нам жить?! Каждая ворона, ястреб, филин клевать нас будут. Даже сорока и та совесть потеряет. Пойдем к Хозяину леса, попросим его, чтоб он оставил снег. Будем молиться ему, как только сможем.

Сверкнул снежок белой улыбкой, а зайчик поскакал к Хозяину леса. Молится зайчик Хозяину леса, просит снег оставить.

А по небу уже солнце ходит. Высоко ходит. Горячо ходит. Ласкает вершины кедров: и кап, кап, кап. Лучами жаркими сквозь густую хвою смотрит: и снег становится нежным. По обрывистому берегу таежной речки гуляет: и ручьи веселые звенят, горланят. А таежная речка стала синей, набухла. Струхнул зайчик не на шутку, слезы из глаз его косых побежали. Заметил это Хозяин леса и спрашивает зайца:

— Что с тобой, милый?! Куда делось твое осеннее веселье?!

— Снег тает. На глазах уходит. Что будет со мной, с белой моей шубой, когда снег уйдет? Любая птичка, любой зверек заметит меня среди зеленой хвои, на почер-

невшей земле. Даже вороны и сороки осмелятся клевать меня. Негде мне будет спрятаться от их коварных клювов. Оставь, великий Хозяин великого леса, мне белый снег. Вечно я буду тебе благодарен.

Сжалился Хозяин леса над зайчиком и говорит:

— Дружок мой! Я с солнцем не могу спорить: солнце выше меня и сильнее. И снег защитить я не смогу. Он все равно растает. Мы с тобой вот что сделаем: белую твою шубу на серую сменяем. Летом листья зеленые, стволы деревьев серые, тени деревьев темные. И серая твоя шуба в тени листьев и деревьев будет совсем незаметной. И никто тебя не сможет увидеть.

Обрадовался зайчик, опять запрыгал, в новой шубке поскакал. С тех самых пор и повелось: как начнет таять снег — зайчик шубу меняет, белую сбрасывает, серую надевает. И всю весну, лето и осень, до самого первого снега в серой шубе бегаёт.

Вот почему зайчик то белый, то серый.

СМЕРТЬ КОМАРА-ХВАСТУНА

Над озером летит комар. В зеркальной глади воды он видит свое отражение. И довольный собой поет на все озеро:

Пан-панрись, пани-пани — я всеильный комар —
Тонкие крылья посят меня
Над шелестом трав, над водой голубой,
Даже над лесом с зеленой каймой,
Тонкие крылья посят меня...

Пан-панрись, пани-пани — я всеильный комар —
Длинные ноги есть у меня,
Как только прозрачные крылья сложу —
На крепких ногах уже я хожу
По теплой и толстой коже живых...

Пан-панрись, пани-пани — я всеильный комар —
Вкусную кровь я пью у кого?
Пью у оленей, у псов голубых,
И у летящих лошадок лихих.
Кровь человека даже я пью!..

Пан-панрись, пани-пани — я всеильный комар —
Пани-пани, пани-пани — боюсь я кого?
Всех я острее, и всех я быстрее,
Меня не поймают и не убьют...

Эту песню услышала сѣхри-хохри — стрекоза. Она большая — не сравнишь ее с комаром. И крылья у нее радужные. Услышала песню комара и говорит ему:

— Послушаешь тебя и в самом деле подумаешь, что ты самый острый и быстрый. Не хвались, комар, не возноси себя! Может быть, на свете есть и сильнее тебя! Ведь на берегу лесного озера, где тени деревьев на воде лежат и травы колышутся, живет порипан-эква — прыгающая бабушка, болотистая бабушка, лягушка.

— О-о, нет! Не поймает! — высокомерно пропищал комар и дальше полетел, напевая:

Пап-панрись, панп-панн — я всесильный комар —
Панн-пани, панн-панн — боюсь я кого?
Всех я острее и всех я быстрее,
Меня не поймают и не убьют...
Пап-панрись, панп-панн, панн-панн, панн-панн!..

Прилетел комар туда, где тени кедров лежат на воде и травы колышутся. Облюбовал самый крылатый листочек, самый зеленый и яркий, важно опустил на него лестницы-ноги.

Тонкие крылья его уже лежали по бокам, а острый носик уже жаждал крови... Опьяненный собой и своей песней, он и не заметил опасности: под зеленым листом сидела зеленая порипан-эква — бабушка-лягушка. Она тихо-тихо, тише самой тихой сказки схватила комара-хвастуна.

Язык у прыгающей бабушки липкий-липкий, словно намазанный клеем. Язык у порипан-эквы, как болото: завязнешь — не выберешься. Как ни пищал комар жалобную песню, как ни старался оторваться от липкого языка лягушки, так и не смог отлепиться. Лягушка его съела. Так вот умер хвастливый комар. А та порипан-эква — болотистая бабушка-лягушка до сих пор живет на берегу лесного озера, поджидая других хвастунов...

ГНЕВ ТАЙГИ

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево стоит высокое. А пристальнее взглянешь — это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга черная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь — сам царь тайги — медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох.

На каждой ветке кедра — соболь. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их много, как и кедровых шишек. А в таежной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таежной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы веселые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное озеро рыбами. Дышит лесное озеро. Живет.

А на опушке леса, на зеленой поляне глухаринная свадьба, глухаринная песня.

А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы-лебедя. Вечное, лебединое «курлы-курлы» плывет и плывет не умолкая. А поднимутся утиные стаи в небо — солнце собой затмевают.

Много зверя в тайге, много рыбы в реке, много птицы в небе...

Радуются люди. Бьют птицу, бьют рыбу, бьют зверя... На лосиных тропах ямы роют, на собольих дорожках петли ставят, на местах перелета птиц перевесы — сети натягивают. Из лука бьют птицу крылатую, самострелами бьют зверя красного и черного, придумывают новые ловушки и радуются своей силе и ловкости.

Долго ли, коротко было так. Но однажды тайга дремучая будто помертвела. Сколько ни смотри: не оживет дерево, не взмахнет рогами, не помчится лосем. И коряга черная останется корягой. Увидишь пушистого соболя, подкрадешься ближе — мох пушистый на ветвях висит. А в таежной речке нет озер бобровых. Мастера-бобры плотины там не строят. И захламленная ветвями речка, как болото, дышит прелой гнилью. И где уж плескаться рыбам!..

Замолчало небо. Будто с многострунного лебедя сорвали самую звонкую и живую струну... И люди присмирили. Обуял их страх. Великий страх. Задрожали люди, чуя свою смерть.

— Кто умертвил наш лес, увел зверя и птицу? — спрашивали они.

— Ха-ха-ха! — смеялась сорока-белобока.

— Ха-ха-ха! — смеется она. — Лесной дух — гнев тайги вас наказал. (А это птица особая. Она в грязной помойке копается. С любым человеком уживается. Лишь она одна из крылатых так может.)

— Ха-ха-ха! — смеется сорока. — Лесной дух — гнев тайги вас наказал. Зверя били, птицу били, рыбу били.

Много били. Радовались силе своей. Не думали. Вот и наказал вас гнев тайги. Ха-ха-ха!.. А мне не смешно. Боюсь и я вас. До меня, пожалуй, доберетесь. Мое черное и грязное мясо есть будете. Вы, люди, такие. На все способны! Боюсь вас. Ох-ох-ох!..

Задумались люди: что же делать, как оживить природу? Тронет горе — люди будто просыпаются. Коснется беда — люди словно прозревают. И глаза видят, и уши слышат, и душа оживает, и ум шевелиться начинает. А где же человек был раньше? Неужели он не видел и не думал?

Но среди людей был один Человек. Звали его Тасманом. Однажды он шел по лесу. Вдруг в темной тайге раздался страшный рев. Это не гром гремел, и не волк выл. Нет! Это не стон деревьев под вьюгой, и не плач ребенка! Нет! Это ревел лось. От боли кричал, кого-то на помощь звал.

Не убежал Тасман подальше от горя. Не испугался он чьей-то злобной силы, которая зверствовала в лесу. Исполнил Тасман закон тайги: пошел спасать слабого, погибающего. И не случайно: ведь он был настоящим охотником. И видит Тасман между кедрами лося. А на спине лося — медведь. Он острыми когтями шкуру лося рвет.

А как он на спину лося взобрался? — спросит кто-то. — Ведь лось высокий, стройный. И даже хозяин тайги боится его ветвистых рогов, а угодит под удар копыта, и не встать ему вовеки. Медведь хитрый, скажу я вам. Он взобрался на кедр. В ветвях кедра, под которыми была лосиная тропа, притаился он. Долго ждал медведь своего соперника. И дождался. Знал он, что лось пойдет на водопой по этой тропинке. И когда тот проходил под ветвями кедра, радостный медведь прыгнул на широкую спину таежного красавца...

Чуя кровь живую, радуясь добыче, счастливый зверь не заметил опасности, не увидел вовремя охотника. Тасман увидел несправедливость: один убивал другого. И он встал на защиту слабого. Потому что знал: убийцу надо усмирить. А не то он всех придавит. И натянул он лук старинный, и пустил старинную стрелу. С тех пор медведей стали убивать. Но манси не скажет: «Я убил медведя», а молвит: «Я низвел его». А медведя не по имени называет, а «в лесу живущим» величает. А когда убьет своего далекого предка (а по преданию, медведь —

иредок манси), на веселое Медвежье игрище приглашают всех близких и далеких, искупают вину за убийство плясочной, песней, мудрым словом, искусством ярким и весельем.

А голова медведя на столе сидит среди шелка красного и вкусных блюд. И думали древние манси, что он все видит, слышит и радуется жизни своих потомков, и душа его звериная в доброе превращается, в вечное отправляется...

Склонил лось величавую голову перед Тасманом, склонил он рога могучие и молвил по-человечьи: «СПАСИБО! ТЫ ЧЕЛОВЕК!» А на спине широкой горела рана. И Тасман повел лечить лося в юрту свою лесную. Алыми струйками кровь лилась. И там, где лось проходил, где капли крови уронил, теперь ягода-брусника красными глазами каждое лето смотрит, в каждое новое лето наливается новым соком. Вылечил Тасман лося. Поблагодарил лось Тасмана и спросил: «Что для тебя сделать, ЧЕЛОВЕК?»

— Соболь не играет, глухарь не поет, сырок не плещется, душа умирает... Как оживить душу, вернуть тайге и рекам жизнь?

— Садись на меня,— говорит лось,— ноги у меня длинные, ноги мои еще крепкие, может, и доскачем до юрты Лесного духа — царя зверей и птиц и всего живого.

Сел Тасман на лося и в дорогу. А дорога эта была не короткой. Дремучие урманы встали на пути, высокие горы, топкие болота, широкие реки. Выюга и слякоть не остановили Тасмана. Доехал он до царства Лесного духа. А царство это волшебное. Люди пройдут и ничего не заметят. Обыкновенные сосны, может, чуть повыше. Обыкновенные кедр, может, лишь чуть поветвистей и древнее. Обыкновенные ели, может, лишь ветви ниже к земле мшистой тянутся. Обыкновенная тайга, может, лишь подремучее и таинственней...

А человек пройдет — чудо увидит. Не всякий человек. А лишь тот, в ком доброе сердце, мудрый ум, чистые руки. А в руках которого хоть капля напрасной крови — не видать ему волшебного царства, где белки с соболями играют, где собаки с волками дружат, лоси и медведи не дерутся, в реках пляшут рыбы, а над таежными озерами день и ночь плывет лебединый лепет, не молкнет чаек звонких смех, и гусиный гогот, и утиный свист.

На ветвях кедров узорчатыми чашечками висят ряб-

чики, а на вершинах лиственниц каменными идолами глядят краснобровые глухари. И бобры плотины строят, учат мастерству бобрятам. Выдры с гор катаются, и так же, как в краю манси, в прозрачную таежную речку ныряют. Росомахи гам не воруют, не рычат, не скалят зубы. Увидишь кустарник ветвистый, подойдешь поближе — оживет кустарник, зашагает кустарник ветвисторогим оленем. Увидишь корягу, черную корягу, подойдешь — и чудо свершится: перед тобой живой медведь. И он тебя не тронет. Как в старину, улыбнется и восвояси зашагает. Каких только зверей и рыб не увидел Тасман! Сказочно-го вида звери, причудливые птицы, волшебные рыбы... И много их, как летом комаров, зимой снега. А самого Лесного духа Тасман не увидел, а лишь услышал.

Дух есть дух. Тела у него нет. Прозрачно-голубоватой тенью подошел к старику дух и молвил: «Здравствуй, пришелец с далекой земли! Что тебя привело ко мне. Говори, я слушаю...»

— О, Великий дух тайги, — ужав на колени, забормотал старик. Он молился от имени всех манси, от всех рыбаков и охотников. — Золотую чашу дедов, чашу, из которой ели семь охотников мужчин, кто-то злобный утащил.

Верили духам древние люди. Думали, что все зависит от них. И в чашу счастья верили. У кого эта чаша — тому и удача на промысле.

Если ты поймаешь вора, если ты вернешь нам чашу,
То тебя мы не забудем, будем мы тебе молиться —
Ночью, днем, зимой и летом —
Сколько будет мир кружиться!..
Коли жертву ты захочешь, принесем тебе мы жертвы
И последнего оленя для тебя без дум заколем!»

Своим духам манси приносили жертвы. Жертвой могли быть не только олень, но и белая лошадь, теленок и даже курица. Кровью жертвенной мазали рот деревянного идола, которого вырезали сами. Он и был вместо невидимого духа. Вот как было в старину. Синей музыкой звенели невидимые слова невидимого духа. Зеленое эхо повторяло эти слова и уносило их вдаль. Их шептали листья живых деревьев. Их повторяли струи звонких речек. А может, говорил не Дух тайги? Может, это птицы пели? Может, рычали медведи и сердились люди? Может, это юркий соболь мудро скалил зубы?! Может, пятисотлетний кедр, скрипя, думу думал? Может, это было, может быть, и нет. Только Тасман опять услышал:

— Человек! Ты не можешь жить без мяса, не знаешь счастья без рыбы. Знаю... Я верну тебе и зверей, если будешь хозяином на Земле, а не гостем... И еще скажу:

Человек!
Будь рыболовом с головой,
Охотником — с душой!
А если жаден ты и зол,
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом —
Ножом из гневных слов.
Пускай ослабнут у тебя
Колени, хворый пес,
Чтоб не топтал траву, губя,
Десятки птичих гнезд,
Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда нелепый твой топор
Начнет кромсать тайгу.
Пусть примет на десять когтей
Твою башку медведь,
Когда муксуновых детей
Твоя наловит сеть.
И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодежь в рост пойдет
Внутри тебя — и костью в кость
Насквозь тебя проткнет.
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой!

Слушал Тасман заклинания и чувствовал, как в такт словам слабли его колени, а на спине рос уродский горб, и медведи поднимали когти, готовясь схватить его, а в животе что-то росло. Неужели это та молодая рыба, которую ловили его сородичи, не дав ей вырасти?! Неужели кости этих рыб и вправду его проткнули?! Но ведь Тасман не виноват! Он ведь никогда не ловил молодежь и понапрасну не бил зверей! Так почему же его наказывает Дух тайги?!

И вдруг лось заговорил человеческим голосом:

— Тасман спас меня. Он оживил мои смертельные раны. Вернул мне радость жизни... Не виноват Тасман!

В коленях Тасмана опять заструилось тепло: то возвращалась сила. Спина распрямлялась, медведи, стоявшие гурьбой под деревьями волшебными, опускали когтистые лапы... Вздохнул облегченно Тасман и опять услышал голос невидимого Духа тайги:

— Ты добрым был — тебе прощаю. Но знай, человек: ты за всех в ответе!

Эти слова семь раз повторил филин — волшебная

птица. Еще семь повторила волшебная гагара. И эхо волшебное во все концы света разнесло вещие слова Духа тайги. Теперь все знали: Тасман — настоящий Человек. Теперь все знали: люди, оказывается, могут добрыми быть хозяевами. И опять Тасман услышал голос Духа:

— Люди, вы стелете сладкие молитвы. Но не за них я возвращаю вам птиц, зверей, рыб. Нет! А среди вас оказался: ЧЕЛОВЕК!..

— Человек! Человек! Человек! — повторял волшебный филин, ему вторила гагара, разносило дальше эхо:

— Че-ло-век! Че-ло-век! Че-ло-век!

Трещала тайга: это стадо оленей, лосей зашагали на север, скакали соболи, летели белки. Шипела вода: это косяки рыб поплыли в родные реки и озера. Звенело небо: это летели стаи птиц в родную белую ночь, чтобы свить гнезда и вывести крылатых сыновей и дочерей. В этой веселой музыке звучали строгие слова Духа тайги — царя зверей, рыб и птиц:

Люди!

Напоминаю вам, что вы — не гости —

Хозяева у щедрого стола.

Чтоб этот стол не оскудел веками,

Не вымирали рыбы и зверьки,

Чтоб в некий день не запылала река,

Самой природе печной вопреки,

Давайте думать все, пока не поздно!

Земля одна, и нет второй Земли...

Птицы летели на север, звери шли на север, рыбы плыли на север. Ехал на родину и Тасман. На вещем лосе ехал. В душе у него резвилось счастье. Но рядом с ним сидела глубокая дума: «А сможет ли человек быть ЧЕЛОВЕКОМ?!»

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ МЕДВЕЖЬЕГО ИГРИЩА

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — поют люди. — Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Последнюю песню медведя поет шаман, поют певцы. Последняя воля медведя, последняя его дума. Послушайте и вы! Если помолчите, я вам пропою. Только я не шаман, и нет той сказочной обстановки, при которой люди заморожены. Нет у меня и бубна, нет волшебного многострунного журавля, нет даже простого пятиструнного санквалтапа. И мир таинственный и волшебный

давно остался лишь преданьем старины. Нет сейчас Медвежьих праздников. И потому вы от меня лишь слова услышите. Но если вы помолчите, не шелохнетесь, не улыбнетесь злой насмешкой, то в мире том вы окажетесь со мною снова.

Так слушайте последнюю песню, которой кончался в древности праздник:

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
В священном углу человеческого дома
посадили меня, медведя!
В гнезде из мягкого сукна и тонкого шелка
я, лесной дух, сижу!
Бесконечную юношескую удаль мне показывают!
Вечным девичьим весельем меня веселят!
Бездонные чаши с озерными яствами
передо мною ставят.
И руками белыми, как вода Оби,
глядят мою шерсть.
Девушки кружатся в плавном танце,
Как ветви деревьев качаются.
Юноши скачут, будто волны,
резвыми волками пляшут.
Смотрю на бесконечную юношескую удаль — и забываюсь.
Дивлюсь вечным девичьим весельем — и забываюсь.
Нить золотого ума роняю где-то в воду.
И тело свое звериное
Роняю где-то в тайге.
И весь я превращаюсь в Дух,
в Добрый дух тайги!
Где? Сам не знаю!
В этот момент люди зажигают в доме костер,
Поленья из лиственницы загораются ярким пламенем.
И в свете пламени вижу; проскользнул какой-то зверек.
Кто это был? Не разобрал!
И опять где-то роняю нить золотого ума. Забываюсь.
А бесконечная юношеская удаль не гаснет четыре ночи.
Так велел им мой Отец небесный!
А вечным девичьим весельем льется пять почей.
Так начертал им мой Отец небесный.
Ласкают слух мой музыкой, игрой веселой развлекают.
А между тем в священное платье меня наряжают,
рядом с крылатыми духами садят.
Если великим духом меня назначают —
золотые деньги рядом со мной звенят.
Если маленьким духом меня называют —
малая мелочь медным звоном звенит.
И вся деревня, полная юношами и девушками,
собирается в доме, где сижу я в счастье шелка яркого.
Вдруг в углу дома зазвенел голос
какого-то голосистого зверька.
Никто не понял, что это за зверек.
В другом темном углу тоже зазвенел чей-то голос.

Его тоже никто не разобрал.

Старики и говорят:

«Это что за голосистый зверек? Такого хорошего зверя с таким чудным голосом мы еще не слыхивали!»
В третьем углу что-то зашумело.

«Чей такой звучный голосок? — удивляются старики. —

Глазами мы такого зверя не видали. Да, ладно!
На будущий год, если случится подобное счастье,
тогда, может, и пойдем, разгадаем тайну!»

И опять где-то роняю золотую нить сознания.

Куда я делся? Не знаю!

И людей я потерял из виду.

И угол свой, где познал я счастье красного сукна,
потерял.

Вдруг чувствую: оказывается, валяюсь возле дома.

И стал я, оказывается, величиною с мышь.

Носик у меня маленький-маленький.

Ушки мои маленькие-маленькие.

Стоят уши торчком, вслушиваясь в мир, и слышат:
в доме том ребятишки таежные про меня песни поют,
сказки сказывают...

Слышу я это, и звериное сердце мое вздрагивает,
наполняется нежностью,

а с левого глаза роняю слезу,

с правого глаза роняю слезу.

На вторую ночь я доползаю до дорожки,

по которой женщины носят домой снег.

Оказывается, стал я величиною с белого горноста.

Ушки мои, стоящие торчком, слышат:

деревенские мальчишки меня славят,

деревенские девочки про меня песни поют.

И сердце мое звериное опять от счастья трепещет,

левый глаз мой роняет прозрачную слезу,

правый глаз мой роняет светлую слезу.

На третью ночь, на третий вечер

оказываюсь на узкой тропинке охотника,

по которой он за белками ходит.

А вырос я уже величиною с росомаху.

Шагами росомахи взад-вперед прохаживаюсь,

а уши мои слышат: в деревне большой

сыновья охотников меня прославляют,

дочери охотников меня возвеличивают.

Левый глаз мой роняет светлую слезу,

правый глаз мой роняет счастливую слезу.

Назавтра настал хороший, божественный день.

Оказывается, я уже превратился в священного зверя,

Хозяина тайги — медведя превратился.

Нашел ветвистую березу, на которой жируют глухари.

Снял с этой березы мягкую бересту

и сделал кузов с причудливыми узорами.

Кузов получился большой: на всю спину медвежью.

Человеческие дети мои дарили мне озерную пищу,

речные яства. Кладу я это счастье в кузов берестяной.

Человеческие дети мои осчастливили меня подарками

из яркого шелка, дорогого сукна.

Все это в кузов берестяной кладу я.
Не забываю положить и серебряные монеты,
золотые серьги, сияющие бусы.
И большущий кузов берестяной поднимаю на спину
и иду к истоку таежной речки.
Прихожу я в чащу лесную, где живут Менквы.
Они встречают меня произительным свистом,
смехом язвительным встречают и говорят:
«К людям спускавшись, друг наш идет!»
Сами между собой и посмеиваются:
«Смотрите-ка, смотрите!
Скелет идет! Люди в его костях копались,
в мясе его ковырялись. Ть-фу!»
Услышал я это. И сердце мое звериное
будто проткнули острой елью,
копьем из лиственницы будто пронзили.
И разбежались мысли мои: кто в воду, кто в лес.
Успокоился я лишь у священного костра,
разожженного человеком, чтобы принести жертвы духам.
Жерственный котел вешаю на огонь.
На жертвенные чаши выкладываю озерные яства,
речные яства, которыми угощали меня люди.
Дорогие подарки из кузова вытаскиваю.
На веточки священных деревьев развешиваю монеты,
серьги, бусы,
тряпки жертвенные развешиваю.
Удивляются Менквы, духи удивляются:
не было у них таких богатств и признания людей!
Не было у них такой славы, таких гимнов люди им
никогда не пели!
Иду дальше. К истоку таежной речки иду.
В верховье этой речки, в лесной чаще,
в неведомом углу, стоит святая избушка.
На одной ножке она стоит.
Злым зверям к ней не добраться,
не разорить ее никому.
Лишь верующий таежник к ней дорогу знает.
Подхожу к священной избушке, и меня
опят освистывают, опять осмеивают.
Сыновья духов-богатырей надо мной смеются,
дочери духов-героинь надо мной смеются.
Говорят: «Смотрите! К людям спускавшись, наш
друг идет! Люди в его костях копались,
в мясе его ковырялись. Ть-фу!»
Смеются они смехом, от которого больно моей спине,
будто секут ее.
Смеются они смехом, от которого больно плечам,
будто кто-то сидит на них.
И свой ум умного зверя роняю где-то в лесу.
И свою душу задушевного зверя теряю где-то в воде.
И лишь у костра священного,
который разожгли мои друзья — люди,
мне становится тепло и спокойно.
Они жгут в честь меня золотой огонь.
Я теперь не боюсь огня: я уже не медведь-зверь,

я уже медведь-дух.
Золотой огонь — бог, а я — бог.
Вот жертвенный котел кипит.
Над паром кружатся голодные духи.
Я не кружусь. Я сыт. Спокойно сижу у огня
и жду свою божественную долю.
А доля моя велика!
Раскрываю кузов свой медвежий.
И выкладываю речные яства, озерные яства,
которыми одарили меня мои сыновья — люди.
И в священные чаши накладываю яства,
приглашаю всех великих духов отведать яства,
посмотреть подарки.
В чаши серебряные кладу серебряные монеты,
в чаши золотые золото кладу.
Кольца дарю духам, серьги развешиваю
на красивые уши богинь.
На жертвенные сучья набрасываю шелковые шали,
на жертвенные ветви деревьев сукна тонкие бросаю.
И дивятся боги, не смеются боги:
такой славы и признанья они от людей не знают!
И я — Великий дух тайги — оставляю их, ничтожных!
Набрасываю на спину свой тяжелый кузов
и иду дальше! По тайге иду, по горам иду.
Долго ли, коротко шел,
наконец, открываю золотые двери золотого отцовского дома.
Отец мой, Нуми-Торум в собольей шубе
сидит на своем священном троне.
На копчик его собольего колена я сажусь.
Отец мой говорит: «Сын мой! Ты к людям спустился?
Как там люди?!»
Я снимаю со спины своей берестяной кузов,
и выкладываю из него, я выкладываю.
Сыновья отца, дочери отца гурьбой окружают меня.
Кому дарю солнечный шелк, кому сукно огненное,
кому соболя черного, кому песка белого...
Отец спрашивает: «Ты спустился к людям?
Как они встречали тебя?»
— В дом с четырьмя углами ввели меня.
На священный стол в священном углу посадили.
Развлекали вечным девичьим весельем,
показывали мне вечную юношескую удаль.
Осчастливили меня вкусными яствами озер и рек.
В гнезде из тонкого сукна и шелка ледеяли меня.
Звоном серебряных денег ласкали мой слух,
сиянием золотых колец, драгоценных камней
веселили мой глаз.
Не огонь плясал — а люди. Вот какие у них танцы!
Не ручей журчал, не ветер выл — а люди пели.
Вот какие у них песни!
В дом какой-то косматый зверь забежал, плясал, меня дразнил.
Но я его не разобрал. Кто он? Не узнал.
И в этот момент нить золотого ума уронил где-то в воду,
И тело свое звериное уронил где-то в тайге.
Отец мой! Настанет новая эра,

когда кончится время таежного человека,
я разожгу костер из лиственниц и елей
и брошу виновников в огонь!

— Сын мой! — говорит бог. — За то, что они плясали
голыми руками, без рукавичек с узорами, за то, что
наряжались они в лохматого зверя, не надо разжигать огонь!

Это я их придумал такими веселыми и глупыми!
За это не имей ты на людей злой мысли, недоброй думы!

— Отец мой! Когда пришел я в дремучую чащу,
где живут лесные духи Менквы,
меня освистали звериным свистом,
меня осмеяли звериным смехом.

Мол: скелет идет!

Отец мой! Настанет новая эра,
я разожгу великий костер из еловых веток
и дров из лиственницы и дотла сожгу их!

— Нет, сын мой! Не надо!

Лесных духов тоже я придумал.

— Отец мой! Когда подошел я к священной избушке,
что стоит в лесной чаще, и где идолы богов хранятся,
меня тоже освистали, меня опять осмеяли.

Богатыри твои изгалялись,
героини твои оскверняли меня,
В воде спокойствие мое утонуло,
в тайге потерял веселый дух.

Отец мой! Настанет новая эра,

Идолов этих я сожгу на костре большом, священном!

— Сын мой! Не надо! Их ведь тоже я придумал!

Они мои помощники, мои слуги!

— Отец мой! А еще я слышал в одном углу дома
звучный голос какого-то зверька!

Какой звонкий голос! Какой чудный!

Только не разобрал: чей это звенящий голос?!

— Сын мой! Настанет малоснежная осень —
сходи опять на землю: узнаешь этот голос!

И все на свете поймешь!..

Сын мой! Ты принес много подарков.

Всех моих сыновей и дочерей, слуг одарил.

Только двум привратникам, охраняющим золотые двери
золотого дома, не хватило.

Настанет малоснежная осень —

опять спустишь на землю,

сходи к веселым людям.

Они тебя так же встретят.

Повеселяться с тобою.

И привратникам будет весело!..

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА. ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛОВА

Перед тобою руки наши извивались, играя прекрасную игру. Перед тобою летали наши ноги, играя веселую игру. Ты смотрел и улыбался, прозревал с каждым танцем, с каждой песней. Перед тобою вставала наша таинственная, нелегкая жизнь. Жизнь семи веков была тебе понятна, жизнь ста веков и до Великого потопа была тебе еще понятней! О ней у тебя своя сложилась дума. Спасибо, что ты нас посетил! Спасибо, что дал нам недели веселья, ночи дум!

Мы словно тоже чуть прозрели, стали моложе и древнее! Спасибо! Мы на твои медвежьи лапы насмотрелись. Они спокойно так лежали. Сильными снова, как веки назад, чувствовали себя. Пумасипа! Много раз спасибо!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
----------------------------	---

Песня, упавшая с неба	6
---------------------------------	---

ЗЕМЛЯ. НЕБО. МИР-СУСНЭ-ХУМ

Гимн богов	15
Сказка	17
Почему ворон стал черным?	18
Мир-суснэ-хум	19
Дорога	20
Загадочная кибитка	21
Огненное море	22
Мир-суснэ-хум мастерит зверей...	23
Мир-суснэ-хум приводит рыб...	24
Народ сам себе хозяин	25
Сильным рукам — сильный ум!	27
Не ломай кости	28
Молитва	29
Сон Мир-суснэ-хума	33
В царстве теней	34
Кузнец сковал восьмикрылого коня	38
Медные ворота	39
Богатырское имя	40
Духов избирают	42
Владыка слушает Мир-суснэ-хума	42
Тапал-ойка	44
Владыка обещает	44
Танец Чайки и Мир-суснэ-хума	46
Первая ошибка	48
Как Мир-суснэ-хум выбирал жену	52
Песня журавля	54
Пояс с драгоценными камнями	57
Как создали человека?	58
Два острова	60
Хотите жить — будьте охотниками!	60
Всемирный потоп	61

ЖЕСТОКИЙ БОГАТЫРСКИЙ ВЕК

Танец великанов	64
Жестокий богатырский век...	66
Менкв и богатырь Сосьвы	68
Кто живет в верховье Оби?	69
Богиня-героиня	71
Три богатыря	72
Грабители	74
Внуk	76
Пакв-поси-войкан-отыр	82
Таежник в роскошном дворце	86
Аньволтуп	90

ЛЮДИ И ДУХИ

Мужчина с берестяным кузовом	94
Сбор ясака	95
Сори Тулыглап	96
Витхон	98
Водяная Миснэ	100
Миснэ и водяная царевна	100
Миснэ женит на себе охотника	102
Мужчина женится на Миснэ	103
Йилыг	104
Мосьнэ и Порнэ	107
Сын Мосьнэ	110
Танварпэква	112
Танец кулика	114
Танец Лэlnэ (низенькой женщины)	114
Танец женщины	115
Отец и дочь	117
Доля женщины	117
Дом у дороги	119
Священное озеро	120
Клад	120
Слово	121
Танец ворона	122
Танец таежных охотников	122

ЭКВА-ПЫГРИСЬ ПОБЕЖДАЕТ

Медвежья песня Эква-пыгрися	125
Эква-пыгрись спасает санквалтап	127
Эква-пыгрись идет в город	135
Живая вода	137
Налимья печень	141
Эква-пыгрись заплетает косы...	142
Сыновья купца	144

ЖИЗНЬ ТАЙГИ

Утренняя песня	155
Танец филлина	156
Слова звенят — дети играют	157
Стрела	158
Синичка	158
Медведь и заяц	158
Снег и заяц	159
Смерть комара-хвостуна	160
Гнев тайги	161
Последняя песня Медвежьего игрища	167
Последние слова. Прощальные слова	173

Юван Николаевич Шесталов

СКАЗКИ ТАЕЖНОГО ИГРИЩА

Редактор Е. П. Имбонин
Художественный редактор Е. Ф. Николаева
Технический редактор В. А. Авдеева
Корректор Л. В. Конкина

Сдано в набор 18/VII-72 г. Подп. к печ. 8/XII-72 г.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5,5. Усл. печ. л.
9,24. Уч.-изд. л. 9,62. Изд. вид. ЛХ-401, А12355. Тираж
50 000 экз. Цена 42 коп. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия»,
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государст-
венного комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электро-
сталь Московской области, ул. им. Тельяна, 25. Зак. 485.

42 коп.

Советская Россия